

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
XLI

№ 3
июль-сентябрь

ТАШКЕНТ
2016

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Сестра Иоанна (Рейтлингер). Фрагмент росписи православной церкви Св. Иоанна Воина в Медоне (С. 75).

Стр. 3: Архиепископ Михаил (Чуб). Монахиня Маргарита (Лаврова) (С. 84).

Восток Свыше. 2016, № 3 (XLI)

Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

© Ташкентское и Узбекистанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви
© Журнал «Восток Свыше»

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Надя ДЕЛАЛАНД. «Слава Тебе, показавшему мне свет...» 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Два Феодора. 225 лет преставления преподобного Феодора
Санаксарского (19 февраля 1791 года) и 15 прославления
праведного воина Феодора Ушакова (23 июля 2001 года) 6

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

Память святителя Луки (Войно-Ясенецкого), новые хиротонии,
выпускной акт Семинарии 10

Тема: К 25-летию государственной независимости Узбекистана (1991–2016)

*Игумен Нектарий (БЛИНОВ), протоиерей Сергей СТАЦЕНКО,
Юрий ФЛЫГИН.* Православная церковь в суверенном
Узбекистане: итоги и перспективы 13

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Архимандрит Иринарх (ШЕМАНОВСКИЙ). Дневник о разгроме Иссык-
Кульского монастыря. Публикация *Екатерины Озмитель* 20

Тема: Туркестанские обновленцы

Роман ДОРОФЕЕВ. Начало обновленческого движения
в Среднеазиатской епархии. 1923–1924 годы 48

Роман ДОРОФЕЕВ. «Последний бой» протоиерея Брицкого 59

Тема: Ташкентские монахини (1950-е–1980-е годы)

Наталья БЕЛЕВЦЕВА. Ташкентский круг сестры Иоанны (Рейтлингер) .. 75

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

Письма архиепископа Михаила (Чуба) архимандриту Борису
(Холчеву) и монахине Маргарите (Лавровой).

Публикация *О. Илюшкиной и Е. Абдуллаева* 84

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

- Светлана ЖУКОВА*. Самаркандские портреты (Из архивных фондов Самаркандского краеведческого музея) 102

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

- Наталья СЕЛУЯНОВА*. Семейная хроника Селуяновых.
Публикация *О. Илюшкиной* 110

ПЕРЕВОДЫ

- Метафрастово Житие святой великомученицы Варвары.
Перевод с греческого, предисловие и примечания
Алексея ПЕРНБАУМА 115

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

- Об уме и учении. О Церкви и богослужении 124

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Тема: Поэзия и Вера

- «Был мой собственный путь...»
На вопросы ВС отвечает поэт *Марина БИРЮКОВА* 128

- Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*
«Карамзинский проект» Бориса Акунина 134

РЕЦЕНЗИИ

- Иерей Александр КОЛОТОВКИН*.
«Горе мне, если не благовествую...» 138

- Авторы номера** 141

- Информация для авторов** 142
-

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Надя ДЕЛАЛАНД

Слава Тебе, показавшему мне свет,
воду, траву, сороку, луну, снег,
небо любого цвета, детей, дни
оны, трамвай, который идёт в них,

книги, дороги, парки, листву, смех
мамы, кота и рыжий его мех,
гулкий колодец, поезд, стихи, дверь,
чтобы одна я, чтобы меня не две,

осень, весну, рожденье и, да, смерть,
радость дышать, наважденье вообще – петь,
вишню в цвету, Пастернака, латынь, мох
северной стороны, росамах, блох,

шторы, камин и танец его огня,
старость, носок на спицах, покой, меня.

Два Феодора

*225 лет преставления преподобного Феодора Санаксарского (19 февраля 1791 года)
и 15 лет прославления праведного воина Феодора Ушакова (23 июля 2001 года)*

В 1738 году в Преображенском полку, расквартированном в Аничковой слободе в Петербурге, произошел случай, всколыхнувший регулярное течение гвардейской жизни. Во время обычного собрания, среди нескромных шуток, вина и табачного чада, один из гвардейцев упал замертво. До того был он отменно здоров, в самом приятном расцвете своей молодости. Послужило ли поводом к его кончине чрезмерное возлияние Бахусу или же тайный недуг, неизвестно; вскрытий тогда не производили. Тело несчастного распростерлось на полу; товарищи, похлопав его по хладным щекам, сообразили, наконец, что стряслось, обнажили головы и перекрестились.

Это было, однако, еще не все. Следом за тем из Преображенского полка бежал в неизвестном направлении другой гвардеец, из бывших на той самой пирушке. Подозрение о прикосновенности беглеца к смерти своего несчастного товарища не подтвердилось. Поговорив и посудачив, о побеге вскоре забыли.

Звали беглеца Иван Игнатьев сын Ушаков.

Ушаковы были древним, но к тому времени угасшим родом. Происхождение вели, согласно Бархатной книге, от касожского, то есть адыгского, князя Редеги, крестившегося и перешедшего на русскую службу. Праправнук Редеги носил прозвище «Ушак», что почти во всех тюркских языках означает – «мелкий, коротышка». От этого коротышки-Ушака и пошли Ушаковы.

Одна из ветвей этого рода осела в Романском уезде Ярославской провинции, в пожалованном сельце Бурнаково.

Здесь, в Бурнаково, в 1718 году и родился Иван Ушаков, тот самый внезапный беглец.

В 1744 году сыскным отрядом, направленным в Площанскую пустынь Орловской губернии, был отловлен беспаспортный насельник, подвизавшийся в дальней лесной келье. В монастырях часто скрывались преступники и беглые крестьяне, так что «паспортный режим» во святых обителях власти проверяли часто. Арестованный и оказался тем самым беглым сержантом. Был он тотчас доставлен в Петербург

и допрошен самой императрицей Елизаветой Петровной, в чьем августейшем ведении находился Преображенский полк.

Вместо бравого сержанта пред самодержницей предстал бледный ликом и одетый во власяницу отшельник. Спрошенный о причинах побега, отвечал, что был потрясен внезапной, среди веселия, смертью своего товарища. А когда государыня – велия милость! – объявила ему о прощении и пожаловала прежним чином, стал просить ее дать ему умереть монахом.

Слезная просьба беглеца была удовлетворена. Он был официально уволен со службы и определен в Александро-Невскую Лавру. А через три года пострижен в монахи с именем Феодор – «Дар Божий». Феодором, кстати, звали старшего его брата; но об этом еще будет сказано.

Строгость и постничество, в которых жил монах Феодор, не ладились с шумом жизни столичной, просачивавшейся и сквозь толстые лаврские стены. Шум этот тревожил и развлекал. И как тогда, в гвардейской своей молодости, монах Феодор снова решился на отъезд из стольного града. В 1757 году, пробыв в Лавре около десяти лет, он выехал в Саров. Свернулся за спиной Петербург, как прочитанный свиток; раскрыли свои объятия молчаливые русские леса и перелески. Но на этот раз побег был не тайным – со старцем Феодором выехали некоторые его духовные чада, ученики и ученицы. По прибытии в Саров он поместил учениц в Арзамаском девичьем Никольском монастыре, а сам с учениками поселился в Саровской пустыни.

В пустыни старец Феодор прожил два года. Затем, как сообщает житие, возымел намерение возобновить обедневшую Санаксарскую обитель, приписанную тогда к Сарову. Обитель эта, основанная при царе Алексее Михайловиче в трех верстах от городка Темникова, к той поре совсем захудала. Единственная церковь обветшала, деревянные кельи и ограда держались на монашеском честном слове, кровли сгнили.

Не одна Санаксарская обитель находилась тогда в запустении, – начиная с Петровых реформ и вытеснения Церкви на обочину государственной жизни, русское монашество переживало тяжкий застой и упадок. «Но, – как писал протоиерей Георгий Флоровский, – кончается XVIII век монашеским возрождением, несомненным напряжением и подъемом духовной жизни. Восстанавливаются и оживают запустелые или разоренные монастырские центры: Валаам, Коневец и другие...».

Одним среди этих «других» был и Санаксарский монастырь.

Окинув строгим взором царившую в монастыре мерзость запустения, старец Феодор приступил к строительству. Помогали средствами благотворители, почитавшие старца еще в Александро-Невской Лавре. Обитель стала оживать, хорошеть и пополняться братией. Епископ Тамбовский Пахомий, призвав к себе преподобного, просил его принять священство и сесть в Санаксаре настоятелем. Старец по смирению отказывался, но, убежденный епископским красноречием, 13 декабря 1762 года был рукоположен в иеромонаха.

Настоятелем преподобный Феодор был твердым и строгим. Большая часть времени в обители проходила за богослужениями. В церкви требовал он вдумчивого чтения, чтобы читали, «не борзясь». Завел в обители личное руководство бра-

тии и полное откровение помыслов. Днем или ночью всякий мог постучаться к настоятелю; при выходе от старца ощущались на душе тишина и свобода. На общие монастырские труды, покосы и ловлю рыбы обязаны были ходить все; с братией выходил и сам настоятель. И на братской трапезе тоже вкушал наравне со всеми.

Когда были вырыты рвы в основании новой каменной церкви, во время молебна прилетел рой пчел и опустился на горнее место будущего алтаря. В этом увиден был прообраз обильной благодати в монастыре и множества монахов в ней. С тех пор от прилетевшего роя повелись в Санаксаре пчелы.

Отыскались у деятельного настоятеля, как обычно бывает, и завистники и зложелатели. Поползли ложные доносы, клеветы и ябеды. Не гладко выходили отношения со светской властью, которая то покровительствовала, то – чуть что не по ней – свирепела. В 1774 году приехали за владыкой военные люди, увезли из монастыря. Помытарили допросами, сослали в Соловецкий монастырь, место гиблое. Потянулись долгие девять лет строгого заключения, страданий от холода и угара; не раз старца едва живого выносили из задымленной кельи и оттирали снегом.

Наконец, по Высочайшему повелению Екатерины II отец Феодор получил полную свободу и возвратился в Санаксарскую обитель. Там прожил еще семь лет. Скончался от недолгой болезни в ночь на 19 февраля 1791 года. Могила преподобного была обнесена чугунной решетью, внутри положена аспидного камня плита. «Здесь погребен 73-летний старец иеромонах Феодор, по фамилии Ушаков, возобновитель Санаксарского монастыря»...

В этом же самом 1791 году засияла звезда его племянника – звали которого тоже Феодором.

Это был сын старшего брата санаксарского старца, того самого Феодора Ушакова, – тоже служившего в Преображенском полку и дослужившегося до сержанта. Племянник родился в 1744 году в том же родовом сельце Бурнаково.

Как и все Ушаковы, Феодор Ушаков-младший был пущен по военной стезе. Однако не по сухопутной, как батюшка и дядюшка, а по морской – воспитывался в петербургском Морском корпусе. Воевал на первой русско-турецкой войне, командовал фрегатом. В 1780-м был назначен командиром императорской яхты – должность завидная в видах дальнейшей карьеры. Однако придворная служба не привлекала: посреди сетей многих ходишь. Судьба дядюшки, томившегося на Соловках, показывала, сколь уязвимы те, которые не подлачиваются к владыкам и не поступают по правилам века сего. Да и тесно было молодому капитану в столице. Тянули морские просторы и веселый скрип корабельных снастей. Это было время, когда лесная и степная Россия стремительно раздувала паруса и выходила в моря, становясь морской державой...

Была, говорят, еще одна причина, гнавшая молодого Феодора Ушакова в моря-океаны – несчастливая любовь. Пока воевал на первой турецкой войне, суженую его выдали за богатого купца. Всю оставшуюся жизнь после того помнил Феодор свою возлюбленную, благодетельствовал сыну ее, служившему под его началом. Сам же так и прожил в безбрачии, напоминая знавшим его людям монаха.

Он, и правда, был необычным моряком. Соблюдал посты, часто молился, заказывал

вал молебны. На кораблях, по воспоминаниям очевидцев, царила почти монашеская дисциплина, не было заметно сквернословия, пьянства.

Зато были победы. В 1787 году началась вторая русско-турецкая война. В 1790-м князь Потемкин вверяет кавалеру Ушакову командование над всем черноморским Ее Императорского Величества флотом. В том же году Ушаков разбивает османский флот в Керченском сражении и у острова Тендра. В следующем, 1791-м (то есть – в год блаженной кончины дяди, старца Феодора) – одерживает знаменитую победу у мыса Калиакрия... Затем были – уже в союзничестве с Турцией – действия в Средиземном море против наполеоновской Франции, освобождение острова Корфу и создание – личными дипломатическими усилиями – греческой Республики Семи Островов...

В 1801 году славный адмирал, в расцвете сил и военной своей фортуны, был возвращен в Петербург, а в 1807-м отправлен в отставку. Новый государь, Александр Павлович, готовясь к столкновению с «сухопутной» Францией, флотом пренебрегал... Статус морской державы, с такими трудами завоеванный при Петре и Екатерине, у России постепенно утрачивается. Последствия небрежения флотом скажутся не сразу – вначале в позорной Крымской кампании, а еще позже – в Порт-Артуре и Цусиме...

Пока же славный адмирал, не доставивший русскому флоту ни одного поражения, кавалер Ордена Святого Александра Невского с алмазами, трех орденов Святого Владимира, двух орденов Святого Георгия и золотого оружия от Республики Семи Островов, возвращался домой, в глубинную Россию. Все дальше и дальше от синих морей и океанов...

Завершалось земное плавание Феодора Ушакова; направил он корабль жизни своей, потрепанный мирскими штормами и опаленный в сражениях со страстями и помыслами, в тихую гавань. Поселился возле той самой Санаксарской обители, которую возрождал сродник его старец Феодор. Щедро жертвовал отставной адмирал на монастырь, выстаивал службы, все более удаляясь от мира... Так прожил еще десять лет. Перед смертью высказал пожелание – «лечь в ногах у дядюшки». Так, по завещанию, и схоронили.

...И прославлены были оба одновременно, в 2001 году – как местночтимые, а в 2004-м – в лике святых Русской Православной Церкви. Оба Феодора, оба Ушаковых; и дядя и племянник; и бежавший от военной службы, и военной службой отечество прославивший; и устроитель монашеской обители, и устроитель русского флота...

Новостные страницы иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)

Память святителя Луки (Войно-Ясенецкого), новые хиротонии, выпускной акт Семинарии

Традиционные пасхальные архипастырские визиты по приходам Ташкентской и Узбекистанской епархии открывают обзор наиболее заметных событий за второй квартал этого года. За 40 дней Пасхи и в дни от Вознесения Господня до Пятидесятницы митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий совершил богослужения во всех храмах епархии. В эти праздничные дни правящий архиерей епархии совершил и диаконские и пресвитерские хиротонии.

В храме в честь преподобного Сергия Радонежского города Навои за Божественной литургией 17 мая 2016 года иеродиакон Ермоген (Аббасов) был рукоположен в сан иеромонаха, а прихожанин храма Владислав Царев, который на протяжении нескольких лет в храме нес послушания пономаря, был рукоположен во диакона.

Пополнился двумя новыми священнослужителями и Свято-Троицкий Георгиевский мужской монастырь. 21 мая 2016 года, в день памяти святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, митрополит Викентий рукоположил насельников обители монаха Иова (Коннова) в сан иеродиакона, а иеродиакона Фому (Габдрахманова) – в сан иеромонаха.

Диаконские хиротонии также прошли 24 июня в Свято-Успенском кафедральном соборе и 29 июня в храме Покрова Пресвятой Богородицы города Самарканда. Священный сан сподобились принять Григорий Январев и Фортунат Турниязов.

Во время пасхальных архипастырских визитов владыка Викентий освятил новый иконостас храма Архистратига Божия Михаила города Бухары.

В память о 50-лети со дня разрушительного землетрясения в Ташкенте, 6 мая 2016 года в столичный собор Успения Пресвятой Богородицы доставлена икона с частицей мощей святой мученицы Агафии Панормской, покровительницы и защитницы городов от разрушительных землетрясений и прочих стихийных бедствий. Святыню передал в дар глава митрополичьего округа в Казахстане митрополит Астанайский и Казахстанский Александр.

Несколько юбилейных дат отметили в епархиях Среднеазиатского митрополичьего округа. В этом году исполняется ровно 55 лет со дня преставления святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Крымского и Симферопольского, и 20 лет со дня обретения его мощей.

29 мая 2016 года, по приглашению епископа Душанбинского и Таджикистанского Питирима, глава Округа митрополит Викентий посетил таджикский город Пенджикент, в котором будущий святитель Лука был рукоположен в сан архиерея. Здесь было совершено уставное богослужение и Литургия.

31 мая 2016 года, в день хиротонии святителя Луки, митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий в сослужении архиепископа Пятигорского и Черкесского Феофилакта, временно управляющего Патриаршим благочинием приходов Русской Православной Церкви в Туркменистане, епископа Душанбинского и Таджикистанского Питирима, а также священнослужителей Ташкентской епархии в память об этом событии совершил Божественную литургию в Свято-Успенском кафедральном соборе Ташкента.

В этот же день в конференц-зале епархиального Духовно-административного центра прошла конференция на тему «Духовное наследие и вклад в медицину святителя Луки (Войно-Ясенецкого)». В работе конференции приняли участие митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий, архиепископ Пятигорский и Черкесский, временно управляющий Патриаршим благочинием приходов Русской Православной Церкви в Туркменистане, епископ Душанбинский и Таджикистанский Питирим, священнослужители Ташкентской епархии, деятели науки, а также участники из России и Украины.

С 15 по 21 апреля 2016 года на территории ташкентского Свято-Успенского собора прошла IV Православная международная выставка-ярмарка. Она объединила крупнейшие храмы, монастыри и подворья Русской Православной Церкви из России, Белоруссии, Украины, Греции, Палестины. На выставке были представлены богослужебные предметы, изделия церковной утвари и народных промыслов, мед.

В Великую пятницу и Великую субботу паломники Среднеазиатского митрополичьего округа во главе с митрополитом Викентием совершили паломническую поездку в Израиль за Благодатным огнем, который был доставлен в Пасхальную ночь в ташкентский Свято-Успенский собор, а затем во все храмы Округа.

15 июня 2016 года в конференц-зале епархиального Духовно-административного центра прошел торжественный выпускной акт Ташкентской духовной семинарии, который возглавил ректор семинарии, митрополит Викентий. В этом году Ташкентскую духовную семинарию окончили три студента Пастырско-богословского отделения, два – катехизаторского отделения и одна студентка регентского отделения. В состав выпускников этого года также вошли 6 студентов в священном сане Бишкекской епархии, проходивших обучение на заочном секторе.

17 апреля 2016 года епархиальный отдел по культуре «Сретенье» в конференц-зале духовно-административного центра организовал вечер духовной музыки и поэзии «Нас слово устремляет ввысь...» В рамках этого вечера впервые в Узбеки-

стане прозвучали произведения священномученика митрополита Серафима (Чичагова). Леонид Михайлович Чичагов был одним из выдающихся деятелей Церкви. До своей церковной деятельности в миру он прославился в русско-турецкой войне и военно-политической деятельностью. После принятия монашеского пострига и рукоположения служил митрополитом в различных епархиях России. После революции 1917 года неоднократно подвергался гонениям и в 1937 году принял мученическую смерть. В 1997 году был прославлен Русской Православной Церковью в лике святых священномучеников.

Таковы основные события за апрель-июнь 2016 года; более подробно о них – на епархиальном сайте: <http://www.pravoslavie.uz/news/>.

Православная церковь в суверенном Узбекистане: итоги и перспективы

От редакции. 1 сентября 2016 года в Узбекистане было отмечено 25-летие со дня провозглашения государственной независимости. Откликаясь на это событие, ВС обратился к своим авторам – игумену Нектарию (Блинову), протоиерею Сергию Стаценко и историку Юрию Флыгину с просьбой подвести некоторые итоги деятельности Православной Церкви в годы независимости в церковно-административной, образовательной и научно-исследовательской областях.

*Игумен НЕКТАРИЙ (Блинов),
настоятель Свято-Троице-Георгиевского мужского монастыря (г. Чирчик)*

Хотя история Православной Церкви в Узбекистане насчитывает более полутора веков, наиболее гармоничным и благоприятным временем для нее стали последние четверть века после провозглашения государственной независимости Узбекистана. Надо сказать, что в самом начале 90-х годов у некоторой части священнослужителей и верующих были опасения, не будет ли в новом государстве православная вера подвергаться различным притеснениям. Но вскоре стало ясно, что эти страхи не имеют под собой никакого основания. Создавая светское государство, руководство Узбекистана проявляло толерантность ко всем традиционным религиям, что нашло отражение и в законодательстве республики, и в осуществляемой в отношении Церкви политике.

За четверть века много изменений произошло в жизни Православной Церкви в Узбекистане. Были основаны два женских и один мужской монастырь, открыто семнадцать приходов в городах и населенных пунктах республики. Создана Ташкентская Православная Духовная семинария. Епархия издает газету «Слово жизни» и журнал «Восток Свыше». В 2005 году при епархии начал действовать Духовно-административный центр, фундамент которого был торжественно заложен Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II в 1996 году.

Особо хотелось бы отметить то доброжелательное отношение, которое православные христиане всегда чувствовали со стороны Президента Ислама Каримова, о безвременном уходе которого православные Узбекистана скорбят вместе со всеми гражданами нашей страны. Именно по инициативе Ислама Каримова после встречи с возглавлявшим тогда Ташкентскую епархию епископом Владимиром (ныне – митрополитом Омским и Таврическим), 9 июня 1995 года вышло специальное распоряжение Кабинета министров, согласно которому был выделен земельный участок под проектирование и строительство Ташкентского духовно-административного центра с расширением территории Свято-Успенского кафедрального собора. По сути, это было первое после 1917 года распоряжение светских властей Узбекистана, не только не носившее репрессивный характер в отношении Епархии, но оказавшее ей значительную практическую поддержку.

В 2001 году – в год 130-летия Епархии, – ей, благодаря поддержке Президента Ислама Каримова, был выделен дополнительный участок. В своем поздравлении Ташкентской и Среднеазиатской епархии со 130-летием глава республики особо подчеркнул, что «вся история сосуществования мусульман и христиан на земле Узбекистана являет собой редкий пример религиозно-духовной толерантности и достойна считаться одним из лучших образцов веротерпимости».

Значительную роль в поддержании межконфессионального согласия в Узбекистане играет Совет по делам конфессий при Комитете по делам религий. В состав Совета по делам конфессий входит также и представитель Ташкентской и Узбекстанской епархии.

Успешно развивается межрелигиозный диалог с мусульманской конфессией. В 1995 году в Ташкенте была проведена христианско-мусульманская конференция «Совместно жить под одним небом», в которой приняли участие, кроме Православной Церкви Узбекистана, представители ряда зарубежных церквей.

В 2011 году Ташкентская и Среднеазиатская епархия была преобразована в Ташкентскую и Узбекстанскую епархию. Был образован Среднеазиатский митрополичий округ, центр которого расположился в столице Узбекистана – городе Ташкенте, что еще раз подчеркнуло важность нашей страны для Русской Православной Церкви.

При поддержке руководства Республики Узбекистан православные верующие имеют возможность совершать паломничество к святым местам России, Греции и Израиля. Организации этих паломнических поездок оказывается всесторонняя помощь – предоставление специальных авиарейсов, обеспечение медицинских услуг, сниженные цены авиабилетов, быстрое и беспрепятственное оформление визовых документов.

Однако самое главное – это то, что не только на уровне законодательства и политики, но и на самом «низовом» уровне, в своей повседневной жизни православные Узбекистана не ощущают какого-либо недоброжелательства и притеснения со стороны своих сограждан-мусульман.

Вознося свои молитвы ко Господу, Православная Церковь Узбекистана ежедневно молится: *О Богохранимой стране сей, властях и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте.*

*Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО,
проректор по учебной работе Ташкентской Православной Духовной семинарии*

На территории четырех среднеазиатских республик ведет свое историческое существование Среднеазиатский митрополичий округ Русской Православной Церкви. Раньше в церковно-каноническом пространстве округ имел статус Ташкентской и Среднеазиатской епархии. Еще раньше епархия называлась Ташкентской и Туркестанской. Но как раньше, так и сейчас Ташкент находится в центре духовной жизни православных христиан большой географической территории.

Более сотни приходов входят в Среднеазиатский округ, и для каждого прихода нужны священнослужители и церковнослужители. И для этого служения требуются не случайные люди, а имеющие необходимые знания и подготовку.

Попытки систематической подготовки священнослужителей для приходов Русской Православной Церкви в Узбекистане имеют довольно давнюю историю. По некоторым сведениям, первая Православная Духовная семинария была открыта еще в 1916 году в Ташкенте. Но вследствие событий, связанных с Октябрьской революцией 1917 года, семинария не смогла осуществить ни одного выпуска.

Начальный, и успешный, этап в деле получения духовного образования будущими служителями Церкви связан с обретением Узбекистаном независимости. В 1990 году, едва заступив на Ташкентскую кафедру, епископ Владимир (Иким) открыл подготовительные курсы, которые практически сразу были преобразованы в Ташкентское Духовное училище с двухгодичным обучением. Столь малый срок обучения был связан с необходимостью экстренной подготовки священников для восстанавливаемых или вновь открываемых приходов Церкви.

Программа обучения Ташкентского Духовного училища была построена на изучении Священного Писания, основных богословских предметов и прикладных дисциплин, которые давали знания и навыки, требующиеся при совершении богослужений. Преподавателями училища были священнослужители Ташкента и близлежащих к столице приходов, имевшие духовное образование не ниже семинарского. При этом в ходе обучения упор делался на получение практических навыков ведения богослужения и работы на приходе.

Новым этапом стал 1998 год, когда архиепископ Владимир (Иким) выступил с инициативой преобразования Духовного училища в Ташкентскую Православную Духовную семинарию. И вновь его инициатива нашла поддержку у государственных органов. В кратчайшие сроки были проведены все процедуры, связанные с регистрацией Устава и получением лицензии. Ректором стал сам владыка Владимир, обучение в семинарии проводилось уже в течение пяти лет. В том же 1998 году был произведен набор на 1-й курс.

Программа обучения была составлена на основе учебной программы ведущей духовной школы того времени – Московской Духовной семинарии. Оттуда же были получены первые образцы учебных пособий, размноженные затем на базе епархиальной типографии. Но теперь помимо сугубо богословских в курс семинарского обучения были включены и ряд общеобразовательных дисциплин, в том числе

узбекский язык и история Узбекистана. С 1998 по 2010 годы Семинария выпускала студентов со степенью «специалист в области православного богословия».

В 2003 году был проведен первый выпуск студентов Пастырско-богословского направления обучения. С этого же года с целью пополнения преподавательского состава Семинарии многие выпускники стали направляться для учебы в Московскую Духовную академию и другие Духовные академии Русской Православной Церкви, которые в системе образования имеют статус аспирантуры. Данный шаг способствовал зарождению в Семинарии традиций научной работы. Одним из требований к студентам нашего вуза является подготовка 12 курсовых работ, которые представляют собой небольшие самостоятельные исследования. Демонстрацией необходимого уровня научной зрелости для выпускника Семинарии была подготовка и защита дипломной работы.

При Семинарии стали проводиться различные научные мероприятия, которые в настоящее время стали традиционными. Среди таковых можно назвать известные в научной среде Узбекистана Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова и научно-просветительские чтения «Просвещение – Православие – Восток», памяти св. равноапостольных Кирилла и Мефодия. Эти форумы стали объединять научную общественность ведущих гуманитарных вузов Узбекистана и некоторых других стран.

С 2011 года Ташкентская Духовная семинария пошла по пути постепенного преобразования по Болонским образовательным стандартам. С этого времени работа Семинарии была направлена на трансформацию учебного процесса по программе бакалавриата. На фоне того, что во многих случаях абитуриенты показывали слабую общеобразовательную подготовку, переход на новые рельсы дал положительный эффект. Помимо базового обучения на четырех курсах был создан Подготовительный, или пропедевтический, курс, благодаря которому студенты заполняют свои пробелы в знаниях.

С сентября 2011 года Семинарию возглавляет уже второй ректор – правящий архиерей Ташкентской и Узбекистанской епархии митрополит Викентий (Морарь). Новый ректор провозгласил курс на более широкое общение студентов Семинарии с православной общественностью. Для выработки навыков общения с прихожанами из священнослужителей Успенского кафедрального собора и студентов Ташкентской Духовной семинарии была организована служба приходского консультирования. Студенты помогают людям, зашедшим в храм, сориентироваться, найти нужную святыню, дают информацию по правилам поведения в храме и беседуют с ними по основам вероучения. Подобная форма общения прихожан со студентами практикуется и по окончании воскресных богослужений.

Навыки выступления на публике студенты получают на небольших студенческих конференциях, темы которых посвящены в основном вопросам нравственности и духовного развития. Семинария также имеет большую библиотеку с постоянно пополняющимся книжным фондом и обширными электронными ресурсами, необходимыми для учебы и самостоятельной работы.

Студенты Семинарии проживают в общежитии на условиях полного пансиона (одежда, белье, питание и т.д.). Среди студентов ведется постоянная воспитатель-

ная работа, для чего существует должность проректора по воспитательной части и штат его дежурных помощников, осуществляющих суточные дежурства по Семинарии.

Студенты участвуют в воскресных и праздничных богослужениях в Свято-Успенском кафедральном соборе Ташкента, проходят практику в качестве помощников священнослужителей за богослужением (чтецов, алтарников, певчих). Семинария имеет собственный хор, составленный из студентов.

Ташкентская Духовная семинария занимается подготовкой кадров священно- и церковнослужителей для епархий Среднеазиатского митрополичьего округа: Узбекистанской, Туркменистанской, Кыргызстанской и Таджикистанской. Часть выпускников пополняет приходские кадры в других епархиях Русской Православной Церкви. Новый ректор Семинарии сделал наш вуз более открытым для всех желающих получить духовное образование. С целью более качественной подготовки церковнослужителей, церковных педагогов и руководителей церковных музыкальных хоров в 2007 году при Семинарии было открыто Катехизаторское отделение, а в 2012 году – музыкальное Регентское отделение с трехгодичным сроком обучения.

Благодаря содействию Комитета по делам религий и руководства Ташкентского Исламского университета и Ташкентского Исламского института им. Аль-Бухари наши студенты являются частыми гостями этих учебных заведений. Соответственно у них вырабатывается живое, а не только «из книг» представление об исламе и мусульманской культуре. Кроме того, общение со сверстниками – студентами этих учебных заведений содействует укреплению традиций толерантности и взаимоуважения представителей разных религиозных верований.

Юрий ФЛЫГИН,

руководитель Службы по научной работе Ташкентской и Узбекистанской епархии

Какие изменения произошли в изучении истории Русской Православной Церкви в Средней Азии за 25 лет независимости? Думаю, здесь уместно сначала сказать об изменениях вообще во всей исторической науке стран бывшего Союза в постсоветский период. И одновременно – об изменении отношения властей, общества, науки к конфессиям и конфессиональным темам.

Мы видим резкий рост интереса в обществе к истории, в первую очередь к вопросам истории своего этноса, своей страны, региона. Гораздо более, нежели в предшествующие годы, востребованы архивы. История стала уделом не только специалистов. Множество людей, далеких от профессии историка, интересуются краеведением, этногенезом, генеалогией.

В советское время практически пресеклись традиции изучения истории Русской Церкви, церковной историографии. Работа профессора Н.М. Никольского «История Русской Церкви», впервые изданная в 1930 году, явилась, пожалуй, последней крупной работой в этой области. И хотя, по отзыву известного историка Русской Церкви А.В. Карташова, «большевики нашли в лице Н.М. Никольского, ве-

роятно, искреннего исполнителя очередного соцзаказа для очернения и унижения Русской Церкви», этот труд имел и определенные достоинства.

В последующие несколько десятилетий в стране ничего значительного по церковной истории не создавалось. Правда, такая наука, как история Русской Церкви, продолжала развиваться за пределами Отечества, в первую очередь в исследованиях русских ученых-эмигрантов. На ниве церковной истории плодотворно трудились такие корифеи, как А.В. Карташов во Франции, А.П. Доброклонский в Югославии, И.К. Смолич в Германии.

А в Союзе выходили лишь материалы критического характера, написанные в духе обличения и воинствующего атеизма.

Некоторые подвижки в освещении истории Русской Церкви произошли во второй половине 80-х годов прошлого века, с началом общей демократизации общественно-политической жизни в стране, а также в связи с отмечаемым в 1988 году 1000-летием Крещения Руси. Тогда вышел ряд работ, в той или иной степени относящихся к истории Церкви. Но, опять-таки, все они имели критическую направленность, хотя тон их стал заметно мягче и они уже не повторяли нападки в духе Емельяна Ярославского.

Но если историография по общей истории РПЦ существовала и развивалась, хотя в основном и за пределами Отечества, то историографии Русского Православия в Средней Азии не существовало вообще.

Начиная с 1990-х годов общественно-политическая ситуация в Узбекистане кардинально меняется. Страна получает политическую независимость. Канула в лету атеистическая моноидеология. Возродился интерес к религиозной жизни. Историки не замедлили откликнуться на это. В странах Средней Азии появляются исследователи, занимающиеся преимущественно конфессиональной тематикой и изучающие ее с объективных позиций.

Н. Колемасова-Кнауэр еще с советского периода занималась изучением истории и современного положения различных неопротестантских сект Средней Азии. Эта же тема привлекла внимание В. Гентшке. Правда, обе исследовательницы в своих относительно небольших материалах по названной теме не выходили за пределы освещения локальных явлений, не поднимаясь до уровня изучения самой проблемы появления и распространения сект.

Первыми авторами, осуществившими исследования по истории Русской Церкви в Среднеазиатском регионе, явились Е. Озмитель (в основном на примере Кыргызстана) и П. Литвинов (в контексте конфессиональной политики Российского государства в Средней Азии). О. Лисицкая написала диссертационную работу по истории бытования в Средней Азии Римско-католической Церкви. Ряд работ по отдельным направлениям и эпизодам, относящимся к истории Туркестанской епархии, включавшей в себя до 30-х годов прошлого века и значительную часть Казахстана, были написаны казахстанскими исследователями, среди которых упомянем О. Ходоковскую.

Что касается непосредственно Узбекистана, то здесь первым историографом Русского Православия стал В. Заславский. Правда, в силу того, что он не является профессиональным историком, работы его носили преимущественно популяриза-

торский газетно-журнальный характер, не поднимаясь до уровня анализа темы в широком измерении времени и пространства. Вместе с тем, они, несомненно, содержат немало полезной информации по тем или иным эпизодам.

Первым научным трудом, посвященным бытованию Русской Церкви преимущественно в Узбекистане, явилась диссертация С. Асановой, пока, к сожалению, еще не опубликованная в виде монографии.

Сама Среднеазиатская епархия выдвинула весьма серьезного исследователя своей истории в лице митрополита Владимира (Икима), управлявшего епархией с 1990 по 2011 годы. Главной его работой стал труд «По стопам апостола Фомы. История христианства в Центральной Азии». Изобилуя богатой фактологией и уникальным фотоматериалом, эта книга, как и другие работы владыки Владимира, к сожалению, не избежала некоторых фактологических неточностей и иногда страдает не критическим отношением к используемым источникам. Тем не менее, труд бывшего митрополита Среднеазиатского до сих пор остается, пожалуй, лучшей работой по своей проблематике.

Из лона служителей Русской Церкви в Узбекистане вышел еще один автор – ныне покойный протоиерей Пахомий Лай, который издал несколько работ, освещающих историю епархии преимущественно 50–70-х годов XX века.

В последние годы нет недостатка в авторах, обращающихся к истории Русского Православия в Узбекистане и в целом в Средней Азии. В расширяющемся процессе изучения истории Русского Православия в регионе мы видим отражение той свободы и равноправия конфессий, которые утвердились в независимом Узбекистане. Все это является в определенной степени и признанием роли, значения Русской Церкви, в частности, в таком важном процессе, как утверждение религиозной терпимости и добрососедского сосуществования в нашей многоконфессиональной стране.

Архимандрит Иринарх (ШЕМАНОВСКИЙ)

Дневник о разгроме Иссык-Кульского монастыря

*Публикация Екатерины Озмитель**

16-го августа [1916 года]

Ранним утром, к несказанной радости родственников наших домохозяев, вернулись живыми считавшиеся по сию пору погибшими владельцы нашей квартиры П.Т. Наумов с женой Вар[варой] Евдок[имовной] и детьми. Утром 10 августа они были на полевых работах в местности Курменты¹, вблизи собственного хутора. Тут их захватили мятежники <...>. Выстрелив несколько раз в Наумовых, они избили их до полусмерти вилами и палками. В полдень этого дня киргизы вновь приезжали на хутор Наумовых и опять избили пришедших было в сознание несчастных, направляя палочные удары по головам. На этот раз у Наумова был отобран кошелек с деньгами и у всех них одежда с обувью. <...>

Очнувшись от побоев лишь к вечеру, Наумовы с детьми потихоньку перебрались до островка «дедушки» Кирилла Катилевского, где он проживал и постоянно проводил время в непомерном посте и молитве. Катилевский в момент <...> нападения на Наумовых был с ними и, также избитый мятежниками, скончался от ушибов и ран. Воспользовавшись лодчонкой Катилевского, Наумовы, переехав на его островок и спрятав лодку в камышах, днем проводили время в выкопанной им молельне, а ночью в сохранившемся неприкосновенным доме Катилевского, пока не были подобраны уйтаьским крестьянином – Уйсмановым, ошибочно попавшим вместо монастырского на этот малюсенький островок. Наумовы выбрались бы и раньше, но их лодка была кем-то уведена с островка. Одновременно с уводом этой лодки был ограблен и домишко Катилевского. Случайность это или нет? Ведь лодку «дедушки» Катилевского забрали на монастырский остров мы, командировав для этой цели отца Мельхиседека с крест[ьянином] А. Стародубовым. Отец Мельхиседек, как известно, на берег островка не сходил и оставался в лодке для ее

* Продолжение. Начало в ВС № 1-2 (XL), 2016.

окарауливания, островок был обшарен и <...> Стародубовым, который уверился в отсутствии на нем людей.

Под Преображенским сегодня обнаружено несколько киргизских трупов, как думают крестьяне, из тех киргиз, которые попытались поджечь селение. Ночной караул в густой темноте безлунной ночи стреляет при всяком подозрительном шорохе и о результатах своей стрельбы узнает лишь утром. <...> В предшествовавшие дни трофеями стрельбы ночной стражи были собаки, бараны и даже заблудившиеся коровы.

Около полудня в Преображенское прибыли две большущих лодки со спасшимися в Фольбаумовке, в количестве до 50 человек. Некоторые из этих «беженцев» передали интересное и вместе с тем почти невероятное сообщение, будто среди русских крестьян в Фольбаумовке и в селе Алексеевском обнаружены изменники. По словам беженцев, душой погрома Фольбаумовки был унтер-офицер и георгиевский кавалер трех степеней фольбаумовский крестьянин Марк Давыдович Влащенко, оставленный в родном селе с двумя солдатами для организации защиты корнетом Покровским, следовавшим во главе отряда из 20 воинов в Сазановку на помощь этому селу. Я поставил себе в священную обязанность принять меры к выяснению личностей изменников, если таковые имеются в русской среде, на предмет привлечения их к законной ответственности.

Ходят слухи, что из 18-ти многолюдных киргизских волостей Пржевальского уезда не принимают участие в бунте только две каких-то. Значит, пламя восстания широко всколыхнуло темные массы <...>. Наше спасение обуславливается своевременной подачей уезду помощи войском. Но когда оно придет? В мою бытность после бунта в областном городе Верном прокурор окружного суда Вахрушев говорил мне, что об опасности положения Пржевальского уезда узнали только 20-го августа, десять дней спустя после начала бунта. И только тогда были командированы казаки.

Прибывший из Пржевальска солдат утешил нас вестью, что в город с Каркар² прорвались с боем 200 солдат <...>. Несомненно, радостная весть, но она все-таки мало облегчает наше положение. Только тогда пржевальский крестьянин вздохнет спокойной грудью, когда будет снято наше осадное положение и поселянин получит полную возможность, безбоязненно, заняться уборкой хлеба. Иначе зимой <...> крестьянин будет страдать от недоедания и бескормицы скота.

В Пржевальске, по словам вышеупомянутого солдата, предполагается обход мятежников, засевших и укрепившихся в одной горной щели. Из Преображенского отправлен атаманом Бедаревым нарочный с ходатайством о помощи солдатам. Сегодня, в виде опыта, были сделаны попытки к сбору сжатой, но не убранной с полей пшеницы. Эта работа, довольно-таки рискованная, <...> была поручена руководству М.В. Бутина. В этот раз все обошлось благополучно, ибо киргизы, руководствуясь какими-то соображениями, не стали тревожить поселян, правда, оберегавшихся небольшими конными патрулями вооруженных всадников.

Уже после мы узнали, что киргизы не тревожили работавших в поле потому, что были предупреждены о выступлении сотни казаков в направлении к Преображенскому. У мятежников сигнализация и разведки были на [уровне] современного искусства. Они всегда, при посредстве какой-то невидимой почты, с большой

точностью заблаговременно осведомлялись о движении наших отрядов, а потом и войск, безошибочно определяя время появления их в той или иной местности и пунктах. Это в один голос утверждают возвратившиеся из плена русские поселяне, обычно все владеющие языком туземцев.

Я сегодня разрешил послушнику Стефану Шино записаться в конный отряд Преображенской добровольной дружины из крестьян и пожелал ему быть столько же полезным русскому делу в уезде, как были полезны в России Пересвет и Осляба, с благословения преп. Сергия Радонежского вступившие в войска Дмитрия Донского. После казаки не могли нахвалиться этим воином-послушником, отличившимся удивительной отвагой и беззаветной храбростью в боях.

В 8 часов вечера прибыл к нам проездом из Пржевальска на вырубку Сазановки отряд казаков и солдат из 97 воинов под командой образованного простого казака Петра Антоновича Овчинникова, которому обязаны спасением Пржевальск и многие русские села в уезде и о котором, как это всегда у нас водится, уже почти успели забыть. Этому содействовали «герои тыла» с полковником Ивановым во главе, пресловутым «комендантом Прж[евальского] уезда». Я с омерзением впоследствии читал в «Семиреч[енских] Обл[астных] Ведомостях» официальный доклад полковника Иванова о том, что им предусмотрительно были приняты все меры к обезвреживанию мятежников и к защите русского населения в уезде. О казаке же Овчинникове он не упомянул и добрым словом. Между тем только полк[овнику] Иванову приходят мысли просить у Прж[евальского] «Военного Совета» предоставить в его распоряжение отряд казаков для конвоирования его в г. Верный, откуда он вернется с войском. Только полк. Иванову, как «коменданту Прж[евальского] уезда», могло прийти в голову предложить тому же «Военному Совету» для спасения городского населения отступить из уезда в соседний уездный г. Джаркент. О судьбе же прж[евальского] крестьянства он и думать не хотел...

В 10 вечера я приглашен был на местный «военный совет», состоявшийся под председательством упомянутого казака Овчинникова. На этом совете, кроме меня, присутствовали: атаман Бедарев, М.В. Бутин, млад[ший] священник с[ела] Преображенского А. Величкин, вахмистр Ибрагимов, унтер-офицер и другие. Предметом обсуждения был поставлен вопрос: сейчас же двигаться отряду в Сазановку или на время остаться в Преображенском для защиты посевов. Я стоял за немедленный поход на вырубку сазановцев и приведение их к нам, что, вероятно, обеспечит здешнему населению уборку хлебов, ибо сазановскими крестьянами значительно пополнится недостаток военной помощи в Преображенском. Некоторые другие отстаивали необходимость остаться отряду Овчинникова в Преображенском для защиты посевов, которые (бунтовщики) беспрепятственно могут повыжечь. В конечном результате было постановлено отряду удержаться в Преображенском только на завтрашнее число и тогда же сделать попытку вызвать бунтовщиков на бой, так как разведкой было установлено под Преображенским несметное количество (бунтовщиков), разбить их и идти на вырубку сазановцев.

Чтобы выманить (бунтовщиков) с гор в открытое поле, для [возможности беспрепятственной] уборки скошенного и сжатого до бунта урожая, решено было начать с раннего утра посылку подвод в поле. Вопрос об оказании помощи фольбау-

мовцам и алексеевцам был оставлен открытым, так как эти села уже повыжжены врагом, а Сазановка еще держится, и своевременно оказанная ей помощь может сохранить жизнь множеству людей четырех селений, <...> Сазановки и расположенных вблизи нее Каменки, Семеновки и Георгиевки. Была признана необходимость идти в Сазановку немедленно, не торопясь, по возможности с боями, и оттуда, по предварительном разгроме бунтовщиков, начать перевозку в Преображенское, сначала на 25 подводах, <...> женщин и детей. С подвозом сюда сазановцев немедленно приступить к уборке хлеба на общественные надобности. Для нужд беженцев использовать кроме помещений преображенских крестьян и монастырские владения, если встретится в этом надобность. Вообще же употребить все усилия к тому, чтобы весь народ Преображенского района мог свободно заниматься работой на полях. Овчинников полагал, что здесь, в этом районе сев[ерного] побережья Иссык-Куля, ему придется остаться и потом, по выполнении задания освобождения Сазановского села.

К сожалению, предположение его не оправдалось и ему пришлось по выручке крестьян вернуться в город Пржевальск, где «мудрое» начальство стало отстранять его от участия в подавлении бунта, пока он совершенно не остался не у дел. Прибывшие с Овчинниковым солдаты открыто порицали пржевальское офицерство и рассказывали про него много смешного, если бы не было оно так печально. Прапорщички в эти страшные для нас дни больше занимались флиртом. Полковник М-в оплакивал не русского человека, ежечасно погибавшего в беспощадной борьбе с многочисленным врагом, а пропавшего щенка-водолаза и приставал к солдатам с просьбой отыскать его; отставной генерал К-в настаивал на посылке солдат для охраны его дачи, находившейся в 10 верстах от Пржевальска, и т.д. И все это в то время, когда в уезде на учете был каждый способный владеть ружьем и саблей.

Солдаты передавали мне за достоверный слух, что сегодня в 4 пополудни Пржевальским военным советом на освободившееся место начальника уезда назначен ротмистр Георгий Мартынович Тамбеев, будто сразу же взявшийся за наведение в городе порядка. Полковник Иванов теперь утратил свою самонадеянность и присущую ему наглость обращения. Давно бы следовало ему это сделать и начать заниматься делом. Ведь пустой болтовней о «благополучии» и довольстве Прж[евальского] края он довел уезд почти до полного разгрома. Я слышал, что под селением Покровским³ натиск дунган на русских был так решителен и силен, что, по утверждению бывших на германском фронте отпускников-солдат, немцы атакуют много слабее. Покровка чуть не погибла, и приди спасательный отряд двумя часами позже, от нее с населяющим русским людом ничего бы не осталось.

Теперь покровцы переведены на жительство в Пржевальск. Поздно вечером мы наблюдали светло горевшие от <...> поджога расположенные вблизи села Преображенского маслобойные заводы крестьян Кадицкого и Земляникина.

17-го августа

Сегодня с раннего утра, для привлечения внимания киргиз, крестьяне на 90 подводах выехали на поля для уборки хлеба. Однако наша затея не удалась. Осторожные

киргизы не пошли на эту приманку и оставались в горах, вероятно, пронюхав о присутствии у нас свежей сотни солдат. Потому около полудня отряд Овчинникова выбыл в Сазановку. Преображенцы сильно приуныли, опасаясь, что киргизы, воспользуясь этим, дадут сражение. А тем временем разведчиками доставлены были сведения о наличии больших киргизских сил в двух верстах к востоку от селения. Начался переполох, вскоре окончившийся радостной вестью от других разведчиков и казаков и солдат, сообщивших, что путь до бывшего Фольбаумовского селения от мятежных банд свободен. Некоторые из разведчиков проникали даже в горы для уничтожения киргизских, оставленных на произвол судьбы, юрт.

В Преображенское прибыл бежавший из киргизского плена мальчик 14 лет Иаков Шушнебин. Это был первый пленник, опрошенный в моем присутствии. Киргизы схватили его с матерью и другими 30 людьми 10 августа. В плену со всех снимали и изрубили кресты, мальчиков, оставшихся живыми, побрили, хотя некоторые из мятежников настаивали на лишении их жизни. Из-за этого, поспорив, киргизы жестоко передрались, оставив из своей среды убитыми до 30 душ. Пленных кормили сносно. Шушнебина заставили пасти овец.

У киргиз он приметил много ружей, но преимущественно с курками, винтовок видел не больше шести, причем некоторые со штыками. Стоянка киргизского лагеря, где был пленник, находилась против пасеки свящ[енника] Юзефовича⁴ в 20 верстах от Преображенского. На ночь киргизы высоко поднимались в горы. Общая численность здешних киргиз достигала до 300. В день прибытия в Преображенское отряда Овчинникова между киргизами прошел слух о прибытии казаков, которых они сильно опасаются как завидных конкурентов в верховой езде. Боясь обнаружения себя казаками, киргизы предприняли перекочевку, перед которой вновь заспорили и во взаимной ссоре, потеряв до 10 убитыми, постановили предать пленных смерти. Во время свалки Шушнебину посчастливилось скрыться в овсе и затем бежать.

Вновь прибывшие разведчики-казаки, сообщив о разрушении в горах нескольких киргизских стойбищ, доставили захваченное там письмо, писанное не то по-киргизски, не то по-арабски. Оно передано было в распоряжение М.В. Бутина. Оттуда-то и были добыты сведения о предполагаемом на 18 августа нашествии мятежников на Преображенское. Атаман Бедарев об этом сообщил в Пржевальск, просил о помощи. Но и эти просьбы, как прежде, остались неудовлетворенными.

Среди казаков Николаевской станицы пронесся вздорный слух, что в их среде имеется изменник. По этому поводу я вел с казаками беседу, приглашая их к осторожности в обвинении товарища.

Я разрешил сегодня вступить в ночную стражу караула монаху Никодиму, убедительно меня об этом просившему. Уехавший 15 августа на разведку иеромонах Феогност до сих пор не возвратился. Между тем, прибывшие пешком из Фольбаумовки беженцы передали монахам, что в монастыре ни о Феогноста, ни других с ним уехавших не видели. Правда, удивляться этому не следует. Теперь такое время, когда вдали от жилых мест [люди] боятся друг друга. И монахи боятся обнаружить место своего пребывания, так как издали различать [русских и] переодетых в награбленное русское платье киргиз почти невозможно. И сами беженцы, раненые

ли, здоровые ли, прячутся от своих не без основания, боясь обмана. Поэтому и розыск беженцев и раненых труден. Тем не менее, что же удерживает наших монахов-разведчиков от возвращения?

При занесении сего в дневник я был обрадован прибытием, легкой на помине, экспедиции отца Феогноста, доставившего в Преображенское крестьянина Вареника из беженцев и чтимую местным православным населением-людом монастырскую икону Тихвинской Божьей Матери⁵. Пропавших без вести схимника Исихия и двух старцев-послушников о. Феогносту отыскать не удалось. Если они убиты, то должны же быть отысканы их трупы. Не станут же киргизы их прятать. <...>.

Зато о. Феогностом была установлена бесцеремонная вывозка из монастыря муки. По его сообщению, жена владельца одной из примонастырских заимок Ильина свободно проживает в своем доме и киргизы ее не беспокоят. Об этом после я слышал и от многих других. Но почему это, когда всех прочих убивают, не исключая старцев и детей?

Переговорив со священником Юзефовичем насчет разрешения поместить привезенную икону в его храм и получив согласие, мы решили встретить икону без крестного хода и звона, чтобы не привлекать внимание киргиз, а русских не отвлекать от текущих занятий. Несмотря на простоту и скромность переноса иконы с берега в Преображенский храм⁶, церемония движения по улицам села монашествующих с иконой привлекла общее внимание поселян, и пред иконой, по внесении ее в церковь, мы отслужили молебен о даровании нам победы над врагами, – а затем я обратился к многочисленной толпе богомольцев с соответствующим случаем словом. Вечером была сильная гроза, но почти что без дождя. Ночь прошла спокойно.

18-го августа

Атаман Бедарев с утра беспокоился за судьбу трех взводных казаков, не вернувшихся с прочими из ночной разведки. Вернулись ямщики, отвозившие 15 августа в Сазановку казаков с урядником Березовским, которому доверена была доставка туда снарядов. Горсточке казаков удалось выполнить трудную задачу проникновения сквозь строй киргизской орды к осажденным, где они и остались для усиления обороняющихся. Подводчики привезли находящейся в Преображенском жене сазановского судебного следователя Кулакова письмо от ее супруга. По данным этого письма, Сазановка кругом обложена киргизами, уклоняющимися от атак. Они, очевидно, рассчитывают взять крестьян измором. По получении подкрепления войском, сазановские защитники предполагают выйти в полном составе в Преображенское.

К нам прибыла из Пржевальска в распоряжение атамана Бедарева команда из 18 солдат. Прибывшие говорят, что от Преображенского до Джергелана⁷ на полпути в Пржевальск киргизы исчезли бесследно, а между Джерге[ла]ном – Пржевальском бродящие группы повстанцев вылавливают неосторожно отдаляющихся от города, убивают или уводят в плен.

Атаманом была сделана ложная тревога набатным звоном. Ее произвели для поддержания готовности крестьян к сбору и для окончательной переписи конных добровольцев и пеших дружин.

Произведенным подсчетом установлена наличность 225 конных и до 250 пеших дружинников, не считая женщин и детей. Последние сегодня вполне закончили работу окопов, представляющих большие сооружения. Прибежавшими беженцами распространен в селе слух, что выбывшая вчера на подмогу сазановцам сотня казаков Овчинникова дала мятежникам под Алексеевском сражение. Совершенно разбитые <...>, потеряв много убитых, [они] бежали, а в русском войске погиб один, сраженный вражеской пулей, солдат.

Вырвалась из киргизского плена и вернулась домой в Преображенское обрусевшая калмычка, по замужеству местная крестьянка Хр. Ег. Мазаркина. Возвратившаяся из плена совершенно здоровой, она сразу же попала у крестьян в подозрение, как шпионка. Отыскав ее, я произвел подробный опрос. Она оказалась православной, вдовой, была в замужестве за крестьянином Данилом Мазаркиным. От брака имеет трех детей.

С ее слов мною было запротоколировано такое ее показание: наступление на Алексеевское село, где она имела в это время пребывание, началось с 8-9 утра 10 августа. С начала наступления из села скрылся Тимофей Лобзов с семейством, нашедший приют у мятежных киргиз. Его брат Афанасий тоже предпринимал попытку уйти к киргизам, но его не отпустили крестьяне. Тем не менее на 12 число ночью ему удалось с семьей бежать к знакомым киргизам, куда, следуя его примеру, убрался и крестьянин Стефан Коваленко. 11-го августа киргизы наступали переодетыми в русские рубахи и пиджаки. Крестьяне оградилась во дворе церковного старосты Филиппа Пет[ровича] Павлова, который 13-го числа от обороны отказался и сдался на милость победителей, даровавших ему жизнь. Киргизы же убитых мужчин вместе с женщинами забрали в плен, расчленив для этого пленных на три группы. Мазаркина попала к киргизам, имевшим стан в местности, прозываемой «малыми Урюхтами⁸». С нею находились и ее дети. Отданная бедному киргизу в жены, она убежала с дочерью Марией, бросив своих малолетних детей-мальчиков на произвол судьбы. Убегу ее содействовало разрешение сбора дикой смородины. Будучи в плену, она слышала от киргиз похвалы преоб[раженскому] волостному старшине И.В. Кошаеву, будто бы снабдившему мятежников свинцом и порохом. Киргизы отбирали у русских пленников кресты и принудительно заставляли есть конину.

Мазаркина произвела на меня впечатление искренней женщины, подозревать которую в шпионстве нет оснований. Она, между прочим, говорила мне, что киргизы сомневаются в возможности взять Сазановку, Преображенское и Пржевальск. Относительно Преображенского с Пржевальском я потом слышал этот же отзыв киргиз и от многих других русских, побывавших в плену. В помощь крестьянам-мельникам, работавшим на общественные нужды, я прикомандировал сегодня монастыр[ского] мельника монаха Маркеллина. Вернулся уезжавший вчера с В.П. Колотилиным на разведку иерод[иакон] Порфирий и, не сходя на берег, вновь поехал с кем-то из нуждавшихся в помощи на новые разведки.

Чтобы урегулировать выбытие монашествующих на разведки, я организовал сегодня из монахов особую разведочную флотилию с иеромонахом Феогностом во главе. Отец Феогност выбыл на разведки. Преображенские крестьяне, изловив, арестовали сегодня трех русских из их же среды – воров, обкрадывавших своих односельчан. Пойманы воры из преоб[раженских] крестьян и на хуторе местного церковного старосты.

Поимка этих воров послужила как бы сигналом к распространению среди преоб[раженских] крестьян воровства в самом широком масштабе. Они стали друг у друга воровать не только вещи, но и скот, опознавать который не представляется затруднений. От преображенских же крестьян воровской люд перебросился на беженцев так сильно, что всякому из обывателей этого времени пришлось страшииться и нового, не менее опасного, врага – русского вора, захватывавшего чужую собственность не только ночью, но и днем.

19-го августа

С утра были совершены обычные разведки казаков в прилегающих к селу местностях. Около полудня с церковной колокольни был обнаружен дым вблизи расположения заимки преоб[раженского] волостного старшины Кошаева. О нем, как и о других подозревавшихся в измене, в народе уже несколько дней циркулировали слухи. Поэтому не без оснований некоторыми из них было сделано предположение, что заимка Кошаева, если только горит она, подожжена не мятежниками <...>, а русским человеком, вряд ли могшим отказать себе в удовольствии уничтожения усадьбы своего брата, передавшегося врагу. Если же поджог владений Кошаева сделан русским человеком, то, без всякого сомнения, в лице солдат и сазановских крестьян, идущих к нам.

К 4-м пополудни мы уже свободно наблюдали большие пыльные столбы от движения многих тысяч живых существ. Я со многими другими утверждал, что это движутся сазановцы, скопом идущие к нам. Наше предположение вполне подтвердилось. Около 8 вечера за селом приветствовали конвоируемый отрядами корнета Покровского головной обоз сазановских крестьян. Первым прибыл в наше селение верхом на лошади судебный следователь С.М. Кулаков, поведавший о пережитых страшных днях нападения и осады села повстанцами.

Первые дни с 8-го по 10-е августа организация защиты селения всецело пала на него. Отражая <...> атаки, русские убили около 300 мятежников. Не располагая потребными для защиты огромного села силами, сазановцам неволей пришлось сдать селение врагу и укрепиться в большом больничном парке, огражденном высокою и толстою глинобитною стеной. Сила обороны сазановских крестьян увеличилась присоединением к ним крестьян сел Каменки, Семеновки, Григорьевки. <...> Сазановку сожгли совершенно, оставив по военным соображениям в неприкосновенности постройки, расположенные вокруг русских укреплений. Тогда эти строения и дома, по которым повстанцы метко били русского человека, были преданы огню самими защитниками. От атак киргизы уклонились, довольствуясь одной стрельбой из ружей, в числе которых имелись и винтовки.

Из Пржевальска в Сазановку был командирован для руководства обороной корнет Б. Ег. Покровский с командой из 20 солдат с 18-ю патронами на каждого. В Сазановку он прибыл почти без боевых припасов. В патронташах его солдат было не больше 4 патронов на ружье. Да и ружья были наполовину без штыков. К благополучию сазановцев, им много помогли местные торговцы из сартов, снабдившие защитников довольно большим количеством селитры и свинца и затем принявшие участие в обороне крепости.

По рассказу Покровского, он выехал из Пржевальска 10 числа и 11 был в Фольбаумовке, вблизи которой атаковал до 150 повстанцев, из коих трое были убиты. В этом селении он оставил для организации обороны двух солдат с унтер-офицером Марком Власенко. 12-го числа прибыл к месту командировки, в Сазановку, в предместьях которой имел большой успех над атаковавшими его отряд 400 киргизами. Атаковавшие дрались с Покровским в течение 8 часов и наступали с таким упорством, что являлась бы необходимость отступления. Однако, к счастью русских, ими был сбит один из киргизских военачальников. Это произвело среди повстанцев замешательство, и они стали удаляться.

С 15 августа мятежники повели правильную осаду русских, оконченную 18-го числа с прибытием на выручку сотни Овчинникова, давшего русскому люду полную возможность оставить выжженное село и присоединиться к преображен[ским] крестьянам сегодня. Сазановка осаждалась 10 000 киргиз из 4-х волостей. По утверждению Покровского, от вражеских пуль пало лишь 13 русских, в том числе один солдат, и поранен 21 крестьянин. <...> По словам сазановского врача Г.А. Степанова, прибывшего в осажденную <...> Сазановку с отрядом корнета Покровского, среди мятежников киргиз были прекрасные стрелки, но очевидная недостача у них пуль не позволяла им наносить большего ущерба осажденным и удерживала от решительных выступлений.

Киргизы в некоторых случаях, например, при выходе из парка на улицу за водой баб и девушек, обстреливали их деревянными пулями, желудями и маленькими камнями, но лишь только обнаруживал себя мужчина – меткая пуля клала его на месте.

Почти все крестьяне хором, в разговоре со мною, воздавали честь безумной отваге, храбрости и деловитости врача Г.А. Степанова, который личным примером и умом больше прочих способствовал удержанию сазановцев от сдачи врагу, которая близилась с каждым днем и часом из-за уменьшения пищевых запасов и начала обнаружения заразных болезней. Освободитель сазановских крестьян казак П.А. Овчинников рассказал мне, что по выступлении из Преображенского им было отбито около Алексеевского до 70 монастыр[ских] лошадей, однако, убежавших при перекрестном обстреле киргизами русского отряда в Каменке.

Вырезано до 50 киргизских кибиток <...>, сожжено до 250 юрт, освобождено до 200 пленных и в Алексеевском спасено до 50-ти больных русских.

Потери Овчинникова в эту экспедицию состояли из 2-х человек, казака и солдата. Священник С. Якушев, заведовавший перед бунтом кроме своей еще и Григорьевской церковью⁹, совершенно свободно вывез документы, деньги и церковное имущество. Однако, опасаясь держать принадлежащее церквам имущество в

своим маленьком обозе, он сложил все это для хранения в храм Сазановский. К несчастью, вместе с селом сгорела и церковь эта. Огонь был так силен, что в нем растапливались и довольно значительного веса колокола.

Нападение на село Григорьевское и расположенное между ним и Сазановской Семеновское селение началось 9 августа.

Вот что передано мне свидетелями <...> нашествия. Нападение мятежников на Григорьевское селение было сделано со стороны [мос]та, на запад от поселка. Случайно находившиеся в это время в селе казаки Семен Бородихин, Михаил Вилкин и сазановский крестьянин Глотов, спрятавшись где-то у моста, сделали попытку задержать банду повстанцев. С присоединившимися к ним 3 местными жителями они, в течение целой ночи оберегая поселок, не пропускали в него киргиз и этим обеспечили григорьевцам возможность собрать пожитки и выбраться в Сазановку. По пути к ним присоединились уже тогда собравшиеся к выезду крестьяне семеновские. Григорьевка осталась почти совершенно уцелевшей, в Семеновке же <...> выжгли около третьей части строений.

Овчинников любезно передал мне сведения об обстоятельствах первых нападений мятежников на гор[од] Пржевальск и окрестные селения. Наступление на уездный город началось 10 августа, со стороны Мариинского¹⁰ поселка. Город охватила паника, особенно сильная среди чиновного люда и горожан-интеллигентов. Все, начиная с начальника уезда полковника Иванова, видя, что почти невозможно было что-либо предпринять для защиты жизни и интересов горожан, стали укрепляться в казармах. Овчинников с 12 казаками и приставшим к ним частным обывателем в числе 30 человек, атаковал нападавших на город дунган и изрубил почти в самом его центре до 60 повстанцев. Преследуя дунган, отступавших за город, он около Шеренина сада уничтожил до 100 врагов. Затем оттеснив почти 2000-ю толпу бунтовщиков к Мариинскому поселку, занялся со своими товарищами по битве сбором избитых там дунганами русских поселян. Таких им подобрано было до 50 душ, и только к ночи дружине удалось вернуться с ранеными в город. 11-го августа отряд Овчинникова теперь в 40 человек атаковал 2000[-ю] дружину дунган и, обстреляв их, вырвался в Мариинский поселок, затем до домов и быстротой действия навел страшную на дунган панику. Они бежали в горы, а русские, простояв здесь целый день, собрали еще до 50-60 убитых мятежниками безоружных поселян.

12-го августа Овчинниковский отряд выжег весь Мариинский поселок, устроив пожарище в 15-ти местах, а оставшихся в поселке дунган повырезали. 13-го августа Овчинников со своим отрядом проник на ферму сел[ьско-]хоз[яйственной] школы, где жили ученики с учительским персоналом. Он застал здесь полный разгром. Многие из русских убитых лежали на подожженном сене, страшно изувеченные и изуродованные, не исключая и малых детей. Одних детей было насчитано убитыми до 60 душ, взрослых же до 80. Часть же русских, преимущественно женщин, <...> были ранены. В числе убитых здесь был обнаружен и начальник школы А.А. Псалмопевцев, накануне бунта, ввиду тревожного настроения туземцев, вернувшийся из Пржевальска к своему посту. Только что отстроенные громаднейшие здания школы мятежниками были сожжены. Начальник уезда задерживал выступление отряда на хутор сел[ьско-]хоз[яйственной] школы¹¹. Между тем,

приди отряд двумя часами раньше, школа с ее начальниками была бы спасена.

14-го августа Овчинниковский отряд, уже значительно пополненный людьми, прошел в село Покровское. Ввиду недоверчивого отношения в Пржевальске русского населения к не принимавшим участия в мятеже татарам, Овчинников для успокоения населения благоразумно передал здесь командование собственным отрядом унтер-офицеру из татар и пржевальскому торговцу Ибрагимову и сам стал в ряды простых борцов. В Покровском был дан мятежникам большой бой, длившийся от полдня до 8 часов вечера. Из наших в этом бою был убит один и двое ранено. Атаки дунган по силе напора были свирепы. Тем не меньше удалось разбить врага, бежавшего в паническом страхе. С 8-ми вечера до 2 ночи покровцы укладывали свои пожитки и затем в числе до 4000 человек, конвоируемые отрядом, отбыли в Пржевальск. Разумеется, по выбытии русских, мятежниками было сожжено это большое и богатое село.

15 и 16 августа был лишь один разъезд Овчинниковского отряда. 17-го Овчинников прибыл в Преображенское. 18-го освободил от осады сазановцев и 19-го, как описано выше, привел освобожденных в числе 6000 душ к нам сюда. По словам Овчинникова, в его отряде выдающейся отвагой и сметливостью выделялись унтер-офицер из татар, командовавший отрядом при освобождении Покровки, Ибрагимов, казак Тищенко и беззаветной удали Иван Яковлев. Казаки Семен Бородин и Вилкин передали мне, что для защиты пригородного селения Теплоключинского¹² /Аксутки/ из Пржевальска была послана команда только из 6 человек. В ее состав входили: унтер-офицер Черняков, Спиридон Выродов, Павел Чувячкин, Василий Кошев, Дмитрий Добров и Прокопий Парфенов. Мятежники напали на селение 11 числа.

Солдаты, поддержанные крестьянами, смело бросились на нападавших, сначала остановили их и затем прогнали в лес. Аксутка в числе немногих других русских селений совершенно уцелела.

Вечером этого дня мы собирались в помещении Почтового отделения для обсуждения вопроса об использовании монастырских помещений для беженцев, разместить которых в Преображенском не представлялось почти возможным. Овчинников, защищая свою мысль о выделении части беженцев для устройства их в числе до 1500 человек в Иссык-Кульском монастыре, указывал на неприступность его для киргизских нападений при наличности охранного отряда хотя бы в 20 казаков. Это же самое впоследствии утверждал и начальник, командированный в Пржевальский уезд для усмирения мятежников, войск[овой] полковник Гейцыг. Я, со своей стороны, предоставлял беженцам монастырские здания [и] на свой риск и страх отдавал в пользу беженцев все сохранившиеся съестные припасы. Овчинниковым об этом был представлен начальнику уезда полковнику Иванову доклад, который, как всегда это у него водилось, где-то «затерялся».

20-го августа

Ранним утром был созван в Преображенском военный совет для обсуждения организации местного продовольственного дела. Председательствовал Корней По-

кровский. На совете присутствовали: Овчинников, судебный следователь С.М. Кулаков, доктор Г.А. Степанов, учителя: Савицкий и П. Шахворостов, Новижный, Г.М. Величкин, священник А. Величкин, священник Якушев, пишущий эти строки и другие.

Организация продовольственного комитета была поручена Сазановскому учителю Шахворостову, председателем школьного комитета был избран учитель Новижный, санитарного – врач Степанов, судебного – атаман Бедарев, зав. приютом для круглых сирот – священник Якушев. В частности, большинством голосов было узаконено наказание шести воров и предание смерти грабителей. В заключение была объявлена широкая реквизиция мануфактурных товаров и съестных припасов. Организация сформировки вышесказанных комитетов была больше чем своевременна. Надо пройти хотя по одной-двум улицам Преображенского, чтобы понять их (комитетов. – *Е.О.*) мысли и значение. Сазановцы, каменцы, семеновцы, григорьевцы и всяческие хуторяне заполонили своими обозами почти все улицы села. Из Сазановки вчера прибыло до 1000 подвод и около 6000 обоего пола людей. Всю эту массу с пожитками требовалось поустроить в семьях преображенцев. Надлежало озаботиться удовлетворением их потребностей, хотя [бы] самым необходимым. Это все могли сделать исключительно общественные организации.

И вот председателям комитетов было предоставлено право обсуждения с местными сельскими властями сформировки комитетов. Сазановский доктор Степанов сразу же по прибытии вчера к нам принял в свое ведение нашу временную больницу для раненых в невозможно дурном состоянии, [и,] надо отдать ему справедливость, сразу же, в одни сутки, много переиначил к ее улучшению. Но, к беде нашей, он сегодня решил выехать хотя [бы] на неделю в Пржевальск за женой. Он был вместе с корнетом Покровским, Овчинниковым и полусотней солдат. С ними вместе выбыли и сазановские сарты.

Тем временем атаман Бедарев пригласил меня присутствовать на интересном опросе фольбаумовского сельского старосты Б.А. Лепихова по делу измены унтер-офицера Марка Власенко. Из опроса выяснилось, что защита фольбаумовских крестьян была организована во дворе Паденинкина. Руководство защитой было доверено М. Власенко, как опытному и храброму воину, увенчанному тремя георгиевскими крестами. Его помощниками были два строевых солдата из отряда корнета Покровского. Первое нападение киргиз на Фольбаумовку произошло 10 августа. Атака мятежников в числе до 300 человек на маленький Фольбаумовский гарнизон была отбита. 11 августа атаковавшие <...> вновь принуждены были отступить. 12го русские сдались на милость победителей. Обстоятельства, предшествовавшие сдаче, были такие: из среды защитников пробралась к знакомым киргизам крестьянка Фекла Зюзикова, по возвращении к своим она передала предложение киргиз «помириться». Для переговоров об условиях мира киргизы требовали М. Власенко. Он отправился в их лагерь и, вскоре вернувшись, предложил крестьянам капитулировать. Защитники передали тогда повстанцам бывшие в их распоряжении две винтовки и 4 дробовика. Отобрав оружие, киргизы повели фольбаумовцев к Иссык-Кулю и стали избивать. Необходимостью вынужденные к самозащите крестьяне начали отбиваться голыми руками и, отступив к своему укреплению, про-

должали борьбу до 15 августа, использовав для обороны еще где-то найденные 4 дробовика. В эти дни командовал киргизами против своих Власенко.

По делу этого же Власенко 21 августа мне было передано свидетельницами Феклой Зюзиковой и Мариной Велубовой, почти дословно, то же, что удостоверял вышеупомянутый Лепихов. Вскоре после опроса Лепихова я вновь был приглашен атаманом Бедаревым для присутствия при опросе подозревавшихся в измене алексеевских крестьян.

Оказалось, что их как подозреваемых в измене уже арестовали день тому назад. Опрос производился в волостном правлении. При опросе кроме атамана и меня присутствовали священник Величкин, учитель Нарижный и Виноградов. Подвергались опросам Ф.П. Павлов, С. Коваленков, братья А. и Т. Лобзовы и преображенский волостной старшина Кошаев. Обстоятельства дела, как было выяснено дознанием, заключались в следующем.

10-го августа в Алексеевское прибыл корнет Покровский с отрядом и своим влиянием на крестьян убедил их в легкости борьбы с киргизами, успокоив начавшее тревожиться совершенной беззащитностью население. Алексеевцы располагали 10 дробовиками. Защита была организована в доме церковного старосты П.П. Павлова, явившегося душой обороны. Сопrotивление наступавшему ежедневно врагу продолжалось до 13 августа – времени прекращения борьбы. Но крестьяне, не уверенные в возможности долгого сопротивления, вступили в переговоры с повстанцами в первый же день обороны. Для выработки условий мира к ним был командирован Ф. Павлов с братьями А. и Т. Лобзовыми. Однако не все посланцы были отпущены обратно. Киргизы удержали у себя Т. Лобзова и в непродолжительном сроке доставили к нему его семью. Попытались киргизы задержать и А. Лобзова, но будто [бы] отпустили его за семьей на слово. А. Лобзов, вырвавшись к своим, не пожелал, конечно, возвращаться к врагу и боролся с ним совместно с другими, пока не было решено сдаться повстанцам. Все сдавшиеся были уведены киргизами в плен.

Кошаев по своему делу показал, что, оставаясь на своей заимке, в 8 верстах от Алексеевского, был верен русским, киргизам ничего не давал и тем более не снабжал их свинцом и селитрой. Его сын в киргизском плену содержался в равных условиях с другими пленниками. Естественно, возникал вопрос, почему киргизы не пленили самого Кошаева, как это делали в отношении других русских. Почему они не разграбили его жилище, когда никому из других русских не оказывали никакой милости? Откуда наконец Кошаев, находясь в своей усадьбе, мог знать об условиях режима в плену его сына Даниила. Мотня Овчинников, при отбытии пленных, среди которых пребывал Даниил Кошаев, обнаружил роскошь его содержания по сравнению с другими. Мятежниками была предоставлена ему хорошо обставленная юрта и в ней пленник имел решительно все необходимое, до лакомств включительно. За что ему была оказана киргизами такая милость?

По словам сазановских крестьян, Д. Кошаев в первые дни восстания находился в селе и вместе с другими претерпевал страх осады и муку ожиданий помощи. Когда же стал ощущаться недостаток в боевых снарядах, он сам вызвался охотником съездить в Пржевальск за свинцом и порохом. Доверившись, сазановцы отпустили его в опасную командировку, но затем предусмотрительно послали вслед за ним и

другого гонца Андрея Мазуренко. Затем Д. Кошаев оказался в почетном плену, а Мазуренко, ежеминутно подвергавшийся обстрелу, не только проник в Пржевальск, но и вернулся обратно, сделав в самых невыгодных условиях 180-верстный поход. Освобожденный из плена казаками Д. Кошаев тогда же был русскими убит, а заимка его отца предана огню.

По поводу подозрений в измене Павлова, братьев Лобзовых и Коваленкова я говорил с нарочито собранными для сего алексеевцами из беженцев, от которых и распространялся слух о неблаговидности поступков и действий обвиненных. Я выяснил им опасность обвинения невиновных, и крестьяне признали отсутствие положительных улик для жестокого приговора над своими собратьями. По внушении обвинявшимся осторожности с крестьянами, если кто-либо из них, может быть, ненароком, назовет их изменниками, они были выведены к народу и отпущены на свободу при громогласных криках «ура». Старик же Кошаев был оставлен в заключении для дополнительных опросов.

Освобожденный из-под ареста А. Лобзов рассказал мне, что слышал от киргиз, будто они, разграбив под выселкой Рыбачьей¹³ транспорт с ружьями и боевыми припасами, предназначенными для Сазановки, 150 винтовок отправили для вооружения мятежников, имевших напасть на город Верный, и 50 винтовок для действий против сазановцев. Впоследствии разгром транспорта под Рыбачьим подтвердился, но все, кажется, бывшие там 160 винтовок были обращены против русского населения Пржевальского уезда, [которому приходилось] бороться <...> первые дни восстания чуть не голыми руками.

Вернулась разведочная экспедиция иер[омонаха] Феогноста, доставившая старца-послушника Симеона, которого мы уже было начали считать погибшим. Он прибыл совершенно здоровым, но до крайности утомленным. При получении известий об избиении <...> русских старец Симеон решил приготовиться к смерти. Для этого он пошел купаться в Иссык-Куле и облачился в приготовленную на смерть иерусалимскую рубашку, приобретенную им во время путешествия по святым местам. Однако от киргиз он укрылся и, не обнаруженный ими, скитался в течение суток по кустарникам, камышам и высокой траве, а иногда [скрывался] в подполье монастырской гостиницы, заведующим которой состоял. Питался яблоками и оставшимися в монастыре кусками черствого хлеба. <...>¹⁴

В селении Преображенском стало сильно развиваться воровство, я выше упоминал уже о ворах. С приходом же сюда беженцев воровство начало принимать характер эпидемии. Воруют днем и ночью, у знакомых и незнакомых. Преображенские крестьяне в этом обвиняют григорьевцев; григорьевцы, в свою очередь, винят преображенцев.

21-го августа

Сегодня воскресенье. Воспользовавшись присутствием в храме множества богомольцев, я произнес произведшее на народ впечатление слово о воровстве. Но воры не унялись; попались сегодня в покраже у своих же – сазановцы.

А новый преображенский вол[остной] старшина Седых на состоявшемся об-

щественном сходе стал огульно обвинять в воровстве городских казаков. Казаки с дружинниками из преображенских крестьян поехали было в горы на разведку, но крестьяне, польстившись киргизским добром, разбежались для этого захвата. Вернувшись с разведки, казаки передали радостную весть о поспешном бегстве киргиз, второпях оставляющих даже юрты с имуществом в них.

Сегодня наше богослужение. Сформирована была конная дружина из сазановцев под командой судебного следователя Кулакова. Преображенские крестьяне, обсуждая создавшееся положение с приливом беженского элемента в селе, постановили принять на себя содержание прибывших крестьян с определением производить уборку хлеба в одиночку. Они вынесли такое решение, вероятно, для противодействия вчерашнему определению «военного совета», признавшего необходимость в реквизиции хлебных запасов. Однако это не помешало крестьянам реквизировать состоящее из кож имущество одного сарта, пытавшегося было выжить из села на осленке в Пржевальск.

Я уверен был, что преображенские крестьяне дальше благих порывов помогать бедноте не пойдут, и поэтому начавшаяся сегодня сформировка продовольственной помощи меня весьма утешила.

Сегодня открыла действие общественная сапожная мастерская. В распоряжение же продовольственного комитета, тоже сегодня начавшего действия, я, согласно просьбе Шахворостова, откомандировал иеромонаха Мельхиседека.

Около 4 пополудни прибыл из Пржевальска с 30 казаками хорунжий Перемитин в качестве коменданта села Преображенского. Вечером этого же дня он созвал «военный совет», на котором были одобрены действия продовольственного комитета. На этом заседании преоб[раженский] волостн[ой] старшина Седых вновь неодобрительно отозвался о казаках Николаевской станицы. Атаман Бедарев, участник этого совета, разобидевшись на старшину, заявил о нежелании в дальнейшем обслуживать защитой крестьян. Я обратил внимание нового коменданта на валявшиеся за селом трупы в садах киргиз и дохлых лошадей и советовал сделать распоряжение об уборке их, так как тут же пасется крестьянский скот и постоянно шляются ребяташки.

Получено сенсационное известие, что выбывшие вчера с отрядом Покровского и Овчинникова в Пржевальск сазановские сарты по дороге убиты. Говорили, и после удостоверено, что убитые были весьма состоятельными людьми. Будто бы один сарт имел при себе около 40 000 руб[лей]. Значит, убийство совершено было в целях грабежа. Какая подлость! Ведь эти сарты были защитниками крестьян в селе Сазановка! <...>

22-го августа

Сегодня состоялся под председательством коменданта Перемитина совместный общественный сход преображенских крестьян с крестьянами-беженцами. На этом сходе установлена была форма сбора хлеба в одиночку семьями, причем преображенцы обязались содержать беженцев бесплатно до устройства их на родных местах.

Это постановление и обещание мне показалось малонадежным. Чтобы разумно обеспечить население кормом, нужно было произвести перепись людей и сделать учет хлебных злаков для заблаговременной заготовки его на стороне, если окажется это нужным. Об этом я говорил с комендантом, очевидно, по молодости не заглядывавшим в будущее.

На другой день я обратился к нему по этому вопросу письменно. В своем отношении я ему излагал: «Переезд жителей сел Григорьевского, Семеновского, Сазановского и Каменки в количестве пяти-шести тысяч душ для временного пребывания в Преображенском, выдвигает два кардинальных вопроса, требующих самого тщательного обсуждения. Я разумею под ними вопросы продовольственный и санитарный. Правда, жители села Преображенского обязались содержать беженцев по две, три семьи на одного домохозяина. Но возможность осуществления этого обязательства не учтена проверкой зерновых злаков и может случиться так, что недостаток хлеба к весне вызовет другое народное бедствие, не меньше переживаемого, – голод со всеми его последствиями. Насколько допустима нынешняя сплоченность народа в Преображенском, обсуждаемо не было. И не будет удивительно, если в недолгом времени она станет давать себя чувствовать беженцам, а вместе с ними и коренным преображенцам. О могущих произойти последствиях говорить не приходится. Между тем невдалеке от Преображенского находятся хлебный монастырский район с прилегающими к нему хуторами и Озерно-Фольбаумовским селом. Там может быть собран хлеб в минимальном количестве до 25 000 пудов, не считая овощей, овса и сена. Там же, в монастырских владениях, может быть [размещен] избыток беженцев села Преображенского до 1500 душ. Сообщив об этом, покорно прошу отнестись к госп. коменданту Пржевальского уезда с предложением обсудить вопрос, пока не поздно ([пока] монастырь не сожжен <...>, а хлеб не погиб на корню), о выделении части беженского населения в монастырские владения с дачей для охраны монастыря до 15 вооруженных солдат или казаков. Если же это не представляется удобным, то принять меры к скорейшему сбору тамошнего хлеба для помещения его в запасные магазины Преображенского села для продовольствия наличных солдат и имеющей, вероятно, прибыть спасательной экспедиции, с тем, однако, условием, чтобы этим хлебом обеспечивались монашеская братия и владельцы примонастырских хуторов и селений».

Как бы в подтверждение сегодняшнего разговора с местным комендантом монахов начали одолевать [просьбами] о помощи беженцы. Но что могли мы дать им, когда сами ничего не имели? Могли только утешать в будущем совместным переездом в монастырь, если начальник уезда согласится дать охрану, где в досталь обеспечены будем хлебом и овощами. К сожалению, переезд в монастырь беженцев теперь не осуществился. Полк[овник] Иванов не нашел нужным даже уведомить меня о получении вышеприведенного предложения...

Между тем вернувшийся сегодня с разведки отец Феогност передал, что в монастырь одиночками и группами стали наведываться для грабежа преображенские крестьяне. Захватывая монастырскую муку и овощи, они оправдывались перед монахами-разведчиками в своих поступках: говорили, что делают это с моего словесного разрешения. Сегодня на базарной площади драли плетью пойманных

18 августа в воровстве преображенских крестьян. Каждому из них, не знаю кем, назначено было по 30 ударов. Экзекуцию производили потерпевшие и, говорят, били беспощадно. Комендант Перемитин выпустил на свободу быв[шего] преображенского волостного старшину Кошаева за недостатком, якобы, против его поступка улики.

Сегодня выбыли из Преображенска в свою станицу разобиженные скверными о них отзывами преображенского волостного старшины казаки. Они не стали даже дожидаться особых распоряжений по этому вопросу от пржевальского начальства.

Комендант Перемитин дал им <...> в помощь 10 солдат и, сообщив коменданту Пржевальского уезда об этом, просил его взамен выбывших прислать в Преображенское других воинов. В удовлетворении этой просьбы Перемитину было отказано.

С уходом казаков, поддерживавших в крестьянстве дисциплину, преображенская конская добровольная дружина также стала разбредаться, и к вечеру этого дня из ее состава выбыло до 75 человек.

Комендант Перемитин ничего не может поделать с крестьянами, отказывавшими ему в послушании даже в отношении обороны села. К счастью, произведенной сегодня разведкой установлено отсутствие киргиз в прилегающих к Преображенскому местностях.

Прибывшие трое беженцев из Корая¹⁵ передали нам о своих странствиях. Один из них был в городе Верном и когда начались там волнения, отбыл домой через горы верхом. О происшедшем разгроме Пржевальского уезда он узнал по прибытии домой, на пепелище своей деревни. Свою лошадь он бросил и с двумя односельчанами отправился сюда, к нам. Он наблюдал в пути, что киргизы сотни тысяч скота, своего и награбленного, гонят к Рыбачьему поселку. Монахи жалуются, что им нельзя пройти по селу, так как преображенцы над ними издеваются. Я рекомендовал им не шататься без дела по жнивью и своим видом не мозолить им глаза.

23-го августа

Казаки с дружинниками выезжали на разведку до Алексеевского села. Ими доставлено в Преображенское 7 беженцев и 15 русских пленников. Пленники рассказали, что изменивший своим Власенко и его отец Давид мятежниками убиты. Значит, измена не принесла этим людям выгоды. Разведка не обнаружила киргиз поблизости. <...>

Преображенские крестьяне, пользуясь отсутствием киргиз, забросив уборку хлеба, стали выезжать в горы для грабежа киргизских юрт. Прошел слух, что киргизы с награбленным скотом пошли было в направлении к Чилику, но, не пропущенные казаками, отбыли к поселку Рыбачьему.

Атаман Николаевской станицы Бедарев приехал в Преображенское искать украденных здешними крестьянами казацких лошадей. Я узнал, что в Преображенском находится неизвестного у какого крестьянина монастырский [кастри]

рованный бугай очень высокой ценности. Этот бык впоследствии времени был, по указанию одной старушки, отыскан у преображен[ского] крестьянина Г. Усенкова.

Среди крестьян распространялась сильная тревога, разнесенная бежавшими с полей бабами, передавшими о движении на село большой банды киргиз. В это время большая часть казаков и дружинников была на разведках. Тревогу работавших на полях крестьян заметили и сазановские дружинники, в 3-х верстах от села со своим командиром Кулаковым обучавшиеся военному строю. Заинтересованные бегством крестьян, они тотчас же бросились выискивать предполагаемого врага. И пошла суматоха, пока кто-то не сообразил, что вблизи Преображенского – не киргизы, а свои же русские воины-добровольцы, а последние не поняли, что крестьяне убегают не от киргиз, а от них, всадников, ошибочно принятых за врага.

24-го августа

В утренней разведке комендант Перемитин захватил, по его словам, до 30 голов пригульного скота и в том числе – монастырского жеребца-производителя высокой ценности. Он заявил мне, что оставляет этого жеребца в своем распоряжении. Вступать в спор с Перемитиным я не мог, но меня немало удивляло то, для чего ему, тщедушному казаку, громадный битюг. Когда же выяснилось, что Перемитин захватил лошадь в самом монастыре, куда она вернулась из киргизского плена прямо к своему стойлу, и что Перемитин считает ее своею собственностью, я подал генерал-губернатору Куропаткину жалобу с просьбой распоряжения возвратить лошадь, которую присваивать себе уже никак не мог Перемитин, которому вверена была охрана жизни и имущества русского населения северной части Иссык-Кульского озера. Куропаткин, к моему удивлению, отмалчивался. Впрочем, ведь ему принадлежали во время русско-японской войны знаменитые слова: «Терпение, терпение и терпение»... Да и не один Перемитин, а и другие «защитники» пржевальского русского люда тащили у разоренных жителей не хуже киргиз...

Из-под монастыря неожиданно вернулся оставшийся в монастыре в начале бунта и уже считавшийся погибшим старец послушник Назарий. Во время избиения монахов он спасся под крышей колокольни, где ему посчастливилось так хорошо укрыться, что обнаружившие вблизи его убитого затем монаха Дорофея киргизы его совершенно не заметили. В первые дни после разгрома монастыря о Назарий скитался по разным укромным в обители углам, питаясь остатками просфор и черствого хлеба, а затем 20 августа перебрался в Фольбаумовку, где проживала его замужняя дочь. Дочери он не нашел ни живой, ни мертвой... Пораженный совершенным уничтожением этого села, он бродил в нем среди трех сотен трупов, питаясь фруктами и скрываясь от людей, пока его, вовсе истощенного от голода и измученного от страхов, не нашли русские разведчики, доставившие его к нам.

Прибывший вчера из Пржевальска врач Степанов вступил в исполнение своих обязанностей при нашем временном лазарете. Слава Богу, он самый опытный в уезде оператор, а у нас так много больных, нуждающихся в этом искусстве. Он передал мне пржевальские новости. Теперь в городе до 400 хорошо вооруженных казаков с солдатами. Спасший Пржевальск и бывший в первые дни бунта обще-

ственным героем Овчинников теперь не у дел. Позавчера сделавшие было попытку нападения на город киргизы численностью до 400 человек почти поголовно вырезаны в бою казаками. Полковник Иванов, было присмиривший, опять задает обеды, а офицерский состав в подавляющем большинстве им недоволен. О горожанах и говорить не приходится. В.Н. Руновский будто собирает сведения о противозаконной начальника уезда деятельности. Говоря обо мне с доктором, начальник уезда высказался этими словами дословно: длинноволосые на меня наговаривают, но пускай помнят, что я их во всякое время могу передать военно-полевому суду. Под «длинноволосыми» он мог разуметь исключительно меня, а не простых и безответных монахов. Ведь никто другой, а я запретил ему выдавать из монастыря «в долг» лошадей и продукты монастырского производства, а теперь никто другой, а я веду подробную запись всего происходившего в эти дни, о чем он хорошо осведомлен, и потому что это все знают и идут ко мне со своими великими горестями... Кстати, в Пржевальске полковник Иванов посадил какого-то студента, осмелившегося вести дневник, в тюрьму.

Комендант Перемитин уже успел разочароваться в преображенских крестьянах и в части мероприятия по урегулированию продовольственного дела объявил сегодня частичную реквизицию лошадей для уборки хлеба и 20% муки. Перемитин обещал мне назавтра конвой из 6-8 солдат для поездки в монастырь и Фольбаумовку для отпетия там убитых русских. Я сообщил об этом к сведению и распорядился волостному старшине и фольбаумовскому сельскому старосте.

Сегодня получил из Пржевальска от учителя [Величкина] письмо, в котором он просил меня снять копию с переданного мне списка солдат, защищавших Преображенское в первые дни бунта, и, по опросам отметив более храбрых, прислать ее ему. Комендант Перемитин, узнав об этом, предупредительно заверил меня, что представление отличившихся к наградам – долг его чести и что это сделает он самолично. Тем не менее, я просьбу Величкина удовлетворил, и хорошо сделал, так как Перемитин вряд ли уведомлял по военному начальству об оказавших геройские подвиги. И казаки, и солдатики весьма заинтересованы, что[бы] хотя [бы] фамилии их попали в печать, если уже нельзя им поче[му-]либо получить награждение или благодарность за участие в боях. Внесением [этих имен] в свой дневник, предназначенный для опубликования, я удовлетворяю просьбу первых защитников села Преображенского, которым тысячи обитателей северного побережья Иссык-Куля обязаны сохранением жизни, так как при падении этого села никто из русских не имел бы пристанища и всех нас <...> перерезали бы, как зайцев.

Между тем уже стали объявляться разные проходимцы, приписывавшие себе добродетель необычайных подвигов. (Ниже приводится «рапорт» одного из таких, с соблюдением орфографии и стиля). Первые защитники села Преображенского, разумеется, как это везде было в Пржевальском уезде, вооруженные всякой дрянью, прибыли в селение за два дня до бунта для восстановления испорченной киргизами телеграфной линии. Им-то и пришлось отстаивать село Преображенское. Во главе этого отряда был убитый 19-го августа урядник Николай Березовский. В составе отряда находились солдаты: Куринский И., Беленький А., Мягкий С., Литвинов С., Монаев К., Закиров Г., Грибков З., Дорогайкин А., Конев В., Кучеренко, Чувич-

кин, Виноградов С., Горелкин Н., Виградов И., Клеченков А., Потапов Д., Солдатов С., Сажин С., Труш[...] Х., и казаки: Киселев М., Вахтомин Н., Демидов А., Серебренников А. и примкнувший к ним учитель из Джеркентского уезда Гавриил Величкин (ныне начальник милиции в г. Пржевальске). Кроме этих солдат в защите Преображенского принимали участие еще до 100 человек из местных крестьян.

В дополнение к сведениям об отражении киргиз от Преображенского, помещенным в дневнике под 14 августа, не лишне будет присовокупить все переданное мне некоторыми из вышеупомянутых солдат. Крестьяне оказывали солдатам весьма незначительную помощь. При всяком напоре <...> они бежали вспять. 11 августа было 4 последовательных <...> наступления под прямой горной щелью, куда русские выступили навстречу мятежникам, со стороны сельского кладбища, откуда их отогнали с Черного озера до почтовой дороги, где русские их разбили, и со стороны <пропуск> в направлении монастыря, где также киргизы понесли урон.

По приблизительному подсчету, во время первого наступления киргизы потеряли 70-80 человек, во время второго – 300. Третьего – 70 и 4-го – до 40 душ. Во время боя одиннадцатого августа был убит один из главных руководителей бунта на северном побережье озера, Раскельды, но кем он был убит, в свалке нельзя было установить.

Солдат Чернов, присваивавший себе честь разгрома киргиз, вряд ли сможет считаться героем боев. Но вот что сообщает об этих боях сам Чернов. Он передал в мое распоряжение копию своего «рапорта» начальнику уезда, и я привожу его без изменения.

«11 сего августа киргизами было нападение на селение Преображенское. Около 2000 человек с целью оцепить его и поджечь население Преображенского все были в панике, никто не решался выехать на поле сражения. Ввиду неорганизованного населения каждый старался спасти себя бегством, побросав свои дома на произвол судьбы, бежали в центр селения, т.е. к церкви, так что окраинные дома оставались совершенно незащищенными киргизы вполне могли поджечь селение без всякого сопротивления <...>. Первоначально старались насколько возможно поджечь селение видя такое безвыходное положение, что все селение должно погибнуть я решился в числе 3-х человек выехать на поле сражения против 2000 толпы для обороны селения, у меня была трехлинейная винтовка, остальные ружья центрального боя у которых было по одному патрону, дали втроем залп, киргизы видя, что снаряды не долетают дробовых ружей не считая конечно винтовок, я оставил на месте этих двух людей, сам обошел поближе к киргизам и начал стрелять, часто стрелять, <...> было хорошо видно, что трое пали в один момент, у них получилось смятение, народ падает и неизвестно откуда получают выстрелы. Повернув лошадей пустились бежать, я выехал из своей засады и остальные бросились за ними против около 4 верст от селения. Одиннадцатого августа вторично стали наступать и оцеплять селение. Народ бросился на них в атаку, вторая большая колонна бросилась на крестьян, желая отрезать народ от селения, в этот критический момент в наступавшую толпу я выстрелил из деревянной пушки, выстрел такой неожиданный для киргиз, как из орудия, сразу остановил наступление, повернув

от селения совершенно в противоположную сторону, первая колона, видя что вторая колона повернула назад, они тоже последовали приему второй, наш народ пустился за ним догонять, <...> а самое главное обстоятельство сложилось к нашему счастью гаваря, т.е. руководителя всей армии киргиз был убит, могу его назвать Раскельды Бериком. Убил его крестьянин села Преображенского Дионис[ий] Курочкин, который привез печать должностную Берикова и шапку и передал старшине. О вышеизложенном сообщая и вместе с тем прошу Ваше благородие господин комендант войти с ходатайством перед кем следует о предоставлении меня за мою услугу к награде».

Таких Черновых во время киргизского мятежа у нас, разумеется, появилось много. И почти всегда – из среды тех, которые во время наступления не отличались отвагой. <...> Видно, у нас в Пржевальском уезде размах удали русской гораздо шире, чем она была обнаружена у известного казака Кузьмы Крючкова, на Германском фронте убившего в одном бою только 18 немцев, если не меньше. Как же говорить должны и говорят о своей доблести военачальники наших пржевальских команд!

Солдат Чернов, тем не менее, – замечательный в Преображенском селе крестьянин, артиллерист; кажется, он сделал в виде опыта деревянную пушку. Она от выстрела разорвалась. Не отчаиваясь в возможности устройства более совершенной, он сделал другую, оказавшуюся более прочной, затем еще и еще. Всего им было сооружено, не считая разорвавшейся, 4 пушки. Заряды из них летели на версту <...>. Казак Овчинников в походе на выручку сазановских крестьян в деревне Каменки стрелял одной из этих пушек по каменному дому, глиняному, где укрывались киргизы, и, пробив две толстые стены, заставил мятежников разбежаться. Дуло этих пушек из металла, но так как недостаточно толстого, то обделаны снаружи деревом на железных обручах. Заряжались пушки с дула, стрельба производилась пистонами. Прикреплялись пушки к полутележкам о двух колесах, две пушки были позорно брошены добровольной дружиной из преображенских крестьян при <...> атаке 28 августа. Взамен утраченных Чернов сделал еще одну новую. Во время осадного положения они украшали церковную площадь в Преображенском. Где находятся теперь, не знаю¹⁶. Пленные <...> пушки были где-то закопаны мятежниками в горах, так как никто из них не умел ими пользоваться. Конечно, в боях эти полуигрушечные орудия не могли иметь значения, но наличность их в селе так успокоительно действовала на крестьян, что, кажется, Михаил Чернов имеет некоторое право на благодарность односельчан...

25-го августа

Утром я отбыл в монастырь и Фольбаумовку для ожидания погребения русских. Родня убитых фольбаумовцев, ежедневно напоминавшая мне об этой поездке, собиралась к сборному пункту медленно. Предполагавшие ехать устроились на 15-20 подводах. Многие с лопатами для погребальных ям.

Мы выбыли около 8 утра в сопровождении не 8, как предполагалось, а 20 солдат, пожелавших прокатиться с нами для разделения предстоящих трудов.

Трактовая дорога была пустынна и пыльна страшно и, право, будто совершенно не та, по которой так привычно уже было ездить при путешествиях в Преображенское и город. Изредка нам попадались ломаные колеса, иногда телеги и киргизские трупы. Трупы убитых <...> русских, по крайней мере, между Преображенским и монастырем доброй рукой крестьянина были прибраны раньше. Встречавшиеся на нашем пути брошенные колеса и другая ненужная рухлядь указывали на спешность переезда сазановских защитников в благополучное Преображенское село. Валявшиеся трупы <...> издавали едкий по силе запах.

Навстречу нам стали попадаться груженные хлебом в снопах телеги крестьян. Видимо, все они возвратились с полей примонастырского района, оттуда, где они ни сеяли, ни жали. Мне вспомнились заявления отбывших очередь караула в монастыре монахов о постоянных набегах сюда крестьян за поживой, как приезжавшие за мукой, зерном и овощами, на обычные вопросы, с чьего разрешения хотят брать, иногда заверяли, что по поручению продовольственного комитета или самого архимандрита.

Под монастырем я застал воров и на месте преступления. Они спокойно складывали на свои телеги чужой хлеб. На вопрос, зачем берут чужое, некоторые дерзко отвечали: «Почто чужое? Божье!». Один из солдат-конвоиров назвал мне фамилии воров, я записал их в памятную книжку и по возвращении домой сообщил коменданту Перемитину, который, однако, и не пытался наказать воровавших. Я больше всего был возмущен тем, что все воры были преображенскими крестьянами, меньше других пострадавшими от киргиз. Если бы ворами оказались потерпевшие крестьяне из разоренных сел, то не было бы обидно и самое воровство. Право, не было бы так зазорно и [было бы] простительно. Воры же сплошь были из зажиточных, у которых сохранились и лошади, и телеги, и семьи. Поэтому-то их следовало наказать и как можно строже. Но в Пржевальском уезде такие времена настали, когда воровство перестало называться этим именем. Теперь имя ему – «военная добыча». Немало такой добычи было повывезено из уезда прожорливой голытьбой. Многие бедняки у нас стали богатыми. Богатые – богатеями.

Дальше в монастырь я пошел пешком. Мне хотелось так пройтись, чтобы сильнее запечатлеть подробности разрушения и следы набегов киргизского и за ними русского люда. В начале дороги, ведущей от почтового тракта в монастырь, стояли кучей телеги фольбаумовских крестьян с хозяевами, ожидавшими конвоя с приехавшими в обитель. Я предупредил их, что сначала будет погребение убитых монахов, и предложил принять участие в похоронах отца Рафаила, отправлявшего у них обязанности приходского пастыря. К моему удивлению, никто из крестьян [и] не пошевелился. А [ведь] отец Рафаил так любил своих прихожан, отстаивал их интересы, жил приходской жизнью, забывая свои почтенные годы (76 лет), не думая об отдыхе...

С болью в сердце я направился в монастырь по прямой, как стрела, карагачевой дороге, где монастырчане обыкновенно совершали свои прогулки. Широкая, тенистая, всегда опрятная, не тронутая рукой киргиза и топором русского вора дорога эта мне представилась унылой до невозможности. Не от того ли, что я сейчас столкнулся с черствостью сердца русского мужика, обычно жалостливого [и]

душевного? Да, теперь не обычное время, а времена грабежей и разбоев. Сердца крестьян <...> наполнены одним желанием – скорей вернуть утраченный уют и домашнее довольство, а всего ведь у них осталось только, что на них и с собою.

Подходя к монастырю, я зашел в великолепное, только что отстроенное школьное здание, предназначенное для обучения киргизских детей. Оно осталось в полной неприкосновенности. Может быть потому, что они знали об его назначении. Потому что ценят учение, хотят быть грамотными и просвещенными. Один из пржевальских учителей, А. Ходысов, побывавший в киргизском плену и каким-то чудом убежавший из неволи, рассказывал мне, что киргизы, узнав, что он учитель, сейчас же потребовали обучать детей по-русски, и пленник, не знавший ни одного слова по-киргизски, стал обучать киргизят, не слыжавших русской речи. Школьной аудиторией была киргизская юрта, ученики – киргизята, добровольными слушателями – взрослые киргизы, приходившие в восторг от деловитой строгости учителя к детям...

Когда-то теперь наше школьное здание будет училищем для киргизских детей? <...>

Осмотрев школу, я прошел на кладбище. На скромных немногочисленных могилках кресты оказались целы. В гостинице следы [пребывания] преступников были налицо. Откуда-то появившееся разбросанным по полу сено, осколки оконных стекол и посуды. На святых монастырских воротах не оказалось иконы. От этих ворот по прямой аллее к летнему Троицкому собору налево – красивенькое помещение, где продавались монастырские иконы и книжки, теперь [оно –] с поломанными рамами и разбитыми стеклами. Внутри хаос. Бумажные иконки и книги кучами валялись по полу, в грязи, видимо, нарочно затоптанные нечистыми ногами хулиганов <...>. По монастырской ограде – нестерпимый трупный запах. Это от разложения зверски приконченных монахов. Сегодня исполнилось ровно 2 недели со времени их кончины...

Вот и они, у паперти собора, лежавшие в неестественных позах, обезображенные тленом, оголенные, поедаемые червями. Лиц убитых нельзя уже было разобрать. Мы могли разобрать в принадлежности трупов только по тому, что некоторые из разведчиков-монахов видели убитых в первые дни их мученической кончины.

Слева от церковной уличной лестницы покоится навзничь отец иеромонах Рафаил с отрубленной головой и левой рукой. Его ребра уже открыты. Близ него тут же под сиреневой изгородью на траве спит вечным сном послушник Никифор. На середине дороги, против входа в собор, с распростертыми руками лежит тело святца – монаха Досифея. С левой стороны ступеней в храм – молодой послушник Михаил с крепко прижатым к груди большим запрестольным крестом, и с правой стороны той же лестницы – монах Феоктист. По аллее, ведущей от собора к монастырской трапезе, ближе к храму, сбоку в арычке валяется убитый инок Дорофей. Почти в противоположном конце монастырской ограды, около его уединенной кельи лежит труп старца схимонаха Исихия.

Убитые, как рассказано выше, сами не пожелали оставить монастырь, выйдя из него искать с нами спасение на стороне, в более безопасном месте. Почти

все – старцы, они и не допускали возможности совершения киргизами убийства. Правда, наш монастырь – «миссионерский», его прямой задачей было обращение магометан-киргиз в христианство. Но монахи и не приступали к этому призванию, так как не имели в своей среде за все время существования обители подготовленных людей. Расположенный вблизи китайской границы, в необозримой глуши инородческого Семиречья, в глубокой дали от железных дорог, он [монастырь] не имел образованных монахов, которые и без этого имеют много дела в глубинах окраин русской верующей России. В нашем монастыре предпочтительно ютились старцы или простейшие безграмотные селяне, помышлявшие исключительно о собственном спасении и боявшиеся помыслить об учении других. Достаточно беглого обзора годовых отчетов ([хранятся] в Москве) Православного миссионерского общества, чтобы убедиться в том, что Иссык-Кульский монастырь был «миссионерский» только по названию. За 35-ти летний период времени [его] существования в монастыре был окрещен только один киргиз, нареченный Антонием, из обрусевших инородцев и убитый русскими крестьянами во время бунта за шпионство. Киргизы не имели основания питать к монахам особой ненависти и нерасположения. Напротив, кажется, из всех живущих в Пржевальском уезде русских они должны были иметь к монахам и вообще к монастырю наибольшую любовь и расположение. Киргизская многочисленная беднота имела [благодаря монастырю] постоянно почти даровой кусок хлеба. За что же проявили мятежники такое озлобление к монахам в лице доверившихся им старцев? О семиреченских киргизах всегда все говорили как об единственных магометанах без фанатической настроенности. Исходя из этих убеждений, и монастырь основали в свое время и нарекли его «миссионерским». <...>

Мне не хотелось погребать убитых на монастырском братском кладбище, вдали от места их праведной кончины. Местом общей братской могилы мы выбрали прекраснейший, отовсюду видный уголок вблизи от летнего собора к югу, от соборной площадки, под сиреневыми кустами, промеж двух параллельных аллей. Сначала крест, потом часовня над могилой скончавшихся будут всем богомольцам, не говоря уже об иноках, напоминать о перенесенных за Веру Прав[ославную] страданиях почивших и вещать о тщете земной жизни.

Потребная для могилы яма была быстро окончена копанием, так как под верхним слоем чернозема оказался рыхлый песок. На рогожке при пении «Святой Боже» мы перенесли останки схимонаха Исихия и положили их прямо без гроба, который делать не имели времени, в приготовленную могилу. Затем последовательно были положены в нее тела и остальных монахов, причем послушник Михаил, умерший с запрестольным крестом в руках, был положен вместе с этой своей последней, драгоценной для каждого христианина, ношей.

На иеромонаха Рафаила были возложены епитрахиль того молебного образца и святое Евангелие в руках, с которыми он восприял кончину, и крест. Мы глубоко жалели, что не имеем монашеской мантии для общего прикрытия всех покойных. Киргизы унесли все наше имущество, не побрезгав даже и старьем.

Совершением чина отпетия мы торопились, так как был ужасно силен запах разлагавшихся тел и нам предстояло еще впереди немалое дело отпетия не одного

десятка фольбаумовских крестьян, также ждавших церковной молитвы о вечном упокоении их в обители нашего Небесного Отца. Однако, по отпетии, когда солдатики по своему почину дали в честь умерших ружейный залп, я решил хотя бы бегло осмотреть все монастырские постройки.

Наш светлый, веселый <...>, с богато убранным иконостасом и массой старых и дорогих украшений [и] икон, храм оказался так сильно обезображен, что стало жутко в него входить. Паперть залита теперь засохшею кровью только что похороненных братьев. В самом храме в некоторых местах пола – тоже кровавые пятна. Царские врата открыты, в них виднелся разоблаченный опрокинутый престол.

В алтаре – трудно вообразимый [бес]порядок, на полу валяются осколки цветных оконных стекол, клочки богослужебных книг и Евангелий, разбитые, с поцарапанными ликами иконы, измятые подсвечники и палки, которыми, б[ыть] м[ожет,] избивались монахи. Входная дверь в ризницу разломана. В ризнице пусто, если не считать такого же, как в алтаре, беспорядка на полу. Все до единой старой ризы, все богослужебные сосуды, вся церковная утварь унесены. Из ризницы исчез и наш сохранный металлический денежный сундук, в котором хранились документы и немного денег. Впоследствии он найден был вблизи собора, с разломанной крышечкой. В пономарке – тоже хаос. На полу среди груды стекольных осколков, углей, ладану и свечных огарков, валялись кусочки хлеба и начавшей плесневеть картошки. Это остатки последнего обеда убитых иноков.

В самом храме всюду на полу стекло, разбитые и просто так лежащие иконы. Ризы с них сняты, поисковерканы, помяты и разбросаны по разным местам. Все подвинуто с мест, порублено, поломано и осквернено. Монахи, полагая, что отцом Рафаилом где-либо спрятаны святые антиминсы, обыскали весь храм, все строения, весь монастырь, и безрезультатно. Были отысканы только святые запасные дары. Остается думать, что он успел их сжечь. Если же он этого не догадался сделать, то эта святыня попала в руки бунтовщиков.

Другая наша церковь, зимняя, так же разорена, как первая. Из нее тоже все взято, что можно было унести, и поломано [то, что] почему-либо <...> нельзя было утащить или выбросить. В этой церкви все лики святых нижнего яруса иконостаса попоколоты каким-то тупым орудием. <...>

[Из] церковей я прошел в братский корпус. Как и в церквях, здесь повыбиты все стекла и поразбиты двери. Всюду сор и мусор от поломанных вещей. <...> Иконы побросаны со своих мест. <...> Особенно же сильный беспорядок я обнаружил в своих кельях, где помещался архив и библиотека. Здесь было все перерыто и разбросано по полу так, что и пройти нельзя было. Интересно знать, искали ли киргизы в архивных делах и книгах денег или, производя этот беспорядок, [просто] хулиганили.

На монастырской экономии все так же было попорчено и поломано, как и в иных местах. Но наш монастырь киргизы не сожгли, имея полную возможность это сделать. Спаленные ими скотные дворы и конюшни в счет не могут идти. Я все равно собирался весной 1917 года заняться их перестройкой. <...>

Зайдя заглянуть на монастырский фруктовый сад, я застал в нем вора, как всегда из преображенских крестьян. Он собирал в мешки яблоки и груши. Потом

выяснилось, что он был послан акушеркой Басовой за яблоками для дочки, а по пути, конечно, собирал и для себя. Собранные им фрукты я передал в гостинец своему конвою, а мужика из сада выгнал.

Фольбаумовское село от монастыря в 5-6 верстах. Для сокращения пути мы проехали туда по монастырским лугам, ровным, как укатанное шоссе. Когда выбрались из лугов на почтовый тракт, нас стало обдавать страшной пылью, так как впереди уже ехали телеги фольбаумовцев. По дороге встретили две брошенные сломанные телеги, несколько колес и киргизских трупов. Издали село Фольбаумовское с большими фруктовыми садами и массой зелени казалось совершенно уцелевшим. При въезде же в него мы были потрясены картиной разрушения. Не осталось не только ни одного домика в нем, но даже изгородей из джерганака, погоревших тоже.

В садах на опаленных огнем деревьях висели с одной стороны печеные фрукты. По селу бродили голодные собаки, свиньи и куры, пожиравшие человеческое мясо и копошившихся в нем червей. По единственной в селе улице всюду валялись трупы, преимущественно русского люда. Среди убитых были и мужчины, и женщины, и дети. Все до единого мертвецы раздеты до нижнего белья, умерщвленные женщины, <...> свидетельствовавшие об издевательствах над ними, может быть уже мертвыми.

Вообще почти все в изуродованном виде. В нескольких местах я видел трупы, лежавшие на потухших уже кострах, видел детей с совершенно раздробленными черепами, разорванных пополам младенцев и проч. По всем данным, тут была устроена <...> бойня беззащитных русских людей перед мятежниками <...>. Особенно много мы увидели убитых в усадьбе крестьянина Поданкина, где защищались фольбаумовцы. Ею руководил, как упомянуто выше, 16 и 20 августа унтер-офицер и георгиевский кавалер трех степеней из местных крестьян Марк Давыдович Власенко. Как от участвовавшего в походах военного человека, можно было ожидать лучшего укрепления защиты. Мы же не нашли и следов каких бы то ни было укреплений, если не считать слабо сооруженной баррикады из поломанных телег. Видимо, он мало вникал в возложенное на него дело защиты своих односельчан и сдал селение мятежникам вместо того, чтобы вывезти его ночью, когда мятежники обычно праздновали в горах «победы», в хорошо державшееся Преображенское село.

Осмотрел я и то место, где были избиваемые мятежниками сдавшиеся и обезоруженные крестьяне. Оно находится за мостом в направлении к Иссык-Кулю, недалеко от селения. [И] там – трупы и трупы...

Однако надо было приступить к делу отпетия и погребения несчастных. На улице не оказалось ни души. Все приехавшие разбрелись по своим и чужим домам для захвата жалкой полусохранившейся рухляди, колес, котлов, а также и для сбора фруктов.

Я пошел самолично приглашать на отпетие покойных и для копания могил. О переносе мертвых, теперь полуразложившихся и истлевших, на сельское кладбище, расположенное в полутора верстах от деревни, не могло быть и речи. Трупный запах был так силен, что и стоять вблизи умерших почти было невозможно. При-

ходилоcь останоBиться на мысли временного предания земле усопших там, где они лежали, однако с отнесением могил поближе к постройкам и подальше от проезжей дороги. Я, отыскав одного из фольбаумовцев, предложил ему помочь мне в розыске других и принять участие в рытье могил. Он поразил меня лаконическим ответом: «Не могу, болит рука». «Зачем же вы сюда приехали?» «А так себе...». Отыскал другого; он, на просьбу об этом же, осведомил меня о болезненном состоянии ноги, третий объяснил, что страдает желудочными болезнями и т.д.

Я отказался от дальнейших приглашений фольбаумовцев копать могилы и с болью сердечной предложил заняться этим делом прибывшим сюда со мной монахам. Но нас было немного, а ожидавших погребения десятки, если не сотни. Выкопав одну яму для десятка примерно трупов, мы увидели, что труд для нас непосилен. К счастью, кто то из иноков обнаружил во дворе одного дома большую яму, вероятно, от развалившегося погреба. Недолго размышляя, мы решили воспользоваться ею для погребения усопших. Ввиду отсутствия родни умерших, рыскавшей по обгорелым усадьбам, мы совершили, хотя среди нас было 4 священника, одно общее отпевание, с упоминанием на ектениях их имен <...>, и приступили к погребению, стаскивая убитых на рогожах. Трупный запах при сдвигании умерших на рогожу палками (руками уже нельзя было касаться до убитых, так как мясо легко отделялось от костей) был так удушлив, что становилось тяжело дышать...

Как монахи в числе 8 душ могли перетаскать до 80-ти, по крайней мере, трупов, я и до сих пор не могу понять. Видно, помогал Господь сделать доброе дело отдания последнего долга восприявшим мученическую кончину. Нами было погребено, однако, не больше одной трети убитых. Они были всюду, не только на дороге, [но и] в речушке и в колосющихся полях, в густой траве, в листве малины, в погребах, в сене и т.д. Уже начало темнеть, когда мы окончили свою работу. Часть нашего конвоя уехала обратно. Мы остались с небольшой горсткой солдат.

Но где наши подводы? В селе их не оказалось. Крестьяне, переполнив свои телеги всякой дрянью, повыбыли домой, боясь ехать в темноте. Нашим солдатикам пришлось возвращать крестьян, чтобы отвезти нас в Преображенское домой. По проезде мимо монастыря некоторые из монахов, соскочив с телег, отправились для ночевки в обитель. Я с немногими другими, глубоко потрясенный событиями этого дня, поехал дальше.

В последующие разы обращения ко мне съездить для отпетия умерших, теперь в селение Алексеевское, я категорически отклонял, так как не был уверен, что крестьяне станут принимать непосредственное участие в копании могил и переносе умерших в них. Пользоваться же конвоем для переноски всякого крестьянского хлама, как это случилось при посещении Фольбаумовки [и] Преображенского, я не считал себя вправе.

Из Фольбаумовки сегодня нами были выведены отысканные в кустах раненый мужчина, пострадавшая от голода женщина и двое полуживых детей.

(Окончание следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Курменты – река, впадающая в озеро Иссык-Куль близ монастыря, по которой и вся местность эта называется Курменты.

² Каркары – урочище реки Каркара, по которой проходит граница Казахстана и Киргизстана. «С Каркар» (в тексте) – значит, из Верного.

³ Покровское (сейчас – село Покровка / Кызыл-Суу) – самое большое из русских сел на южном берегу Иссык-Куля.

⁴ Священномученик Александр (Юзефович) – настоятель церкви с. Тюп и церкви с. Кара-Балта, где был расстрелян 17 января 1921 года. Прославлен в 2000-м году в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской.

⁵ Икона Божьей Матери «Тихвинская-Слезоточивая» – наиболее почитаемая святыня Свято-Троицкого Иссык-Кульского монастыря. Образ был написан в 1897 году на Афоне специально для этого монастыря. После закрытия монастыря в 1918 году икона оказалась в Свято-Троицком соборе города Пржевальск / Каракол.

⁶ Храм в селе Преображенское / Тюп освящен в честь Казанской иконы Божьей Матери.

⁷ Джергелан (Джаргелан, Джиргылан) – река и одноименный поселок при въезде в Пржевальск / Каракол со стороны Преображенского / Тюпа.

⁸ Малые Урюхты – киргизский аил близ Уй-Тала / Алексеевка, сейчас – село Кичи-Урюхты.

⁹ Церковь села Григорьевка освящена в честь Покрова Божьей Матери.

¹⁰ В тексте – «Маргиланского», такого поселка в Иссык-Кульской долине никогда не было. В имперский

период существовало большое дунганское поселение Мариинское, жители которого, заинтересованные в контрабанде опиумного мака в Китай, приняли участие в бунте, разгромив сельскохозяйственную школу и несколько поселков близ Пржевальска на южном берегу озера Иссык-Куль. Мариинское село, уничтоженное при подавлении восстания 1916 года, больше не восстанавливалось.

¹¹ В некоторых публикациях разгром школы и гибель детей преподносятся как события, происшедшие на территории монастыря. Автор «Дневника» отчетливо разделяет оставленную целой монастырскую школу и другую, не имевшую отношения к монастырю, сельскохозяйственную школу в нескольких километрах от Пржевальска.

¹² Теплоключинское / Аксуйское укрепление – первый русский форпост в Иссык-Кульской долине, затем – большое старожильческое село. Сейчас – село Теплоключенка / Ак-Суу в 15 км от Каракола.

¹³ Рыбачье (сейчас – город Балыкчи) – населенный пункт в 220 км от Пржевальска / Каракола. Находится на западной оконечности озера Иссык-Куль близ Боомского ущелья, через которое из Пишпека шел транспорт с оружием.

¹⁴ Несколько строк в рукописи повреждены и не поддаются реконструкции.

¹⁵ Скорее всего речь идет о поселке Кара-Ой / Долинка, находящемся на северном берегу озера Иссык-Куль в 140 км от Пржевальска, на трассе между Тюпом и Рыбачьем. Горы здесь – хребты Кунгей-Ала-Тоо и Заилийский Алатау, отделяющие Иссык-Кульскую долину от города Верный / Алма-Ата.

¹⁶ Поздняя вставка: «/в Алма-Атинском Губмузее/».

Начало обновленческого движения в Среднеазиатской епархии. 1923–1924 годы

Обновленческая «реформация» началась во второй половине мая 1922 года. В течение нескольких дней – с 12 до 18 мая – группа «прогрессивного духовенства», после неудачных переговоров с находившимся под домашним арестом патриархом Тихоном (Беллавиным), обманом захватила патриаршую канцелярию. Так возникло обновленческое Высшее Церковное Управление (ВЦУ), орган канонически нелегитимный, но активно претендовавший на всю полноту власти в Российской Православной Церкви¹. В «группу прогрессивного духовенства» входили протоиерей Александр Введенский, священники Владимир Красницкий, Сергей Калиновский, Евгений Белков и псаломщик Стефан Садник². В скором будущем Введенский и Красницкий выступят в качестве вождей обновленческого движения.

Вокруг Красницкого быстро сложилась мощная группа «Живая церковь», широко заявлявшая о своих реформационных намерениях, но, по сути, являвшаяся чем-то вроде центрально-российского профсоюза белого духовенства. Сам протоиерей Красницкий, недавно «перекрасившийся» в красные тона монархист, в первый год обновленчества осуществлял координацию движения, а по совместительству – большую часть контактов с ОГПУ.

Во главе ВЦУ встал епископ Антонин (Грановский). Талантливый ученый-библеист, он был человек крайне неуравновешенным, с устойчивой репутацией церковного и политического диссидента³. В скором времени к обновленцам примкнул второй архиерей – Леонид (Скобеев), титулярный (т.е. носящий титул, но не занимающий кафедру) епископ Верненский⁴.

С появлением в ВЦУ епископов Антонина и Леонида эта организация, состоявшая по преимуществу из священников, получила некоторую видимость легитимности. Оба архиерея положили начало обновленческой иерархии, рукоположив еще двух епископов⁵.

В дальнейшем ВЦУ развернуло активную работу по подчинению диоцезов Российской Православной Церкви. Патриарх Тихон находился в полной изоляции, деятельность Синода и Высшего Церковного Совета была полностью парализована, и ВЦУ всеми силами стремилось заполнить образовавшийся вакуум. По епархиям разъехались уполномоченные этой организации, жестко требовавшие перехода архиереев и приходских советов в ведение обновленческого центра. Как правило, эмиссарам ВЦУ оказывали активную помощь местные органы советской власти и полицейского надзора. В итоге «уже к августу 1922 года 37 из 73 епархиальных епископов присоединилось к ВЦУ, и только 36 продолжали почитать Патриарха»⁶ и управлять епархиями в самостоятельном режиме.

Для Средней Азии начальной датой обновленческого раскола может считаться 29 января 1923 года – день скоропалительного отъезда из Ташкента последнего туркестанского архиерея Синодальной эпохи архиепископа Иннокентия (Пустынского).

Владыка покинул кафедру с излишней поспешностью, оставив епархию в тяжелом состоянии нарождающейся церковной смуты. На следующий день после его отъезда – 30 января – в «Туркестанской правде» было напечатано «письмо в редакцию», в котором от лица архиепископа сообщалось следующее:

Сим довожу до всеобщего сведения, что в силу особых личных обстоятельств текущего времени я признал необходимым отказаться от управления туркестанской епархией и выехать в пределы Европейской России для дальнейшего пребывания, передав административные функции управления епархиальному совету. Прощаясь с населением Ташкента, прошу никого не винить в моем отъезде, не веря никаким возможным слухам на мой счет⁷.

Существует несколько версий, объясняющих причины поспешного отъезда архиепископа Иннокентия, но наиболее вероятной следует признать страх архиерея перед возможным арестом.

За полгода до этого события, 3 октября 1922 года, архиепископ Иннокентий созвал чрезвычайное собрание духовенства и мирян «города Ташкента и ближайших местностей»⁸. Собрание одобрило декларацию, в которой, «в виду фактического прекращения деятельности Священного Синода и Высшего Церковного Совета, в связи с отречением патриарха Тихона», провозглашались автокефалия Туркестанской епархии и создание независимой Туркестанской Православной Церкви⁹.

В своем решении участники чрезвычайного собрания опирались на указ Священного Синода № 362 от 7/20 ноября 1920 года¹⁰. Подписанный патриархом Тихоном, этот указ разрешал отдельным епархиям создавать самостоятельные церковные структуры в случае потери связи с высшей церковной властью или прекращения ее деятельности. Поэтому туркестанская автокефалия не была самочинной или нелегитимной.

Декларация об автокефалии была составлена в лояльном к большевистскому режиму стиле и даже содержала элементы христианского социализма. Приняв ее текст, чрезвычайное собрание постановило:

...Считать обязательным для всех священно-церковно-служителей безусловно-честное гражданство в Республике, которое состоит в признании Советской власти, подчинении ей и выполнении лежащих на [каждом граждан]ине обязанностей.

3. Не допускать никакого вмешательства духовенства в политические дела, а тем более его участия в каких-либо контрреволюционных выступлениях или содействия последним, – потому что христиане не могут не сочувствовать тому государственному строю, который стремится уничтожить своекорыстное угнетение человека человеком или одного класса другим. Где прекращается господство богатых /капитализма/ и возвращаются человечески[e] права всем бедным, несправедливо угнетенным и обездоленным, – ибо в таком случае цели, преследуемые революцией, совпадают с целями христианства.

4. Точно также признать, что стремление революции достигнуть сближения народов / путем объединения трудящихся/ отнюдь не чуждо христианству, – напротив: верующие люди начинают сознавать, что разъединение, которое, по слабости человеческой, проникло даже в единый когда-то церковный мир, долженствующий [быть] миром братства и любви, – что это разъединение в новое время быстро идет на убыль, благодаря большому сближению христиан в житейских делах и более глубокому усвоению ими подлинного духа Евангелия; поэтому и всякая попытка в направлении к сближению христиан, – в форме, например, соединения Церквей, – способствующему осуществлению всемирного братства народов, должна быть ими приветствуема¹¹.

Но даже умеренный христианский социализм не помог воплотить основные пункты декларации на практике. К ноябрю 1922 года этот документ по-прежнему оставался по большей части нереализованным.

Власти Туркестанской Советской Социалистической Республики (ТАССР, Туркеспублики) – автономии в составе РСФСР – не благоволили планам архиепископа Иннокентия и не были склонны поддерживать его стремление к созданию автокефальной Туркестанской Церкви.

Даже попытка владыки наречь во епископы кандидата на одну из запланированных в декларации викарных кафедр¹², архимандрита Виссариона (Зорнина), окончилась плачевно. Отец Виссарион был арестован, а затем выслан из Ташкента¹³.

Вероятнее всего, именно эта высылка произвела на архиепископа Иннокентия настолько тягостное впечатление, что он решил на скорый отъезд за пределы епархии. Такой версии придерживался очевидец и участник событий священник Валентин Ясенецкий-Войно¹⁴.

После отъезда архиепископа Иннокентия в Ташкенте начали формироваться два церковных «центра притяжения».

Первым был Епархиальный совет, два важнейших функционера которого – протоиереи Сергей Уклонский и Григорий Брицкий – постепенно начали вести диоцез к признанию власти ВЦУ. Оба протоиерея контролировали Туркестанское Епархиальное управление (ТЕУ) и пользовались достаточно высоким авторитетом среди местного духовенства, чтобы провести в диоцезе тихий переворот в пользу обновленческого ВЦУ.

К марту 1923 года к Уклонскому и Брицкому присоединился протоиерей Алексей Микулин, настоятель церкви в Фергане и благочинный Ферганского округа. Отец Алексей был назначен уполномоченным ВЦУ и, вероятнее всего, обеспечивал членам Епархиального совета поддержку со стороны местного НКВД и ГПУ.

Второй центр стихийно формировался в конце января – начале февраля 1923 года. Его лидерами выступили протоиерей Михаил Андреев и священник Валентин Ясенецкий-Войно, действовавшие в тесном тандеме. 29 января 1929 года они неудачно пытались предотвратить отъезд владыки Иннокентия, а затем рассылали петиции с просьбой не препятствовать его возвращению на кафедру в разные инстанции: властям Туркестанской республики, в местное ГПУ, в Совнарком – В.И. Ленину...¹⁵

27 февраля 1923 года Андреев и Ясенецкий-Войно созвали в ташкентской Благовещенской привокзальной церкви собрание представителей «приходских советов города Ташкента и его окрестностей». На нем был учрежден «Союз приходов Туркестанской епархии», а также переизбран состав Туркестанского Епархиального совета. В новый состав вошли: протоиереи В. Багрянский и П. Кваснецкий, священник В. Ясенецкий-Войно и миряне – Ф.П. Назаров и А.Ф. Щукин¹⁶.

Создание «Союза приходов» было акцией, совершенной в духе революционного времени. Фактически Андреев и Ясенецкий-Войно предприняли попытку сорвать тихий переворот, подготовленный Уклонским и Брицким.

Через несколько дней, 2 марта 1923 года, представители «Союза приходов» пришли в канцелярию Епархиального совета и заставили заместителя председателя протоиерея Уклонского сдать им дела. Вытеснив из канцелярии сторонников ВЦУ, лидеры «Союза приходов» взяли власть в епархии в свои руки¹⁷.

После утверждения у власти «Союз приходов» разворачивает активную деятельность. В Москву, к архиепископу Иннокентию, отправляют нарочного с просьбой вернуться в епархию, одобряется порядок избрания делегатов для отправки на Второй Поместный собор¹⁸, намечается дата для проведения нового епархиального съезда (1 апреля 1923 года).

На Страстной седмице протоиерей Михаил Андреев начинает распространять открытое письмо ко всем православным туркестанской епархии (от 23 марта), в котором разъясняет позицию «Союза приходов» по основным церковным и политическим вопросам: возвращение на кафедру архиепископа Иннокентия, православный традиционализм и неприемлемость никаких обновленческих новшеств, лояльность к советскому государству¹⁹.

Вслед за открытым письмом о. Михаилом было обнародовано еще одно воззвание, теперь уже совместно с о. Валентином Ясенецким-Войно: «Почему мы не признаем ВЦУ». В нем лидеры «Союза» давали самую неприглядную оценку обновленческому движению, довольно верно определяя его как поповский бунт против власти епископов²⁰.

Отстраненные от управления диоцезом функционеры Епархиального совета временно сдали свои позиции, однако попытались укрепиться в, говоря современным языком, «медийном пространстве».

Протоиерей Гр. Брицкий оперативно подготовил и опубликовал прокламацию «Духовенству и Церковно-Приходским Советам Туркестанской Епархии» (от 9 марта 1923 года), в которой обвинял протоиерея Михаила Андреева и о. Валентина Ясенецкого-Войно в захвате власти, и призвал приходские советы объединяться вокруг уполномоченного ВЦУ протоиерея Микулина²¹.

25 марта о. Григорий опубликовал обширный отзыв на воззвание протоиерея Михаила Андреева и о. Валентина Ясенецкого-Войно: «Наш ответ на декларацию ташкентских автокефалистов “Почему мы не признаем ВЦУ”»²².

Поддержку сторонникам ВЦУ оказывала официальная «Туркестанская правда». Начиная с января 1923 года в ней регулярно выходили статьи, в которых лидеры староцерковников подвергались критике как ретрограды и контрреволюционеры²³. Примером подобного рода материалов может служить статья И.М. Ломакина «Отречение епископа Иннокентия» (8 февраля 1923 года). В ней Ломакин старательно создавал негативный образ о. Валентина Ясенецкого-Войно:

Только невежественное отношение может видеть в возникшем церковном движении один «поповский бунт», как это делает Ясенецкий. Оно неизбежно и стихийно, потому что изменение общественных форм неизбежно и стихийно влечет за собой и изменение общественной идеологии... Наступил момент, когда и в туркестанском церковном мире забродило новое революционное движение. Ближайшее будущее покажет, какое течение окажется сильнее, обновленческое или староцерковное, но в любом случае и Ташкенту не уйти от «Живой церкви», как бы исступленно ни клял ее идеолог церковного староверства Ясенецкий²⁴.

Благодаря подобным статьям в ташкентском лексиконе тех лет появились такие неологизмы, как «автокефалисты» и «тихоновцы». Обрел новое звучание, казалось бы, давно получивший конфессиональную прописку термин «старовер». Неологизмы имели негативное наполнение: объявленная архиепископом Иннокентием автокефалия не была поддержана властями Туркестанской Республики, а патриарх Тихон рассматривался советской властью как сторонник буржуазной контрреволюции.

К активным действиям сторонники ВЦУ перешли во второй половине марта. Первую попытку вернуть себе епархиальную канцелярию они предприняли на Лазареву субботу 1923 года. По свидетельству протоиерея Михаила Андреева, в тот день председатель Епархиального совета протоиерей Венедикт Багрянский был вызван с богослужения из Иосифо-Георгиевского собора в Комиссариат внутренних дел. В кабинете комиссара его уже ждали протоиереи Микулин и Брицкий. Протоиерей Багрянский был в сопровождении милиционера и сотрудника ГПУ препровожден в Епархиальный совет, где от него потребовали сдать дела. Этого он, однако, не сделал – под предлогом того, что он их лично не принимал²⁵.

Следующая попытка оказалась более успешной. 31 марта протоиереи Уклонский и Брицкий окончательно взяли реванш. Как сообщали сами победители:

...самочинный Епархиальный совет, из которого к тому времени вышел о. Кваснецкий, по требованию комиссариата Внутренних дел Туркестанской Республики сдал в присутствии Уполномоченного ВЦУ канцелярию, дела и кассу Туркестанскому Епархиальному Управлению, которое и приступило в исполнение своих обязанностей²⁶.

С этого момента Уклонский и Брицкий, утвердившись у власти, начинают работу по окончательному переводу епархии на обновленческие рельсы. К началу

апреля они уже получили полномочия от ВЦУ, а также уведомление о том, что архиепископ Иннокентий уволен на покой «по собственному прошению» указом ВЦУ от 14 февраля²⁷.

«Союз приходов», потеряв контроль над Епархиальным советом, продолжил свою деятельность в новом организационном формате. 27 апреля 1923 года протоиерей Михаил Андреев и о. Валентин Ясенецкий-Войно провели учредительное собрание «Союза приходов Туркестана». На собрании был принят официальный устав «Союза», а также были избраны председатель – протоиерей Андреев, и секретарь – мирянин Назаров. 29 апреля устав «Союза приходов» был представлен в административно-организационный отдел НКВД Туркеспублики для утверждения²⁸.

2–3 мая 1923 года состоялся первый обновленческий съезд духовенства и мирян Туркестанской епархии, окончательно закрепивший победу обновленцев в диоцезе. На собрании присутствовало 17 депутатов от Ташкентского, Самаркандского, Джамбульского, Чимкентского и Голодно-Степного благочиний. Делегаты от Семиречья отсутствовали. В качестве отдельного депутата проходил уполномоченный ВЦУ протоиерей Алексей Микулин²⁹.

Председателем съезда был избран протоиерей Сергей Уклонский. Во время работы съезда присутствовал не названный «представитель гражданской власти»³⁰.

Съезд признал ВЦУ в качестве «высшего объединяющего административного центра до установления Собором канонического Управления Церковью». Объявил вотум доверия Епархиальному совету (о. Уклонский, о. Брицкий и т.д.). И выбрал собственных делегатов на Поместный Собор 1923 года (I Обновленческий)³¹.

Обсуждался вопрос о замещении Ташкентской кафедры. Депутаты постановили просить протоиерея А. Микулина ходатайствовать перед ВЦУ о назначении на кафедру епископа Сергия (Лаврова)³², к тому времени выступившего в поддержку обновленческого движения.

Возможно также, что на этом же съезде был избран кандидатом в епископы для Семиречья вдовый ташкентский протоиерей Алексей Марков³³.

О том, в какой именно обстановке проходил первый обновленческий епархиальный съезд, впоследствии вспоминал протоиерей С. Уклонский:

Прошлогодний Съезд проходил при исключительных условиях: епископа у нас не было, отколовшиеся от нас группы верующих были настроены чрезвычайно враждебно. Участники прошлогоднего Съезда помнят, как кликуши все время держали Съезд в осаде, как выходявших со Съезда членов от духовенства разъяренные женщины ругали и оплевывали, пришлось даже обратиться к помощи милиции³⁴.

После съезда Ташкентское Епархиальное управление (ТЕУ) и Епархиальный совет, в которых ведущую роль играли все те же протоиереи С. Уклонский и Гр. Брицкий, продолжают добиваться подчинения церковных общин и благочиний епархий своей власти, а соответственно власти ВЦУ. Наглядную картину того, как политика ТЕУ осуществлялась на местах, дает письмо чимкентского протоиерея

Михаила Заозерского, сообщавшего об активном участии в расколе местного благочинного, протоиерея Александра Юновидова. По словам о. Заозерского, протоиерей Юновидов в конце мая 1923 года созвал в Чимкенте съезд благочиния, на котором «убедил духовенство и мирян, что главою Церкви надо признать В.Ц.У., что Патриарх арестован, стар и не может управлять Церковью»³⁵. 29 мая депутаты съезда подписали постановление о признании московского обновленческого центра³⁶.

Тем временем «Союз приходов» (Андреев, Ясенецкий-Войно и др.) активно создавал параллельную обновленческому ТЕУ региональную управленческую структуру. В начале мая лидеры «Союза» начинают переписываться с уфимским епископом Андреем (Ухтомским), незадолго до того приговоренным к трем годам ссылки в Среднюю Азию. Владыка Андрей был известен как принципиальный противник обновленчества и рассматривался ташкентскими староцерковниками как наиболее приемлемая кандидатура в качестве епархиального архиерея³⁷.

17 мая «Союз приходов» избрал еще не приехавшего в Ташкент епископа Андрея правящим архиереем Туркестанской епархии. Но 25 мая 1923 года НКВД Туркеспублики отказался регистрировать устав «Союза приходов». На основании постановлений высших партийных и государственных органов ТАССР «Союз» был объявлен распущенным в принудительном порядке. В распоряжении НКВД говорилось:

В связи с обстоятельствами учреждения предполагаемого Союза приходов, последний не согласуется с духом 5-й ст[атьи] Конституции Туркеспублики, а потому и на основании п[ункта] 6-го постановления ТУРЦИКА и СНК Т[уркестанской] Р[еспублики] за № 49 от 24/III-1923 года, НКВД находит необходимым в регистрации устава «Союза приходов в Туркестанской епархии» – ОТКАЗАТЬ и таковой Союз, с момента получения сего, полагать как юридически, так и фактически несуществующим³⁸.

Протоиерей Михаил Андреев пытался опротестовать это распоряжение, но безрезультатно³⁹.

24 мая, за день до принудительного роспуска «Союза приходов», в Ташкент прибыл владыка Андрей (Ухтомский). Совершившиеся события, скорее всего, подтолкнули его к подготовке архиерейской хиротонии одного из местных кандидатов. В конце мая епископ Андрей постриг о. Валентина (Ясенецкого-Войно) в монахи с именем Лука, а затем организовал его тайную архиерейскую хиротонию в ночь с 30 на 31 мая в Пянджикенте (ныне – Республика Таджикистан).

Новорукоположенный владыка Лука носил титул епископа Барнаульского и считался викарием Томской епархии⁴⁰. Но для большинства православных христиан Ташкента именно он являлся канонически легитимным епископом.

В мае 1923 года сторонники ВЦУ также попытались провести на Туркестанскую кафедру своего кандидата. Первоначально таким кандидатом, как сказано выше, был еп. Сергей (Лавров). Но поездка на I Обновленческий собор протоиерея Алексея Микулина была в этом плане неудачной. До Москвы он добрался уже по-

сле закрытия работы Собора и по прибытии в столицу был поставлен перед фактом, что ВЦУ санкционировало рукоположение на Туркестанскую кафедру женатого протоиерея Николая Коблова⁴¹.

Епископ Николай Коблов был выходцем из сибирской группы «Живая церковь». В марте 1923 года он занимал пост уполномоченного ВЦУ в Петрограде, где отличился полной беспринципностью в деле подчинения местных приходов⁴². По отзывам одного из первых историков обновленчества А.И. Кузнецова, он обладал бьющей в глаза меркантильностью и привычками, мало совместимыми с образом христианского пастыря⁴³.

Телеграмма протоиерея Микулина о назначении епископа Коблова повергла членов ТЕУ в уныние⁴⁴. Тем не менее, 6 июня 1923 года они отправили по приходам епархии циркуляр о поминовении за богослужением нового туркестанского епархиального архиерея⁴⁵.

В начале июля обновленческий епископ Николай прибыл в Ташкент. К этому времени староцерковная партия в столице Туркестана была практически обезглавлена. Ее основные лидеры протоиерей Михаил Андреев, епископы Лука и Андрей уже были арестованы, а затем отправлены на доследование в Москву⁴⁶.

Деятельность Коблова в Туркестане была в основном направлена на подчинение церковных общин ВЦУ. Хотя в программном интервью корреспонденту «Туркестанской правды» епископ обрисовал более широкие планы: умиротворение епархии, призыв к духовенству «усердно заниматься производительным трудом», организация митрополичьего округа, обновление церковной жизни и т.д.⁴⁷.

Епископу Николаю достаточно быстро удалось подчинить наиболее крупные ташкентские храмы. С 15 по 22 августа 1923 года в ведение ТЕУ перешли Спасо-Преображенский Кафедральный собор, Иосифо-Георгиевский собор, Благовещенская привокзальная церковь, Сергиевская церковь⁴⁸. Переподчинение храмов происходило при деятельной поддержке местной власти и носило насильственный характер. Историк Е.А. Мазуренко следующим образом описывает подчинение обновленцами ташкентского кафедрального собора:

Вот какие события происходили 14 августа 1923 г. в Ташкенте, в кафедральном Спасо-Преображенском соборе: «Во ВЦИК была направлена жалоба следующего содержания: “14 августа прошлого 1923 года около 3 ч. утра в кафедральный Спасо-Преображенский собор явились два вооруженных человека, назвавшись милиционерами, и без предъявления каких-либо документов потребовали передачи им ключей от собора. Такое же требование было предъявлено старосте собора, вызванному в 6 ч. утра в Отдел управления Ново-Городского исполкома⁴⁹ ...Благодаря вышеизложенным действиям Отдела Ново-Городского исполкома и милиции 101-го района не могла быть совершена своевременно литургия, которая должна быть совершена в 8 ч. утра. О всем вышеизложенном было в тот же день доложено прокурору Туркеспублики, который в свою очередь энергично протестовал перед Советом Народных Комиссаров против столь незаконных действий совета управления”». Однако протест не был принят во внимание, в тот же день «в собор пришли два представителя Отдела управления Ново-Городского исполкома и предъявили мандат на проверку казенного имущества церкви». В конечном счете, под охраной вооруженной милиции в собор были введены представители «Живой церкви», которым и было передано все имущество собора⁵⁰.

Не оставляя своим «вниманием» епископ Николай и староцерковное духовенство. Как видно из послужных списков за 1920-е годы, ряд священнослужителей в Ташкенте, Ташкентском и Аулиеатинском уездах были смещены с настоятельских мест. Для некоторых из них сопротивление «обновлению епархиальной жизни» закончилось арестом и административной ссылкой. Приведем некоторые примеры:

Протоиерей Венедикт Багрянский – с 1922 года настоятель Иосифо-Георгиевского собора. 22 июля 1923 года епископом Николаем Кобловым «за непризнание деяний Собора 1923 года и за неподчинение ему уволен от должности... с запрещением священнослужения в Туркестанской епархии. С конца 1923 года по 20 февраля 1926 года находился в адм[инистративной] ссылке в Закаспийской обл[асти]»⁵¹.

Протоиерей Димитрий Морозов – 10 января 1924 года был насильно смещен с места настоятеля Иоанно-Предтеченской церкви с. Бурно-Ивановское Аулиеатинского уезда, «за непризнание Обновленческих: первого поместного собора и Синода, за неподчинение епископу Николаю Коблову и Т.Е.У. и предписаниям Коблова и уполномоченного обновленческого Синода по Туркестанской епархии С. Ювеналиева»⁵².

Примерно в октябре 1923 года под давлением обновленцев приход в селе Богородицкое (Чиназ) в Ташкентском уезде пришлось покинуть *священнику Григорию Петровичу*⁵³.

В борьбе с «тихоновщиной» Коблов не брезговал и доносами в ГПУ. 22 июля 1923 года, то есть за месяц до подчинения ташкентских храмов, он отправил в эту организацию примечательный документ, в котором заявил о политической неблагонадежности 19-ти священнослужителей-староцерковников⁵⁴.

В Ташкенте епископ Николай еще раз подтвердил свою репутацию беспринципного, но очень эффективного функционера.

Однако вскоре его финансовая и административная деятельность вызвала недовольство ключевых сотрудников обновленческого ТЕУ. Коблов был нечист на руку и собирал с приходов поборы продуктами в свою пользу⁵⁵. Кроме того, он, по всей видимости, стремился отстранить от власти творцов туркестанского обновленческого «переворота» – протоиереев Уклонского, Брицкого и Микулина, – и заменить их своими людьми.

Сначала епископ Николай удалил из ТЕУ казначея – протоиерея Стефана Левитского и взял финансы епархии в свои руки. Затем обновленческий архиерей сумел добиться увольнения протоиерея Алексея Микулина с поста ферганского благочинного и отстранения его от должности уполномоченного ВЦУ⁵⁶. На должность нового уполномоченного теперь уже обновленческого Синода был назначен близкий к епископу Николаю священник Симеон Ювеналиев. А в январе 1924 года Коблов спровоцировал скандал, во время которого в полной мере разыграл политическую карту.

27 января 1924 года состоялось торжественное погребение В.И. Ленина в первом деревянном мавзолее на Красной площади в Москве. Этот день был отмечен траурными митингами по всем союзным и автономным республикам. Проходили траурные мероприятия и в столице Туркестанской АССР. Епископ Николай Коблов

также решил выступить с верноподданнической акцией. Во время проповеди в кафедральном соборе он публично выразил скорбь о почившем вожде, а затем пропел ему вечную память⁵⁷. Поступок для священнослужителя в 1920-е годы, даже для обновленца, был весьма нетривиальным – особенно если учесть сугубый атеизм самого Ленина и антирелигиозную политику созданного им государства.

Получив информацию от С. Ювеналиева о том, что его примеру не последовал практически никто из членов ТЕУ, епископ Николай поспешил уволить протоиереев Брицкого и Уклонского и священника Н. Сивицкого, под предлогом отсутствия у них достаточной глубины скорби по умершему Владимиру Ильичу.

Уволенные члены ТЕУ отправили в Москву протоиерея Гр. Брицкого, который довольно быстро добился смещения Коблова с кафедры. Брицкий был назначен новым (третьим по счету) уполномоченным Синода по Туркестанской епархии, а епископ Николай был переведен в распоряжение Сибирского Церковного Управления⁵⁸.

Епископ Николай Коблов покинул Ташкент в конце февраля 1924 года. С его отъездом завершился первоначальный период истории туркестанского обновленчества, растянувшегося еще на два десятилетия...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. – Крутицкое Патриаршее подворье. – М.: Institut Glaube in der 2 Welt, Kusnacht. 1996. С. 65–72; *Митрофанов Г, прот.* История Русской Православной Церкви. 1900–1927. – СПб.: Статис, 2002. С. 250–259.

² См.: Временное самоустранение св[ятейшего] патриарха Тихона от управления // Живая Церковь. № 2, 23 мая 1922 г.

³ Оценку личности и деятельности еп. Антонина (Грановского) см: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. – М.: Московский рабочий, 1994. С. 99–101; *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Указ. соч. С. 531–599, 615–617.

⁴ Верный – ныне Алма-Ата. Еп. Леонид (Скобеев) был назначен на Верненскую кафедру в 1921 г. (по другим данным – в 1920 г.), но в Семиречье не выехал из-за трудностей сообщения Центральной России и Средней Азии во время гражданской войны. См. о нем: *Мануил (Лемешевский), митр.* Каталог русских архиереев-обновленцев. Материалы для «Словаря русских архиереев-обновленцев» (1922–1944). // «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). – М.: Об-во любителей церковной истории; Изд-во Крутицкого подворья, 2002. С. 810; *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Указ. соч. С. 74.

⁵ См.: В Высшем Церковном Управлении // Живая Церковь. № 3. 15 июня 1922 г. С. 10.

⁶ *Митрофанов Г, прот.* Указ. соч. С. 263.

⁷ Цит. по: *Жукова Л.И.* «Чтобы взлететь, птица должна быть гордой». Ташкентский период в тернистом

пути архиепископа Луки – профессора хирургии В.Ф. Войно-Ясенецкого (март 1917 – март 1940). – Ташкент: Изд-во журнала «SAN'AT», 2014. С. 207.

⁸ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. Р-2010. Оп. 1. Д. 4. Л. 52 об.

⁹ ЦГА РУз. Ф. Р-2010. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.

¹⁰ ЦГА РУз. Ф. Р-2010. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.

¹¹ ЦГА РУз. Ф. Р-2010. Оп. 1. Д. 4. Л. 54–54 об.

¹² ЦГА РУз. Ф. Р-2010. Оп. 1. Д. 4. Л. 53 об.

¹³ См.: *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* «Я полюбил страдание...». Автобиография. – М.: Русский хронограф, 1995. С. 34.

¹⁴ Именно в таком порядке писал свою фамилию в 1920-х годах архиеп. Лука (Войно-Ясенецкий). *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Там же.

¹⁵ См.: *Лисичкин В.А.* Крестный путь святителя Луки. Подлинные документы из архивов КГБ. Б.м.: «Троицкое слово». «Феникс». – Изд-во Московской Патриархии. 2001. С. 29–31.

¹⁶ См.: Государственный архив Ферганской области (ГАФО). Ф. 791. Оп. 1. Д. 4. Л. 31, 45 об.

¹⁷ ГАФО. Ф. 791. Оп. 1. Д. 4. Л. 41, 45 об.

¹⁸ ГАФО. Ф. 791. Д. 4. Л. 33. «Второй Поместный Собор Российской Православной Церкви» (I Обновленческий) – был проведен ВЦУ 29 апреля – 12 мая 1923 г. в Храме Христа Спасителя. Обновленцами он считался «правопреемником» Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. На деле же I Обновленческий собор представлял собой съезд разных реформационно-либеральных групп, с представи-

тельством от беспартийных обновленцев и умеренных староцерковников, признавших по разным причинам власть ВЦУ. Легитимность I Обновленческого собора не была признана большинством представителей староцерковного направления в Православной Российской Церкви.

¹⁹ См.: Лисичкин В.А. Указ. соч. С. 47-48.

²⁰ См.: Лисичкин В.А. Лука, врач возлюбленный. Жизнеописание святителя и хирурга Луки (Войно-Ясенецкого). – М.: Издательский совет РПЦ, 2009. С. 107.

²¹ ГАФО. Ф. 791. Оп. 1. Д. 4. Л. 45- 45 об.

²² См.: Лисичкин В.А. Крестный путь святителя Луки... С. 51–57.

²³ См.: Жукова Л.И. Указ. соч. С. 198.

²⁴ Ломакин [И.М.] Отречение еп[ископа] Иннокентия. // Жукова Л.И. Указ. соч. С. 372–373.

²⁵ См.: Лисичкин В.А. Крестный путь святителя Луки... С. 48–49.

²⁶ ГАФО. Ф. 791. Оп. 1. Д. 4. Л. 41.

²⁷ ГАФО. Ф. 791. Оп. 1. Д. 4. Л. 40.

²⁸ См.: Лисичкин В.А. Крестный путь святителя Луки... С. 57–58.

²⁹ Там же. С. 59.

³⁰ Там же. С. 60.

³¹ Там же. С. 61–63.

³² Там же. С. 62. (О епископе Сергии Лаврове см.: Ходаковская О. «Как мелко, глупо то, чего я домогался...» Взлеты и падения епископа Сергия (Лаврова) // ВС. 2016. № 1–2 (XL). С. 13–24).

³³ Архив Санкт-Петербургской епархии (АСПБЕ). Ф. 2. Д. 94. Л. 77.

³⁴ АСПБЕ. Ф. 2. Д. 94. Л. 77.

³⁵ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 41. Л. 21.

³⁶ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 41. Л. 46.

³⁷ См.: Лисичкин В.А. Крестный путь святителя Луки... С. 63, 68–69.

³⁸ ГАФО. Ф. 791. Оп. 1. Д. 4. Л. 46.

³⁹ См.: Лисичкин В.А. Крестный путь святителя Луки... С. 71.

⁴⁰ Управляющим староцерковной Томской епархией был в эти годы еп. Андрей (Ухтомский).

⁴¹ АСПБЕ. Ф. 2. Д. 94. Л. 77.

⁴² См.: Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол... С. 305.

⁴³ Там же.

⁴⁴ АСПБЕ. Ф. 2. Д. 94. Л. 77.

⁴⁵ ГАФО. Ф. 791. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.

⁴⁶ См.: Лисичкин В.А. Крестный путь святителя Луки... С. 112–115.

⁴⁷ См.: Горин [И.М.] Белый епископ // Туркестанская правда. № 155. 1 августа 1923 г.

⁴⁸ АСПБЕ. Ф. 2. Д. 94. Л. 78. Мазуренко Е.А. Эволюция русского православия в условиях Средней Азии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. [На правах рукописи]. Ташкент, 1990. С. 99.

⁴⁹ Имеется в виду исполком новой (или «Ново-Городской») части Ташкента – Р.Д.

⁵⁰ Мазуренко Е.А. Указ. соч. С. 98–99.

⁵¹ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 об.–11 об.

⁵² ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 14. Л. 7 об.

⁵³ ЦГА РУз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

⁵⁴ АСПБЕ. Ф. 2. Д. 94. Л. 67–68.

⁵⁵ АСПБЕ. Ф. 2. Д. 94. Л. 78.

⁵⁶ АСПБЕ. Ф. 2. Д. 94. Л. 78–79.

⁵⁷ АСПБЕ. Ф. 2. Д. 94. Л. 59; Мазуренко Е.А. Указ. соч. С. 89, 91–92.

⁵⁸ АСПБЕ. Ф. 2. Д. 94. Л. 79; ГАФО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

«Последний бой» протоиерея Брицкого

Протоиерей Григорий Яковлевич Брицкий (1870–1951) относится к тем историческим фигурам, которые в наше время принято называть «знаковыми». Без учета его биографии невозможно представить историю Туркестанской, а затем – Среднеазиатской епархии в период с 1923-го и вплоть до 1951 года

Протоиерей Брицкий был во многих отношениях личностью незаурядной. Деятельный священник, талантливый администратор, обладавший способностью ладить с любой светской властью, а также политическим чутьем, благодаря которому умел находить выход из самых тупиковых ситуаций. При всем этом, о. Григорий не отличался особой принципиальностью, что позволяло ему не терять официального статуса и некоторых привилегий даже во время самых тяжелых репрессий 1930-х годов.

Начав свое служение в качестве «противораскольничьего» миссионера (1892–1896)¹ и законоучителя (1896–1918), он продолжил его как настоятель нескольких ташкентских приходов²; военный священник (1916)³; активный участник среднеазиатского обновленческого движения (1923–1944) и уполномоченный обновленческого Священного Синода (с 1924 года); временно управляющий Среднеазиатской епархией и протопресвитер (1939–1943, 1944)⁴. Завершил же – в 1951 году – протоиереем Патриаршей Церкви и был торжественно погребен рядом с Александро-Невским храмом Ташкента, настоятелем которого был назначен еще в 1933 году одним из обновленческих архиереев.

Биография протоиерея Григория Брицкого и его роль в истории Среднеазиатской епархии, несомненно, заслуживают подробного исследования. В данной публикации рассмотрен только один период его жизни, тесно связанный с пребыванием на ташкентской кафедре епископа Кирилла (Поспелова; 1876–1953), с которым Брицкий вступил в длительный конфликт.

Епископ Кирилл пробыл правящим архиереем Среднеазиатской епархии почти два года – с 3 сентября 1944-го (фактически) и по 3 августа 1946 года. Время его архиерейства до сих пор остается наиболее «темным» в истории Среднеази-

атской епархии. Здесь все еще слишком много обширных лакун, не позволяющих пока составить полное впечатление о личности епископа и о его деятельности на Ташкентской кафедре.

В данный момент можно с уверенностью говорить только о двух несомненных фактах.

Во-первых, епископ Кирилл стал первым канонически-легитимным православным среднеазиатским епископом, признанным в этом качестве советской властью. Последним был экстренно покинувший Ташкент в самом начале 1923 года архиепископ Иннокентий (Пустынский; 1869–1937). После бегства архиепископа Иннокентия и вплоть до 1938 года местные власти признавали в качестве официальных епархиальных архиереев преимущественно обновленческих епископов и митрополитов.

Во-вторых, за епископом Кириллом следует признать деятельную роль в восстановлении Среднеазиатской кафедры и обустройстве диоцезиальной структуры в регионе, т.к. к моменту его приезда в Ташкент мало что осталось даже от обновленческого Епархиального управления (не говоря уже о полной утрате управленческих структур тихоновской епископии).

Однако конкретный вклад епископа Кирилла в историю епархии все еще требует дополнительного и детального пояснения.

К сожалению, источников, относящихся ко времени правления владыки Кирилла, чрезвычайно мало и большая часть официальных документов (переписка с уполномоченными Совета по делам Русской Православной Церкви и епархиальная документация) по неясным причинам не сохранилась. Как отметил Е.В. Абдуллаев в своем исследовании по истории Ташкентского Кафедрального собора:

...в Фонде уполномоченного⁵ и в епархиальном архиве документы за период пребывания владыки Кирилла в Ташкенте отсутствуют⁶.

Во время работы над своим исследованием Е.В. Абдуллаеву удалось обнаружить только *два официальных документа*: акт о передаче епархии здания бывшей Госпитальной церкви (будущего Успенского собора) и ответ на запрос из Ивановской епархии, отправленный по месту требования уже после отъезда епископа Кирилла⁷. Пишет он и о хорошо известном по интернет-сообщениям рапорте епископа Кирилла относительно возвращения Церкви мощей свят. Митрофана Воронежского, оказавшихся в эвакуации в Краеведческом музее Ферганы⁸.

Увы, таким же неутешительным положение остается и по сей день. За пять лет (а отчасти и ранее) было обнаружено не более пятнадцати официальных документов, связанных с деятельностью владыки Кирилла (главную роль здесь сыграли поиски в Центральном Государственном архиве Кыргызской Республики и в архивных собраниях Узбекистана). Но в целом количество имеющейся документации крайне невелико.

Нехватка официальной документации заставляет исследователей искать другие источники, такие, как, например, воспоминания современников или частная переписка.

Первый из таких источников (частные мемуары) уже с успехом использовал Е.В. Абдуллаев. В своем исследовании он приводит воспоминания о епископе Кирилле, принадлежащие церковному историку и правозащитнику А.Э. Левитину-Краснову (1915–1991), московскому, а затем ташкентскому священнику Петру Константинову, а также палеоботанику Н.П. Гомолицкому – единственному из нынешних прихожан Свято-Успенского собора, в детстве лично видевшему владыку Кирилла⁹.

На всех троих владыка Кирилл произвел достаточно благоприятное впечатление¹⁰, и в целом мемуарные фрагменты воссоздают положительную картину.

Второй из вышеуказанных источников (личная переписка) также не особенно богат: дошедшие до нас письма представляют собой чудом сохранившиеся остатки куда более обширной корреспонденции, большая часть которой бесследно пропала. Практически на данный момент почти вся известная переписка времени епископа Кирилла составляет небольшую группу из десяти писем, обнаруженных в 2007 году нами в Архиве Ташкентского Епархиального управления (АТЕУ)*. Большинство из них написаны протоиереем Григорием Брицким и в основном адресованы архимандриту Гурию (Егорову), наместнику Свято-Троице-Сергиевой лавры, а с 25 августа 1946 года – епископу Ташкентскому и Среднеазиатскому.

Эти письма содержат в себе не только историю личных взаимоотношений о. Григория и владыки Кирилла, но и важные сведения о внутренней жизни Ташкентского Епархиального управления середины 1940-х годов**.

Письма охватывают период с февраля 1945-го по август 1946 года и содержат упоминания о событиях или о людях, память о которых не сохранилась или дошла до нас только частично. Поэтому «расшифровка» некоторых намеков и пассажей в письмах потребовала поисков по всей доступной документации и литературе (и не все разыскания увенчались успехом). Дополнительную трудность представляет и крайне неразборчивый почерк протоиерея Брицкого.

Однако наибольшую трудность составила работа по адекватной интерпретации писем. Протоиерей Брицкий был очень пристрастен как в оценке личности епископа Кирилла, так и в категорическом неприятии его манеры управления епархией. Поэтому при работе с письмами важно отделить субъективное мнение о. Григория от объективной реальности.

Для этого требуется, прежде всего, проанализировать личное отношение протоиерея Брицкого к епископу Кириллу. Во-вторых, необходимо реконструировать историю их противостояния. В-третьих, нужно, хотя бы примерно, установить, насколько объективен был автор писем, оценивая административные методы своего епархиального архиерея. И наконец, важно прояснить вопрос, какой именно характер носили взаимоотношения о. Григория с его основным адресатом – архимандритом, а затем епископом Гурием (Егоровым).

* Письма Брицкого будут опубликованы в виде приложения к статье Р. Дорофеева в следующем номере журнала. (Прим. – В.С.)

** Ссылки на письма Брицкого даются в трех форматах: (а) непосредственно в тексте в квадратных скобках, где сначала приводится номер письма, а затем номер листа каждого документа в отдельности, например: [п. 7, л. 1]; (б) в постраничных примечаниях, в которых ссылка выглядит более развернутой, к примеру – ПГБ, 7, лл. 1-10б; (с) в виде ссылок на пагинацию архивного дела: АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 41.

Протоиерей Григорий Брицкий: вопрос пристрастности

Ответить на первый вопрос – пристрастен ли Брицкий в своих характеристиках или нет, – как кажется, довольно просто. Подобно всякому конфликтующему человеку, о. Григорий был менее всего склонен рассматривать епископа Кирилла (своего противника) с положительной стороны. Для Брицкого владыка Кирилл – тщеславный лицемерный ханжа, одержимый постоянной жаждой восхваления собственных добродетелей [п. 7, л. 1]. По его мнению, епископ находится в «явной [духовной] прелести» [пп. 4, л. 1; 7, л. 2], «удобопреклонен к лести и приношениям... и, в особенности, к славе...» [п. 4, л. 1об]. О. Григорий пишет: «...Здесь бы следовало проделать не малый психологический анализ, несомненно отрицательные качества его в потенции были у него и до лагерей, в которых они достигли высокой остроты...» [п. 7, л. 1об].

Подтверждается ли эта характеристика сторонними свидетельствами?

К примеру, личные воспоминания другого современника епископа Кирилла, – уже упоминавшегося выше А.Э. Левитина-Краснова, – дают совершенно иную картину:

К чести епископа надо сказать, что неожиданный поворот в его судьбе¹¹ не вскружил ему голову. Все пережитое усилило в нем мистические настроения. Владыка иной раз постился целыми неделями, бывали дни, когда он совершенно отказывался от вкушения пищи. Он любил долго и много молиться. Устраивал ночные моления. По целым ночам молился в храме, переполненном народом.

Интересны были его беседы с верующими. Он часто делился своим жизненным опытом, рассказывал о перипетиях своей обильной приключениями жизни. Было в нем нечто от отца Савелия Туберозова из лесковских «Соборян». Отсутствие позы, искренняя религиозность, доброта. <...>

Владыка дожил до глубокой старости: он умер через десять лет – в 1954¹² году, в сане архиепископа Пензенского.

Узнав о его смерти, будучи в лагере, вздохнул я и перекрестился.

Хороший был человек. Царство ему Небесное¹³.

Характеристика, близкая к сообщению Левитина-Краснова, приводится и в официальном некрологе:

И в иерейском сане и в сане епископа Владыка Кирилл отличился ревностным исполнением своих обязанностей. Во всех местах, где побывал покойный, он оставил о себе воспоминания как о добром пастыре. Не довольствуясь выполнением рядовых богослужений, Преосвященный Кирилл устраивал нарочитые службы с чтением акафистов и проводил с верующими содержательные беседы, раскрывая в них истины веры в приложении к жизни христианина в современных условиях¹⁴.

И хотя подобного рода надгробные слова обычно пишутся по принципу «о мертвых либо хорошо...», но намеренный акцент на богослужебной и проповеднической активности почившего более или менее отражал объективную реальность.

Да и по свидетельству самого протоиерея Брицкого, владыка в 1945 и в 1946

годах на четвертой седмице Великого поста не только лично для себя ужесточил порядок и без того строгого говения, но и предложил сугубо поститься всем желающим прихожанам.

Уже объявили о том, что опять будут говеть на 4^й неделе в таком же порядке, как в прошлом году, то есть, питание одной просфорой и святой водичкой, ночлег в храме накануне причастия и проч. И просил объявить всем, всем об этом <...> и его желание, чтобы побольше народу участвовало в его молитвенном подвиге [п. 7, л. 1об].

Подобное строгое говение с коллективным причащением на четвертой седмице, в принципе, не запрещено Церковным уставом, но оно все же выглядит более нормативным для первой седмицы Великого поста. В первые три дня этой седмицы некоторые постящиеся, по желанию, могут почти ничего не есть или полностью отказаться от пищи, с тем, чтобы причаститься за Преждеосвященной литургией в среду. Распространение такой практики еще и на четвертую седмицу, как и публичное приглашение к участию в ней, выглядит все-таки довольно необычным¹⁵.

Особое благочестие епископа Кирилла отмечалось и уполномоченным по делам Русской Православной Церкви при СНК Киргизской ССР А.М. Соловьевым. В одном из его квартальных отчетов за 1946 год присутствует следующий пассаж:

По словам священников, имевших возможность наблюдать внутреннюю жизнь епархиального управления, – епископ Кирилл сильно занят «спасением своей души», делами же епархии ведает совет в лице Брицкого и Медведева¹⁶.

Таким образом, владыку Кирилла можно охарактеризовать как пиетиста, человека, в жизни которого личное благочестие играет ведущую роль. Протоиерей Григорий в этом плане имел совершенно иную «конструкцию души». В отличие от владыки Кирилла, он был весьма далек и от мистических настроений, и от аскетизма. Прагматичный, даже, можно сказать, излишне рациональный, он, на наш взгляд, представлял собой тип образованного городского протоиерея, для которого служение в Церкви было родом «сословной карьеры». В его письмах архимандриту Гурию трудно найти проявление ярких религиозных чувств. Даже красиво написанное пасхальное поздравление составлено несколько формально [см. п. 8]. Богословски-грамотное, стилистически вполне выверенное, это поздравление, тем не менее, не оставляет впечатления того, что автор пишет с полной религиозной искренностью.

Как многие городские протоиереи царского времени, о. Григорий курил¹⁷, что не особенно одобрялось, но было распространенным явлением среди образованного белого духовенства.

В годы обновленчества он (скорее всего вскоре после смерти первой супруги, Леонтины Федоровны) женился второй раз на Екатерине Васильевне Бахваловой. Подобное второбрачие, позволительное в «Живой церкви», идеологи которой были вообще склонны к экспериментам либерального свойства, однако, вызывало строгое осуждение со стороны духовенства и мирян староцерковной, тихоновской, ориентации¹⁸. В марте 1943 года, во время переговоров о переходе

в Патриаршую Церковь, второй брак протоиерея Брицкого стал одним из камней преткновения¹⁹, а впоследствии (как мы увидим ниже) не раз создавал проблемы и самому о. протоиерею, и епархиальному начальству. Однако от второй жены он так и не отказался, до самой смерти продолжая жить с Екатериной Васильевной в одном доме (правда, теперь уже выдавая ее за экономку)²⁰.

Тем не менее, протоиерей Брицкий был прекрасным проповедником²¹ и хорошо знал Священное Писание. По сообщению Н.П. Гомолицкого, в 40-е годы протоиерей за литургией проповедовал только на чтение Апостола²², что до сих пор не вполне обычно для большинства приходских гомилетов. В течение богослужбного года подавляющая часть апостольского лекционария выпадает на Послания ап. Павла, и выбор Брицкого говорит о хорошем знании корпуса Павловых писаний. Часто (около восьми раз) ссылается о. Григорий на Писание и в публикуемых письмах.

...Они вообще были очень разными личностями – отец Григорий и владыка Кирилл. Хотя их биографии были во многом сходны. Разница в возрасте между ними составляла всего шесть лет (епископ Кирилл родился в 1876 году), их объединяли происхождение из духовного сословия. Леонид Николаевич Поспелов, подобно о. Григорию Брицкому, родился в семье сельского псаломщика, получил полное семинарское образование, был гимназическим законоучителем (в Баку, а затем – в Саратове)²³, а в 1922–1923 годах на короткое время примкнул к обновленцам и даже входил в обновленческое Саратовское Епархиальное управление²⁴. Оба были достаточно активными священнослужителями. В 1916 году протоиерей Брицкий находился на Могилевском фронте, где обустроил церковь при Десятом полевом госпитале²⁵, а протоиерей Поспелов в 1921-м, «когда население Поволжья страдало от голода... много потрудился для облегчения этого бедствия в качестве члена Саратовского комитета помощи голодающим»²⁶.

Но на деле себя проявило значительное расхождение и в характерах, и в основных жизненных ориентирах. При фактической недоступности для автора данной статьи саратовских архивов трудно сказать, какова была роль протоиерея Леонида Поспелова в местном обновленчестве в 1922–1923 годах, но в 1934 году он был арестован и оказался в казахстанских лагерях, где с небольшим перерывом пробыл до июня 1943 года²⁷. Примерно в этот же период (1923–1943 годы) Григорий Брицкий не только вошел в число наиболее активных обновленцев, но и занял прочное положение при советской власти, обзаведясь официальными и неформальными связями в государственных структурах. Весну 43-го года он встретил в чине протопресвитера, разделяя власть над остатками обновленческой Среднеазиатской епархии с последним «живоцерковным» епископом Сергием (Лариным)²⁸.

В сентябре 1944 года судьбы епископа Кирилла и протоиерея Григория впервые пересеклись, и было бы странным, если бы два таких разных человека смогли в полном согласии тащить громоздкий воз епархиального хозяйства. Очень скоро вопросы, связанные с тем, кто реально управляет диоцезом и кто кого в действительности контролирует, разрушили этот совершенно искусственный альянс.

С чего начался конфликт?

Главным источником, по которому можно прояснить конфликт между епископом Кириллом и о. Григорием, до сих пор остаются публикуемые нами письма последнего. О несомненной тенденциозности этого эпистолярного собрания уже говорилось. К счастью, имеются еще два дополнительных источника, отчасти проливающие свет на это противостояние.

Первый из них – это воспоминания протоиерея Владимира Тимакова (Москва), в молодости бывшего келейником и иподиаконом у епископа Поспелова²⁹. Второй – уже упомянутый ответ на запрос из Ивановской епархии³⁰. Оба указанных источника также не отличаются беспристрастием, и к их сообщениям следует относиться с определенной мерой осторожности. Так, протоиерей В. Тимаков, что естественно, полностью стоит на стороне епископа Кирилла, и Брицкий в его изображении выглядит настоящим злодеем. Напротив, ответ на запрос составлен либо под непосредственную диктовку о. Григория, либо людьми, весьма ему сочувствовавшими. Однако дополнительная информация позволит нам рассмотреть реконструируемый конфликт с разных сторон.

Дополнительную информацию дают также и некоторые документы из личного дела о. Григория: синодальные постановления, рапорты епископа Гурия (Егорова) и самого Брицкого.

Итак, согласно всем доступным источникам, противостояние между епископом Кириллом и протоиереем Григорием развивалось примерно в следующем порядке.

После перехода в Патриаршую Церковь в марте 1944 года Брицкий, несмотря на потерю чина протопресвитера и положения одного из лидеров регионального обновленчества, продолжал оставаться ключевой фигурой для православной церковной среды если не всего региона, то, по крайней мере, в масштабе Узбекской ССР. Он имел крепкие связи во властных структурах республики, был хорошо знаком с первым уполномоченным СД РПЦ при Совете Народных комиссаров/Совете министров Узбекистана А.И. Степановым; согласно некоторым данным, у него были свои контакты и в органах политического надзора³¹.

Обширные связи и прекрасное знание местных реалий делали протоиерея Григория незаменимым в деле восстановления разрушенных структур управления Среднеазиатской епархии. Практически любой назначенный на кафедру епископ должен был, хотя бы на первых порах, считаться с мнением Брицкого.

Скорее всего, сам о. Григорий прекрасно осознавал собственную значимость и при новой церковной власти собирался играть всю ту же роль, что и в не так давно ушедшие времена обновленческого раскола. Несмотря на преклонный возраст (74 года) и прогрессирующие болезни, он не потерял ни остроты ума, ни воли к власти. Поэтому трудно было предположить, что после назначения постоянного архиерея Брицкий занялся бы исключительно настоятельским служением или же вообще ушел на покой.

Со своей стороны епископ Кирилл, человек (как мы увидим далее) мало склонный полностью подчиняться чьему-либо давлению, скорее всего, не был расположен учитывать пожелания бывшего протопресвитера, запятнавшего себя деятельным участием в обновленческом движении.

Возможно и то, что владыка был предубежден против протоиерея Брицкого заранее, еще до своего приезда в Ташкент. Вот что по этому поводу сообщает протоиерей В. Тимаков:

Вскоре после назначения епископа Кирилла на Ташкентскую кафедру, архиепископ Лука, тогда занимавший Тамбовскую кафедру, встретился с владыкой и, характеризуя ситуацию в Ташкентской епархии, сказал: «Брицкий – аспид и василиск. На его совести жизнь иерархов и сонм страстотерпцев, его необходимо убрать, только тогда можно сделать епархию православной». Характеристика была верной, меткой и исчерпывающей...³²

Встреча епископа Кирилла и архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) – если таковая имела место – могла произойти в Москве примерно в августе 1944 года, еще до отъезда епископа в Среднюю Азию. Совет сместить протоиерея Григория также вполне мог исходить от владыки Луки: между ним и Брицким была давняя вражда, начавшаяся в январе-феврале 1923 года, после прихода обновленческого раскола в Туркестанскую епархию*. Архиепископ Лука мог (наверное, не без оснований) приписать о. Григорию активное участие в подготовке его первого ареста. Возможно, что архиепископ подозревал Брицкого еще и в причастности к репрессиям против прочего староцерковного туркестанского духовенства. Проверить, насколько были обоснованы такие подозрения, без доступа в закрытые ведомственные архивы, увы, невозможно.

Впрочем, советуя епископу Кириллу устранить Брицкого, Войно-Ясенецкий мог руководствоваться не только субъективными чувствами. Святитель Лука продолжал стоять на крайних антиобновленческих позициях и был встревожен все возрастающим числом бывших «живоцерковников» среди духовенства Патриаршей Церкви³³.

Возможно, рекомендация архиепископа Луки и сыграла какую-то роль в будущем конфликте, но повторимся: епископ Кирилл обладал достаточно независимым характером и мог без постороннего влияния прийти к мысли о необходимости отстранения протоиерея Брицкого от участия в епархиальных делах.

Впрочем, их первая встреча, по всей видимости, прошла в довольно мирной обстановке. 3 сентября 1944 года Брицкий встретил епископа и его келейника на железнодорожном вокзале и разместил на заранее снятой квартире. Хотя, по воспоминаниям протоиерея Тимакова, очень скоро владыка стал тяготиться этой заботой:

На вокзале в Ташкенте нас встретил протоиерей Брицкий, древний старик, лет эдак 80 или 85, настоятель собора с хриплым голосом, ярый обновленец <...> Встретив, он поместил нас с собой под одной крышей, правда, не в своей квартире, а рядом, через стену, в квартире кузнеца, и, разумеется, для того, чтобы все можно было видеть и слышать.

Обстановку владыка оценил с первого взгляда и всеми силами старался вырваться из-под столь «заботливой» опеки. Не сразу, конечно, но нам удалось снять другую квартиру, недалеко от храма (Новобазарная, 42), и весьма приличную – из двух комнат. В ней не стыдно было принимать посетителей. Но главное – владыка вырвался из-под надзора Брицкого!³⁴

* См. в этом номере статью Р. Дорофеева «Начало обновленческого движения в Среднеазиатской епархии. 1923–1924 годы». (Прим. ВС.)

Правда, протоиерей В. Тимаков ошибочно завышает возраст Брицкого более чем на полтора десятка. В 1944 году о. Григорию исполнилось 74 года, и он был всего лишь на шесть лет старше епископа Кирилла. Но, наверное, молодому парню, почти мальчику, каким был в то время о. Владимир, Брицкий с его широкой лысиной, совершенно седой бородой и болезненно-трясущимися руками должен был казаться древним стариком.

Еще одна неточность есть в эпизоде с вынужденным переездом епископа Кирилла. Рассказывая об этом событии, о. Владимир в качестве нового места проживания епископа называет... адрес дома самого Брицкого. Последний, согласно сохранившимся данным, проживал в доме № 42 (или 42а)³⁵ по располагавшейся в те времена недалеко от русского кладбища улице Ново-Базарной, и трудно себе представить, чтобы владыка, усиленно стремившийся избавиться от «опеки» о. Григория, перебрался из соседнего с ним дома... прямо к непрошенному благодетелю.

Скорее всего, о. Тимаков ненамеренно перепутал номера домов и епископ Кирилл нашел себе на все той же Ново-Базарной более удобное (и менее просматриваемое) жилье, в котором была обустроена архиерейская приемная, а впоследствии – организовано первоначальное делопроизводство. Косвенно это наше предположение подтверждается Н.П. Гомолицким, в своих воспоминаниях указавшим, что владыка Кирилл «...жил в Ташкенте недалеко от кладбища, там был угловой дом, там же образовалась епархиальная канцелярия...»³⁶.

Сообщений о том, что происходило после переезда, с сентября по март 1945 года, обнаружить не удалось. Можно только предположить, что епископу Кириллу и протоиерею Григорию приходилось уживаться друг с другом: о. Григорий, помимо своих связей, занимал важный пост настоятеля единственной пригодной для архиерейского служения церкви – Александро-Невского кладбищенского храма. Остальные православные храмы Ташкента были либо уничтожены, либо переданы гражданским учреждениям.

В такой обстановке первым кафедральным собором восстановленной епархии мог быть только Александро-Невский храм. А точнее, он продолжал оставаться им, как и в последние годы туркестанского обновленчества.

Одновременно с этим о. Григорию необходимо было выделять долю из финансов кафедрального храма на содержание нового архиерея. В дальнейшем этот, довольно-таки щекотливый, финансовый вопрос будет вызывать стойкое недовольство Брицкого, который примется обвинять епископа Кирилла в различных денежных злоупотреблениях [п. 3, лл. 1об-2, п. 7, л. 1об].

По версии протоиерея В. Тимакова, владыка Кирилл несколько раз пытался последовать совету архиепископа Луки и сместить Брицкого, но каждый раз сталкивался с непреодолимыми препятствиями:

Но как реализовать совет?! Напишет владыка указ, всего-то выдворяющий Брицкого из настоятелей... Следующей же ночью является оперуполномоченный ГБ по кличке “Аристархович” (настоящего имени его мы не знали) и вкрадчиво, ласково, нежно, просит указ изъять. «Мы Вас очень ценим и не хотим с Вами расставаться». И владыка прекрасно понимал: не уступи просьбе – и в одно мгновение превратишься во врага народа. Но главное-то, жертвою ничего не достигнешь; всё равно всё останется на своих местах...³⁷

Все же, 1944 год имел некоторые существенные отличия от года 1937-го. Церковь теперь считалась легальным общественным институтом, взаимодействие с которым осуществлялось по линии Совета по делам РПЦ и через прочие государственные организации. За протоиерея Григория мог вступить уполномоченный А.И. Степанов: большинство уполномоченных стремились сохранять бывших «живоцерковников» среди действующего духовенства – в то время это было почти всеобщей тенденцией. Да и любой представитель «соответствующих органов» мог открыто, при свете дня, приехать к архиерею для приватной беседы, не обязательно выбирая для этого темное время суток.

По-видимому, не имея возможности решить «проблему Брицкого» своими силами, владыка пытался действовать через Священный Синод. И скорее всего, первым предложением для устранения о. Григория послужил все еще не разрешенный вопрос с его второбрачием.

Уже 5 октября 1944 года в Синоде разбирался вопрос о семейном положении «вдового протоиерея Брицкого». Дело рассматривалось на основе материалов, собранных и официально представленных епископом Кириллом, он же был докладчиком по этому вопросу³⁸. Вердикт Синода был предельно жестким:

...Священный Синод не может не признать наличие второбрачия протоиерея Брицкого, имеющего зарегистрированный брак с гр[аждан]кой Бахваловой и потому, по церковным правилам, подлежащего лишению сана. Брицкий не голословно, а документально должен доказать, что этот брак был заключен помимо личного участия обеих сторон /свидетельскими показаниями лиц, зарегистрировавших этот брак помимо и без ведома Брицкого и Бахваловой/ и уничтожить этот брак получением законного развода. Кроме того, ввиду соблазна, который независимо от законных отношений прот. Брицкого и Бахваловой, производит их совместное жительство, принимая во внимание известную всем их брачную регистрацию – они должны разойтись с жительством в разных местностях. Независимо от этого, протоиерей БРИЦКИЙ должен быть отстранен от служения, в чем послать Преосвященному Ташкентскому указ³⁹.

Возможно, что за синодальным определением последовал также неблагоприятный указ (или резолюция) местоблюстителя патриаршего престола митр. Алексия (Симанского): о таком распоряжении упоминает сам Гр. Брицкий в одном из своих рапортов более позднего времени⁴⁰; здесь же он указывает дату резолюции будущего патриарха – 28 ноября 1944 года⁴¹.

Исполнение синодального предписания (и распоряжения местоблюстителя) обернулось бы для о. Григория полным разрушением всего его жизненного уклада. Он лишился бы второй жены, к которой, по всей видимости, был очень привязан. Его отстранили бы не только от священнослужения, но и от реальной власти: владыка Кирилл не преминул бы отправить его за штат, лишив должности настоятеля Александро-Невского собора.

Неудивительно, что о. Григорий не смирился и 5 декабря 1944 года подал апелляцию в Синод, на которую, впрочем, не было дано положительного ответа. В феврале 1945 года недавно избранный патриарх Алексей (Симанский), рассмотрев прошение Брицкого, предпочел встать на сторону епископа Кирилла, поставив на заявлении неутешительную резолюцию:

Принимая во внимание, что Пр[отоиерей] Брицкий в своем прошении от 5/XII-45 г. не предоставляет никаких новых данных относительно своего положения, признаваемого не без оснований вызывающим соблазн в верующем народе, Свящ[енный] Синод не находит оснований к пересмотру его дела и оставляет в силе первоначальное определение с поручением Пр[еосвященному] Ташкентскому привести его в действие⁴².

Казалось бы, победа епископа Кирилла была полной. По каноническим нормам второбращный Брицкий не имел права совершать богослужение, в этом плане и владыка и патриарх были, несомненно, правы⁴³. Но на практике такого влиятельного функционера трудно было нейтрализовать, даже имея на руках распоряжение высших церковных властей.

Продолжая свой рассказ о ночных визитах «оперуполномоченного Аристарховича», о. Владимир Тимаков пишет:

...Как поступить в этой сложнейшей ситуации? Иначе сказать, как убрать Брицкого? Вопрос оставался открытым. По этому поводу в одну из поездок в Москву (по поводу подготовки к Поместному собору для избрания Патриарха) владыка Кирилл вместе с архиепископом Лукой пошли на прием к Местоблюстителю [митр. Алексею (Симанскому) – Р.Д.] и, описав сложившуюся в Ташкенте ситуацию, попросили, чтобы Местоблюститель сам, в качестве реакции на бесчисленные жалобы касательно Брицкого, шедшие прямо в Патриархию, своим указом запретил бы Брицкого. Митрополит Алексей согласился, и мы стали ждать указа из Патриархии.

Резолюция от Патриарха была-таки получена. Святейший, указывая на бесчисленные преступления Брицкого, сделал предписание владыке: Брицкий должен быть запрещен. Но всё, что только смог сделать владыка, пользуясь указом Патриарха, так это убрать Брицкого из настоятелей. Аристархович не преминул (в два часа ночи) приехать и на этот раз... Вкрадчиво, ласково, но настойчиво говорил: «Вы же владыка, и потому никто, даже Патриарх, не может делать вам предписание». Такое знание канонов Аристарховичем, конечно же, было подсказано Брицким. Владыка настоял-таки на своем – убрал Брицкого из настоятелей...

Вскоре после описываемого события владыка взял отпуск, и мы уехали в Пензу, но, по обычаю, поехали через Москву. Патриарх был уже обо всем осведомлен, сказал, что переводит владыку на Ивановскую кафедру, и доверительно посоветовал в Ташкент не возвращаться. За вещами пришлось ехать мне⁴⁴.

К сожалению, в данном отрывке и хронология, и фактология событий за почти полтора года крайне спутаны.

Поместный Собор проходил в Москве с 31 января по 2 февраля 1945 года, а до него здесь же, 21–24 ноября 1944 года, состоялся Архиерейский Собор, занимавшийся подготовкой к Поместному⁴⁵. В работе обоих Соборов епископ Кирилл должен был участвовать как легитимный архиерей Патриаршей Церкви⁴⁶. Не исключено, что он вполне мог использовать свои поездки в Москву для беседы с местоблюстителем, заручившись предварительно поддержкой архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Но патриаршего распоряжения именно в таком виде, как оно представлено у мемуариста, обнаружить в ташкентских архивах не удалось.

От настоятельства протоиерей Гр. Брицкий был отстранен не в 1944-м, и даже не в 1945 году, а в конце февраля 1946-го. Перевод же владыки Кирилла в Ивано-

во состоялся в начале августа 1946 года⁴⁷. Таким образом, между отстранением Брицкого и перемещением епископа прошло целых пять месяцев, а это слишком длительный срок для того «вскоре», которое протоиерей В. Тимаков располагает между ночным визитом «Аристарховича» и отъездом в Пензу.

Также, трудно представить, что постоянно осуждавший в своих письмах «самовластие» епископа Кирилла протоиерей Григорий мог дать «оперуполномоченному Аристарховичу» такой канонически безграмотный совет. Епархиальный архиерей обязан подчиняться распоряжениям патриарха, как предстоятеля и первенствующего епископа Поместной Церкви.

Не совсем ясно, каким именно образом о. Григорий, все же, ухитрился снять обвинения во второбрачии и избежать запрещения в священнослужении.

Возможно, он постарался, под разными предлогами, оттянуть исполнение синодального и патриаршего предписаний. По крайней мере, в сохранившемся рапорте на имя епископа Кирилла (от 21 марта 1945 года) Брицкий просил, «вследствие наступивших дней Великого поста и неустановившейся еще погоды в нашей местности», отложить вступление в силу неблагоприятных для него резолюций до «дней после Св. Пасхи»⁴⁸.

Неизвестно, как владыка Кирилл отреагировал на это прошение; от его резолюции сохранились только вводные строки: «...В ответ на Ваш рапорт... сообщаю, что ввиду...». Можно предполагать, что епископ, по каким-то причинам, предоставил Брицкому испрашиваемую отсрочку.

Если данное предположение верно, то о. Григорий выбрал достаточно удобный момент для своей просьбы. Свой рапорт он написал на первой седмице Великого поста: в 1945 году Четыредесятница началась 18 марта по новому стилю – вечерним богослужением Прощеного воскресенья, соответственно 21 марта выпадало на среду первой седмицы. Пасха 1945-го, – это общеизвестный факт, – праздновалась 6 мая (23 марта по юлианскому стилю): в день св. Георгия Победоносца.

На Прощеное воскресенье архиерей прилюдно просит прощения у клириков и прихожан за свои грехи и проступки – отсюда и название этого дня. В свою очередь, духовенство и миряне подходят к епископу с этой же просьбой: простить и предать забвению. Отказ на поданный через два дня после чина прощения рапорт Брицкого выглядел бы не очень красиво, да и мало бы сочетался с общеизвестным евангельским призывом.

Дни Великого поста, как отмечал сам протоиерей Брицкий, владыка Кирилл предпочитал проводить в усиленных молитвах, а светлая радость Пасхальной седмицы не предполагает сведения личных счетов.

Можно не сомневаться, что о. Григорий использовал предоставленные ему почти полтора месяца с максимальной для себя пользой...

Впоследствии, в августе 1946 года, преемник владыки Кирилла на кафедре – епископ Гурий (Егоров) будет утверждать, что все обвинения с протоиерея Брицкого были полностью сняты. В своем рапорте на имя патриарха новый епархиальный архиерей укажет следующее:

На протоиерея БРИЦКОГО возводилось обвинение во второбрачии. Мне известно, что он представил Епископу КИРИЛЛУ официальные справки: от Загса о том, что не было никакой брачной регистрации, и от духовенства о том, что не было совершено над ним венчания. Слышал я, что Патриархия пред[ъ]явила ему требование о раздельном жительстве с женщиной, заботящейся о его хозяйстве. Но он письменно обратился в Патриархию с просьбой не настаивать на этом требовании ввиду его старости и неспособности самому обслуживать себя⁴⁹.

По всей видимости, примерно к маю-июню 1945 года вопрос о второбрачии протоиерея Брицкого был закрыт, или, что тоже возможно, – замят. Он не только остался на должности настоятеля кладбищенского храма, но и сохранил при себе Е.В. Бахвалову, пусть и в статусе экономки.

Впрочем, несмотря на затраченные епископом Кириллом усилия, «дело о второбрачии» практически не поколебало реального положения протоиерея Брицкого. В марте 1945 года он даже переходит на более высокий административный уровень.

Примерно зимой-весной 1945 года было разработано «Положение об Епархиально-Административном управлении Ташкентской и Средне-Азиатской Епархии». Полный текст его, к сожалению, пока еще не обнаружен. Но судя по опубликованным отрывкам, первый и второй его параграфы четко определяли место о. Григория в формирующихся структурах диоцезиальной власти.

Первый пункт «Положения» гласил: «Преосвященный Епископ Кирилл является полным начальником епархии»; во втором добавлялось: «В помощь епархиальному Архиерею учреждается епархиальный совет с юрисдикцией, обнимающей права и обязанности бывшей духовной консистории»⁵⁰.

1 марта 1945 года в первый состав Епархиального совета вошли: протоиерей Григорий Брицкий – в качестве председателя, архимандрит Гурий (Егоров) – как секретарь и протоиерей Павел Медведев – с обязанностями казначея⁵¹.

Таким образом, о. Григорий снова вошел в высший состав епархиальной администрации, став теперь фактически вторым лицом после архиерея. Возможно, епископ Кирилл временно смирился с его практической «непотопляемостью». Может быть, это назначение было инициировано властями (уполномоченным Степановым). Но сам владыка, скорее всего, рассматривал председательство Брицкого в Совете только как временное явление и в дальнейшем рассчитывал заменить о. Григория более подходящей кандидатурой.

Остальной состав Епархиального совета подбирался, судя по всему, с таким расчетом, чтобы добиться его внутреннего равновесия. Архимандрит Гурий первоначально мог казаться епископу Кириллу фигурой нейтральной: он никогда не состоял в обновленчестве, два раза был осужден по религиозно-политическим мотивам, а оказавшись в 1938 году в ссылке в Средней Азии, обосновался в поселке Бешбала (тогда предместье Ферганы), где собрал вокруг себя небольшую тайную полумонашескую общину⁵². Человеком о. Гурий был сдержанным; возможно, владыка рассчитывал, что он будет соблюдать строгий нейтралитет.

Протоиерей Павел Медведев, к тому времени, видимо, уже зарекомендовал себя как горячий сторонник епископа Кирилла. В 1944 году он стал ключарем

вновь открытого Успенского собора и ташкентским благочинным. В обновленческом расколе он также никогда не состоял. Происходил он из села Кожинка (Саратовская губерния) и в 1916 году окончил курс Саратовской Духовной семинарии. В 1947 году он, вслед за епископом Кириллом, переехал в Пензенскую епархию, а затем, в 1954 году (после смерти владыки) вернулся в Среднюю Азию. До 1960 года он служил на разных приходах Ташкентской епархии⁵³.

Скорее всего, выбрав архимандрита Гурия и протоиерея Медведева, епископ Кирилл считал, что о. Павел станет активным противовесом Брицкому, а архимандрит Гурий будет служить «буфером» между ними. Но повторим – это только предположение.

По-видимому, примерно до августа-сентября 1945 года Епархиальный совет работал более или менее эффективно. Между епископом Кириллом и протоиереем Брицким установилось хрупкое перемирие.

Примером соблюдения этого «пакта о ненападении» можно считать историю передачи в епархиальное ведомство ташкентской госпитальной Пантелеимоновской церкви (с 1946 года – Свято-Успенский Кафедральный собор)⁵⁴.

Протоиерей Гр. Брицкий был настоятелем в этом храме с 1924 года и до 1933-го, фактически до самого его закрытия. В 1940-х здание бывшей церкви состояло на балансе Туркестанского Военного округа (в качестве склада при ташкентском госпитале). Но, несмотря на «пленение» здания храма таким влиятельным ведомством, как Министерство обороны, Брицкий принялся хлопотать о его возвращении Среднеазиатской епархии. Используя свои многочисленные связи, он постепенно добился благополучного разрешения дела сначала на союзном уровне (резолуция В.М. Молотова), а затем и на республиканском – через командующего войсками ТуркВО генерала И.Е. Петрова. Храм передали верующим 20 декабря 1945 года. На Рождество 1946 года в нем совершили первое праздничное богослужение.

Епископ Кирилл настолько оценил хлопоты о. Гр. Брицкого, что 8 октября 1945 года, «забыв» о его второжестве, ходатайствовал перед Патриархией о его награждении правом ношения митры⁵⁵. В своем ходатайстве владыка характеризовал о. Григория самым лестным образом: «старейший церковный работник в Средней Азии, глубокий старец», «... в настоящее время ведет разностороннюю плодотворную работу». И счел нужным добавить, что о. протоиерей произвел капитальный ремонт Александро-Невской церкви (тогда еще имевшей статус собора), а также – что он возглавляет Епархиальный совет во время поездок епископа по епархии⁵⁶.

Награждение планировалось на 12 сентября (30 августа по старому стилю) 1945 года и должно было быть приурочено к дню памяти св. князя Александра Невского⁵⁷. Однако патр. Алексей I предпочел отложить возведение Брицкого в сан митрофорного протоиерея на самое неопределенное будущее⁵⁸.

(Окончание следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз). Ф. И-961. Оп. 1. Д. 536. Л. 100об.

² Архив Ташкентского епархиального управления (далее – АТЕУ). Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 80.

³ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 79об.

⁴ См.: Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). – М.: Об-во любителей церковной истории. Изд-во Крутицкого подворья, 2002. С. 528, 586.

⁵ В Центральном Государственном архиве Республики Узбекистан.

⁶ Абдуллаев Е. История ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора // Восток Свыше. Вып. XXIII-XXIV. С. 31.

⁷ Там же. С. 29–30, 31–32.

⁸ Там же. С. 31. Текст рапорта приводится в качестве приложения № 1 к статье И.В. Семенов-Басина «Возвращение мощей святых Русской Православной церкви в 1940-х гг.» (URL: <http://www.krotov.info/history/20/1940/basin.htm>.)

⁹ См.: Абдуллаев Е. Цит. соч. С. 31.

¹⁰ Епископ Кирилл принимал А.Э. Левитина-Краснова через покаяние в Патриаршую Церковь, а о. Петру оказал помощь в тяжелых жизненных обстоятельствах.

¹¹ Резкий взлет от репрессированного протоиерея и «кухонного мужика» к архиерейской хиротонии и положению официально признанного епископа.

¹² На самом деле в 1953 году. – Р.Д.

¹³ Левитин-Краснов А.Э. Рук Твоих жар (1941–1956). – Тель-Авив: Круг, 1979 (URL: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_pages183f.html?Key=10321&page=4).

¹⁴ Памяти архиепископа Кирилла (Поспелова) // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 2. С. 18.

¹⁵ Автор статьи благодарит за консультацию в данном вопросе прекрасного знатока Церковного устава диакона Владимира Максудова (Ташкент).

¹⁶ Центральный государственный архив Киргизской Республики (далее – ЦГА КР). Ф. 1631. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.

¹⁷ В январе 1948 г. о. Григорий напишет, оправдываясь перед епархиальным архиереем: «...Я действительно курю, курю от юности, хотя всегда тяготился этим и стремился избавит[ь]ся от этой слабости и теперь, даже, думаю иногда, что если бы Владыко, как Архиерей, властно запретили бы мне курение, то б[ы]ть м[ожет], у меня хватило бы силы избавиться от этой застарелой привычки. Впрочем, я курю не “постоянно”, как это говорится в пасквил[е], во всяком случае, не открыто, во избежание соблазна». (АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 67).

¹⁸ Словосочетания «староцерковная ориентация» и «обновленческая ориентация» были в ходу с 1923 по 1944 г. и обозначали принадлежность священнослу-

жителей и мирян к юрисдикции Патриаршей Церкви или обновленческого Синода соответственно.

¹⁹ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 14-15.

²⁰ «Главным обновленцем в Ташкенте был протоиерей Григорий Брицкий... При нем жила обслуживавшая его женщина – Екатерина Васильевна, лет 50-ти. Говорили, что он обвенчался с ней вторым браком и даже Уполномоченный, хитро помигивая, говорил, что ему известно “кое-что” из ЗАГСА» (Иоанн Вендланд, митр. Митрополит Гурий (Егоров). – Машинопись. Б. м., 1980–1981. С. 35). «В своих письмах Владыка Гурий [Егоров] неоднократно просил отца Григория [Брицкого] уйти за штат как вторोजенца, высказывая тревогу, что Патриарх может узнать о том, что его (патриаршее) распоряжение не выполняется, но отец Григорий отказался и служил до конца своих дней, утверждая, что факта второжинства нет. А женщина, проживающая с ним, – экономка». Воспоминания диакона Евгения Петлякова // Патрахин Л., прот. Русская Православная Церковь в Средней Азии. // Патрахин Л., прот., Лай П., прот. По стопам апостола Фомы. – Воронеж, 2009. С. 198. (Вставки в квадратных скобках мои – Р.Д.)

²¹ «Отец Григорий обладал отличным проповедническим искусством. Его проповеди с большим вниманием слушали верующие и по кончине его сожалели об утрате хорошего проповедника» (Воспоминания диакона Евгения Петлякова... С. 198).

²² См.: Гомолицкий Н.П. Протоиерей Григорий Брицкий. Л. 1. – Ксерокопия рукописи. Личный архив автора.

²³ Памяти архиепископа Кирилла (Поспелова)... С. 18.

²⁴ См.: Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи, периода с 1893 по 1965 годы (включительно). Часть IV. – Erlangen, 1986. С. 114–115.

²⁵ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 79об.

²⁶ Памяти архиепископа Кирилла (Поспелова)... С. 18.

²⁷ Абдуллаев Е. Цит. соч. С. 29.

²⁸ См.: Кузнецов А.И. Указ. соч. С. 586.

²⁹ Воспоминания протоиерея Владимира Тимакова // Патрахин Л., прот. Цит. соч. С. 183–195.

³⁰ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 30-30об.

³¹ Диакон Евгений Петляков вспоминал, что сын о. Григория был следователем, а по контексту его рассказа можно догадаться, что тот служил в НКВД или МГБ: «После своего покаяния отец Григорий Брицкий действительно помогал многим, имея большие связи с властью через своего сына. Знаю, что допрос моего дедушки Василия Антоновича Петлякова, когда его посадили за хранение церковных книг, вел сын отца Григория Брицкого. Когда же пало обновленчество, дед снова вызвал сын Брицкого, велел всю литературу передать отцу Григорию, дав наизидание “священные книги в доме не держать”, и дедушку отпустили. Когда же дедушка вернулся, книг не было. Они были экспропрированы сразу после его ареста». (Воспоминания диакона Евгения Петлякова... С. 197–198).

³² Воспоминания протоиерея Владимира Тимакова... С. 194.

³³ См. об этом: *Катаев А.М.* Последние годы обновленчества в контексте церковно-государственных отношений в 1943–1945 гг. (URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/obnovlen.htm#); Русская Православная Церковь. XX век. / *Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др.* – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. С. 344–345.

³⁴ Воспоминания протоиерея Владимира Тимакова... С. 187.

³⁵ См. следующее сообщение митр. Иоанна о прот. Брицком: «Жил он недалеко от кладбища в двухэтажном церковном доме» (*Иоанн (Вендланд), митр.* Митрополит Гурий (Егоров). – Машинопись. – Б. м., 1980–1981. С. 35). Воспроизводится по ксерокопии из личного архива автора.

³⁶ Цит. по: *Абдуллаев Е.* Цит. соч. С. 31.

³⁷ Воспоминания протоиерея Владимира Тимакова... С. 194.

³⁸ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 1.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Рапорт от 23 марта 1945 г. – Подробнее об этом рапорте см. ниже.

⁴¹ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 1.

⁴² АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 6.

⁴³ «Брак клириков должен быть строго моногамным. Второй брак вдовым священнослужителям и церковнослужителям безусловно запрещается. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. вынес Определение, призванное оградить достоинство священного сана, опираясь на Апостольские постановления о высоте священнослужения (1 Тим. 3:2, 12, Тит. 1:6) и на каноны (3

прав[ило] Трулл[ьского] Соб[ора] и др.). Собор подтвердил недопустимость второго брака для вдовых и разведенных священнослужителей» (*Цыпин В., прот.* Церковное право: курс лекций. – М.: Круглый стол по религиозному образованию в РПЦ, 1996. С. 170).

⁴⁴ Воспоминания протоиерея Владимира Тимакова... С. 194–195. Курсив – прот. В. Тимакова.

⁴⁵ См.: *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). – М.: Издание Сретенского монастыря, 2007. С. 479–483.

⁴⁶ Участие еп. Кирилла в Поместном Соборе 1945 г. подтверждается и отчетами киргизстанского уполномоченного А. Соловьева (ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 4. Л. 9).

⁴⁷ АТЕУ. Оп. 2. Д. 15. Л. 27.

⁴⁸ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 7.

⁴⁹ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 50об.

⁵⁰ *Патрахин Л., прот.* Русская Православная Церковь в Средней Азии... С. 176.

⁵¹ Там же.

⁵² *Иоанн (Вендланд), митр.* Митрополит Гурий (Егоров). Ярославль, 1999. С. 120–122.

⁵³ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 117–118.

⁵⁴ См. подробнее об этом эпизоде: *Дорофеев Р.* «Здание бывшей церкви по улице Кафанова...». К истории ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора. № 4 (XXXIX). С. 22–28.

⁵⁵ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 19.

⁵⁶ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 19.

⁵⁷ АТЕУ. Оп. 2. Д. 15. Л. 2.

⁵⁸ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 20.

Ташкентский круг сестры Иоанны (Рейтлингер)

Наше призвание – уже здесь, на земле,
собирать Царство Небесное.
Ю.Н. Рейтлингер, в разговоре

Юлия Николаевна Рейтлингер родилась в 1898 году в Петербурге. Оба ее деда – генералы Александр Иванович Рейтлингер и Николай Степанович Гонецкий – были участниками Русско-турецкой войны 1853–1855 годов. Отец был высокопоставленным служащим. Мать, Лидия Николаевна, – воспитанница Смольного института, поклонница педагогики К.Д. Ушинского. Юлия училась в частной гимназии М.А. Мещерской. Она постоянно что-то зарисовывала и получила прозвище «художница». В 1915 году окончила курс и поступила в 4-й класс Рисовальной школы Общества поощрения художеств.

В 1918 году в Крыму, в Олеизе, юная Юлия Рейтлингер знакомится с выдающимся мыслителем и богословом священником Сергием Булгаковым (1871–1944) (он недавно рукоположен и служит в Гаспре). Эта встреча определяет всю ее дальнейшую жизнь. Она становится не только духовной дочерью отца Сергия, но его помощницей и другом.

Путь Юлии Николаевны – это история русской эмиграции и реэмиграции. 1921 год – после смертей матери и старших сестер – бегство из Крыма в Варшаву к отцу. Затем Прага, философский факультет Университета и первые занятия иконой¹; а с 1925 года – Париж, переезд в который устроил о. Сергий. Кратковременные уроки у признанного иконописца Д. Стеллецкого, консультации у старообрядческих мастеров и трехгодичный курс религиозного искусства в мастерской Мориса Дени. В 1928 году Юлия Николаевна специально едет из Парижа в Мюнхен, чтобы посмотреть большую выставку икон, привезенную из России («...глаз не оторвать от Троицы Рублева!»).

С этого времени она в постоянных поисках нового пути к «творческой иконе». Ни путь автоматического следования прописям старообрядческих мастеров, ни изыски модерна не были плодотворны. Юлия Николаевна ищет живого синтеза древней иконы и образного языка нового времени. Она была в центре религиозного возрождения, который олицетворяли философы Николай Бердяев и Борис

Вышеславцев, христианские мыслители Георгий Федотов, Василий Зеньковский и Владимир Ильин, историк искусства Владимир Вейдле, богослов Лев Зандер, наконец, мать Мария и о. Сергей Булгаков.

Но Юлия Николаевна страдала глухотой, поэтому не могла вполне участвовать в общественной жизни. Она живет при Свято-Сергиевском богословском институте, помогая по хозяйству в семье о. Сергия. Их отношения не исчерпывались его наставничеством и ее послушничеством. Богослову и священнику такого напряжения, как отец Сергей, было понятно стремление Юлии Николаевны к «творческой иконе». Еще в Праге его очень поддерживал «дивный образ Софии», подаренный Юлией. Она вполне разделяла его учение о софийности мира. Недаром о. Сергей тогда, в 1923 году, записал в своем дневнике: «Я считаю, что внутренне меня слушает и слышит одна Юля»². А в письме к ней от 11 (24) августа 1929 года признается: через творчество своей духовной дочери он постигает, что

...изображение, софийную телесность Богочеловека как человека передают не только формы и черты, но и краски, свет и цвет. Краски суть *свойства* Христова человечества, софийны <...> Краски суть софиесловие, следовательно, богословие <...> Ты – богослов настоящий, софийный, – и я о тебе радуюсь, мой друг и товарищ³.

Это – и благословение на творческое дерзновение для создания новой иконы. Ярчайшим свидетельством такого дерзновения стали росписи Юлии Рейтлингер православной церкви в Медоне.

Это был храм Св. Иоанна Воина, построенный в 1929 году в виде обширного зала с двускатной крышей и маленьким куполом. Настоятелем храма митрополит Евлогий (Георгиевский) назначил отца Андрея Сергеенко (1902–1973) – по словам владыки, священника «незаурядного <...>, склонного к мистической жизни», но и деятельного работника. Отец Андрей поручил росписи храма Ю.Н. Рейтлингер, которую он знал по выставкам Общества «Икона». Это был 1932 год. Юлия Николаевна обила стены зала фанерой и расписала ее темперой.

Историк искусства Владимир Вейдле, откликаясь на только что законченную роспись церкви в Медоне, так осмыслил работу художницы:

Глядя на эти большие плоскости, смело обобщенные линии, дневные непритушенные краски, вспоминаешь Матисса (или все, что во французском искусстве прямо или косвенно исходит от него), но одновременно чувствуешь и глубокую, отнюдь не насильственную, а вполне органическую связь с духом и стилем древней нашей иконописи; связь, ничего не имеющую общего с мертвенным внешним подражанием; связь, объясняемую не натурой стилизатора, а родством вдохновения, дара и молитвенного чувства⁴.

Сейчас эти росписи, спасенные в 1980-е годы Никитой Алексеевичем Струве, выставлены в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в Москве.

11 сентября 1935 года, в день Усекновения главы Иоанна Предтечи, Юлия Николаевна была пострижена митрополитом Евлогием в рясофор, с переменной имени. Теперь она – сестра Иоанна.

Сестра Иоанна много работает в Париже. Она пишет однорусный иконостас в храме общежития, основанного матерью Марией на улице Лурмель. В 1938 году – триптих для храма Братства преподобного Сергия и мученика Албания в богословском колледже в Мерфилде, на севере Англии. В эти годы ее творческие задачи разделяет и учится у нее Георгий Круг, ставший впоследствии выдающимся иконописцем о. Григорием (1906/1907–1969). Затем, уже после смерти о. Сергия, в 1947 году, с. Иоанна расписала в Лондоне часовню при доме Братства. Эти росписи находятся сейчас в англиканском монастыре Святой Троицы в Кроули (Западная Англия). Есть ее работы в Праге, в Словакии, в Покровском монастыре Бюси-ан-От (Франция)⁵.

Перед смертью о. Сергий наказал сестре Иоанне: «Возвращайся на Родину, Юля, и носи свой крест. И, слышишь, Юля, с радостью носи!».

Она переехала в Чехословакию и до 1955 года ждала разрешения на въезд в СССР.

Разрешение было получено. Юлия Николаевна была распределена на жительство в Среднюю Азию. Туда она переехала вместе с семьей своей сестры, Екатерины Николаевны (1901–1989), архитектора и художницы, бывшей замужем за инженером Алексеем Александровичем Кистом (1901–1966). С ними возвращался и их сын Александр Кист (1937), родившийся в Чехословакии (о нем – ниже).

Приведу отрывок из воспоминаний Александра Алексеевича Киста:

Отец Сергей Булгаков благословил свою паству при первой возможности вернуться в Россию. Несмотря на свои убеждения, многие эмигранты попросили советское гражданство (до этого они были лицами без гражданства). Приняла его и сестра Иоанна. В 1947 году она, как и все эмигранты с советским гражданством, была выслана из Франции, и она приехала в Прагу. У остальных не было родственников в Европе, и их вывезли в ГДР. Среди высланных был, например, Игорь Симанский – племянник Алексия Первого. Естественно, что с. Иоанна и мои родители просили разрешения на выезд в СССР, но это получилось только в 1955 году. Мы готовились к репатриации, и с 1948 года у нас в квартире стояли ящики для переезда. <...>

И вот мы едем осваивать целинные земли Алтая (что было условием – вы еще не искупили своей вины перед Родиной и не можете жить в центральных городах).

Наш представитель (сопровождающий, представитель чего-то такого) приказывает запомнить, что: во-первых, мы отныне не репатрианты, а спецпереселенцы (смысл этого слова я постигаю только в наше время), во-вторых, мы вас переадресуем на освоение целинных земель Узбекистана (ранее предполагалось – Алтай), в-третьих, любые наши действия должны быть согласованы с ним. <...>

Почему-то нас всех разбросали по разным отделениям Хлопсовхозов им. Сталина номер 16 и 17 Ак-Курганского района. Мы попали в отделение номер 2. Сейчас трудно себе это представить, но это была действительно целина. Мы получили глинобитный домик в одну комнату с кухней с глиняным полом и ямой (туалетом), огороженной рогожей во дворе. Наши соседи были переселенцы – узбеки, чеченцы и крымские татары. <...> С крымскими татарами папа быстро нашел общий язык (он его знал) и рассказал, что, по словам соседа, во время переезда погибло около половины переехавших. Папа обрадовался, что наши потери пока равны нулю.

До с. Иоанны – 6 км. Нас, переселенцев, было около 200 человек, и нас разбросали в двух

совхозах далеко друг от друга, чтобы не общались. Через месяц объявляют: вы совхозу не нужны, и выдали нам паспорта (раньше у нас их не было). Можете уезжать, куда хотите. Можем, слава Богу, но денег и связей нет. Куда ехать?

Вскороги наша семья без особых сожалений с обеих сторон на грузовике переехала в Ташкент. Юлия пока осталась в совхозе. Она писала крупными буквами на совхозных домиках советские лозунги. Мы и, впоследствии, с. Иоанна жили в частных узбекских домах – одна комната с глинобитным полом, отопления нет (есть яма для углей в середине комнаты). Водопровод во дворе. Туалет с камушками (вместо туалетной бумаги) тоже во дворе. Затем перебрались в коммунальные квартиры (проблемы с соседями по квартире – в случае Юли: ее соседи запирали от нее ванну и туалет, и она в основном жила у нас), а затем Юле организовали однокомнатную квартиру⁶.

В Ташкенте сестра Иоанна устроилась на фабрику надомницей по расписыванию шелковых платков. Этим и заработала себе на пенсию. Однокомнатную квартиру она получила только в 1972 году.

По прибытии в Ташкент сестры сразу попали в *семью Завадовских*.

Юрий Николаевич Завадовский, известный востоковед и дипломат, получил разрешение на возвращение в СССР и на жительство в Ташкенте с целью переводов трудов Ибн Сины. Он приехал с женой и двумя детьми из Праги еще в 1952 году. Жена, Галина Васильевна (1914–1964), тоже, как и муж, закончила Школу восточных языков в Париже. Сын Николай (1943–1993) окончил в Ташкенте школу и после института стал кораблестроителем; о дочери Светлане будет сказано ниже.

За три года до прибытия основных транспортов реэмигрантов из Чехословакии в 1955 году Завадовские успели обжиться в своей мазанке. Она стала потом приютом для многих переселенцев, а затем и своеобразным «салоном», в котором и происходило общение и соединение трех «волн»: реэмиграции с Запада, реэмиграции с Востока и бывших репрессированных. Постоянными гостями дома Завадовских, даже не гостями, а продолжением хозяев, были сестры Рейтлингер.

Но прежде всего – храм. С 1945 года кафедральным собором Ташкентской епархии был Успенский собор. До сих пор жив его клирик, сейчас митрофорный протоиерей и духовник семинарии о. Михаил Котляров. Юлия Николаевна бывала у него на исповеди, когда жила с семьей сестры.

«Подходящим мне батюшкой» сестра Иоанна называла отца Виктора Трусевича⁷. Он был в Легионе чести, т.е. в той части Русского легиона, которая не вернулась в Россию после прихода к власти большевиков и воевала на стороне Франции в Великой войне. После Второй мировой он реэмигрировал, затем был сослан, стал священником. Служил в Успенском соборе, в Свято-Троицком храме. Юлия Николаевна ходила к нему на исповедь (кажется, они общались по-французски). «Стараясь раз в месяц главное (причастие – *Н.Б.*), а еженедельно посещение» (из письма сестры Иоанны Элле Семенцовой от 14 января 1975 года)⁸.

Последние пятнадцать лет жизни сестры Иоанны (1973–1988) духовным отцом ее был протоиерей *Александр Мень*⁹. Для прихожан церкви Сретения в Новой Деревне, настоятелем которой был о. Александр, сестра Иоанна писала иконы, вплоть до наступления слепоты...

Близкой подругой сестры Иоанны в Ташкенте стала *Нина Николаевна Мичури-*

на, урожденная Лачинова (1907–2000), дальняя родственница поэта Ф.И. Тютчева и внучка известного физика Дмитрия Александровича Лачинова. Сама – переводчица, после революции через Шанхай эмигрировавшая в Японию. Муж Нины Николаевны Александр Павлович Мичурин (1877–1957) был другом выдающегося русского философа Николая Лосского, преподавал в Шанхае философию, а в Токио, в Институте иностранных языков, – русский язык.

Н.Н. Мичурина реэмигрировала в СССР, жила в Ташкенте.

Жила Юлия Николаевна далеко от Нины Николаевны, но часто бывала у нее – поговорить, помочь своей слепой и беспомощной подруге.

Сию минуту вернувшись от своей слепой Н[ины] Николаевны (а перед ней – [в] храм, люблю по субботам, т.к. очень тихо и спокойно, народу совсем мало, к тому же наш транспорт таков, что лучше поменьше вылезать из дома, к тому же из хр[ама] ех press как раз прямо до нее, а ноги болят, хожу с палочкой, вот и сейчас легла, конечно, чтоб дать им отдых... (Из письма Э.Л. Семенцовой, 23 ноября 1974 года)¹⁰.

В конце 1970-х Нина Николаевна переехала в Москву к брату. Когда Завадовские (уже московские жители) уезжали куда-нибудь, Нина Николаевна перебиралась к ним. У Завадовских в Москве останавливалась в свои приезды и сестра Иоанна. Приезжала она в Москву летом, чтобы спасти свои больные глаза, а главное – общаться с возвратившимися из эмиграции старыми друзьями: отцом Андреем Сергеевко, Еленой Яковлевной Ведерниковой (женой Анатолия Васильевича Ведерникова, в те годы ответственного секретаря «Журнала Московской Патриархии»). Бывала в Ленинграде – там также свой круг друзей: Стеблин-Каменские, монахиня Елена (Казимирчак-Полонская).

В доме Завадовских – когда те жили в Ташкенте – сестра Иоанна встречалась со многими незаурядными людьми.

Одним из них был вернувшийся после 10 лет сталинских лагерей граф *Сергей Николаевич Юрнев* (1896–1975). Родился в селе Заскарки Лепельского уезда Витебской губернии, в дворянской семье. В конце 1929 года после ареста братьев, перед угрозой вероятного ареста, уехал из Твери в Среднюю Азию. В 1931–1934 годах преподавал в различных вузах Узбекистана (в Фергане и Бухаре). Затем, в связи с болезнью матери, он вернулся в Калинин (Тверь), где участвовал в организации Калининской картинной галереи. Во время немецкого наступления на Москву в октябре 1941 года вынужденно остался в Калининне с больной матерью на руках; возглавил брошенную бежавшим музейным начальством Калининскую картинную галерею, лично спрятал наиболее ценные экспонаты и спас практически все музейные ценности. По освобождении Калинина в декабре 1941 года работал преподавателем местного педагогического института, но вскоре по доносу был арестован и обвинен в «сотрудничестве с врагом». 11 августа 1942 был осужден Военным трибуналом гарнизона Калинина на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Освобожден был 24 ноября 1951 года и впоследствии жил в ссылке в Бухаре, в келье-худжре одного из средневековых медресе. Позднее он остался жить в ставшей ему родной Бухаре. Исследовал архитектурные памятники, вел раскопки, собирал коллекции древностей, частично переданные им в Эрмитаж и МГУ, а также по завещанию – в

Бухарский краеведческий музей. В 1952–1958 годах он был штатным археологом специальных научно-реставрационных производственных мастерских; затем вышел на пенсию, но по собственной инициативе, без какого-либо вознаграждения, продолжал деятельность как археолог, краевед и неофициальный гид.

Как вспоминает Светлана Юрьевна Завадовская: «В Ташкенте бабушка¹¹ встречает графа Сергея Николаевича Юренева, с которым она вместе была представлена на балу императрице, который прожил 10 лет в сталинских лагерях, вернулся чудом живой, со своей бородой, высоченный, как, знаете, Дон-Кихот, он целует бабушке руку»¹².

Среди друзей дома Завадовских, с которыми общалась сестра Иоанна, было несколько актерских семей. Например, *семья Замараевых-Максимовых*: Всеволод Сергеевич Замараев, его жена Мария Андреевна, его сестра Надежда Сергеевна (сценический псевдоним Зарина) и сестра Марии Андреевны Нина. Все работали в Ташкентском ТЮЗе. Приехали из Чехословакии, где в 1930 году у Михаила Чехова пытались организовать театр. У Надежды Сергеевны Зариной, которая жила рядом с Ниной Николаевной Мичуриной, собирались каждое 13-е число; там был своеобразный «салон».

Другая актерская семья – актер и театральный режиссер *Евгений Петрович и Галина Трофимовна Сегеди*. Семья Сегеди жила в Харбине, но в 1947 году приняла решение вернуться в СССР. В 1949 году Евгений Петрович был арестован, через полгода была арестована и Галина Трофимовна. В 1956 году оба были полностью реабилитированы и в том же году вернулись в Ташкент. Сегеди играл в Академическом русском драматическом театре Узбекской ССР им. М. Горького, снимался в кино, в основном в эпизодических ролях («Генерал Рахимов», «Это было в Коканде», «Огненные дороги» и др.). Галина Трофимовна Сегеди работала на киностудии «Узбекфильм» ассистентом режиссера по костюмам. После смерти мужа уехала из Ташкента в Россию к родственникам, в 2010 году жила в Ленинске-Кузнецке, отметила там свой 102-й год¹³.

У Дины Рубиной в романе «На солнечной стороне улицы» есть страница о Евгении Петровиче Сегеди, содержащая, к сожалению, ряд неточностей.

В круг Завадовских входил и актер Ташкентского драматического театра *Николай Васильевич Петрункин*. Жил в эмиграции: Польша, Америка, Париж. В театре Михаила Чехова играл в «На дне» (Актера). В 1949 году в Праге в фильме «Падение Берлина» сыграл роль Геббельса. Вернулся с одним из транспортов из Чехословакии. При встречах очень любил читать стихи.

Еще одна известная ташкентская семья, с которой общалась Юлия Николаевна: композитор и дирижер *Алексей Федорович Козловский* (1905–1977) и его супруга *Галина Лонгиновна*¹⁴. Алексей Федорович был сослан в 1936 году в Ташкент, где и оставался до конца жизни. Дом Козловских был известен, кроме гостеприимства и творческой атмосферы, журавлем: летели журавли в теплые края, один остался во дворе Козловских. Журавль был ручной. Во время похорон Алексея Федоровича стоял на одной ноге у его гроба.

С.Ю. Завадовская называет и других гостей дома ее родителей. Это преподаватели французского языка в Ташкентском институте иностранных языков *Елизавета Антоновна Украинцева*, сосланная в Ташкент из Ленинграда, *Елена Вадимовна*

Шумейко, дочь царского чиновника, служившего в Ташкенте. Это греческий актер *Антонис Ионидис*, в 1930-е во Франции участвовавший в известном театральном объединении «Картель», вернувшийся в Грецию и ставший в ряды Греческой демократической армии. В Ташкенте Ионидис ставил пьесы Аристофана силами любителей театра.

В круг Завадовских и Ю. Рейтлингер входила и семья сына широко известного в конце XIX века беллетриста, драматурга и публициста Е.Н. Чирикова – *Евгения Евгеньевича*. Эмигрировав в Париж, где учился на радиоинженера, он потом переехал в Прагу. Жена – дочь содиректора заводов «Шкода» Мария Владимировна Попова. В 1955 году они одним из транспортов были доставлены в Узбекистан, в совхоз, где жили крымские татары и чеченцы. Потом перебрались в Ташкент. В городе Евгений Евгеньевич устроился оператором на киностудию. Его старшая дочь Майя († 2013) стала врачом и лечила всех реэмигрантов. Ухаживала, в том числе, и за Юлией Николаевной.

В круг общения сестры Иоанны входили и те, кто был значительно младше ее. Упомянем их хотя бы кратко.

Елена Владимировна Никобадзе (1927–1990), родилась в Харбине, писала стихи под псевдонимом «Елена Влади». В 1956 году, с последней волной репатриации, выехала в Ташкент. В течение многих лет работала в Государственной библиотеке УзССР им. А. Навои.

Юзеф Гейманович Кон (1920–1996), окончил в 1940 году во Львове музыкальное училище по классу фортепьяно. После войны – Ташкент, где в 1948 году окончил историко-теоретический факультет консерватории. Великолепный музыковед, первой книгой которого стало исследование об узбекской традиционной музыке. В 1960-е годы уехал из Ташкента. Преподавал в Новосибирской консерватории, с 1970 – в Петрозаводской консерватории. Автор многих статей о гармонических основах музыки XX века, в частности в произведениях Бартока, Стравинского, Ксенакиса.

Игорь Симанский, племянник Патриарха Алексия, с женой – француженкой Дениз, поэтессой, которая переводила «Василия Тёркина» на французский язык.

Математик *Любовь Артемьевна Попова*. В качестве хобби занималась резьбой по дереву. Вся мебель в ее доме была собственного изготовления. Сестра Иоанна написала для нее много икон; после ранней смерти Любви Артемьевны все они пропали.

Светлана Юрьевна Завадовская. Родилась в 1935 году в Багдаде (Ирак), где ее отец, Юрий Николаевич Завадовский, находился в качестве французского дипломата. Детство провела во Франции и в различных странах Ближнего Востока, где служил ее отец. Среднее образование получила до приезда в СССР в нескольких учебных заведениях: французский лицей (Mission laïque française) в Александрии, в Каире — первая ступень бакалавриата, лицей Mission laïque française в Праге (вторая ступень бакалавриата). Еще в Праге училась рисованию у сестры Иоанны. В 1958 году окончила филологический факультет Среднеазиатского государственного университета. Сначала преподавала там же латинский язык, потом перешла на преподавание французского языка в Ташкентский институт иностранных языков. В 1960 году вышла замуж за Валерия Александровича Волкова (род. 1928), сына

народного художника Узбекистана Александра Николаевича Волкова. В 1966 году переехала с мужем в Москву. До 1993 года работала на кафедре лексикологии и стилистики французского языка. До сих пор консультирует и преподает на дому.

Супружеская (на тот момент) пара *Дамир Салиджанович Рузыбаев* и *Людмила Михайловна Кодзаева*. Дамиру Рузыбаеву, ставшему известным скульптором, Юлия Николаевна подарила сделанный в 1932 году портрет старухи (рисунок), с надписью:

Милому Дамиру – восходящей звезде от заходящей – которая и звездой никогда не была.
Май 1967. Ташкент.

Его бывшая супруга Людмила Михайловна – искусствовед. Общение с сестрой Иоанной привело ее к православию; она бережно хранит записочки и иконы, подаренные ей сестрой Иоанной. Вспоминает о Юлии Николаевне, что та не делала ей никаких нравочений, но часто просила сходить к кому-то, у кого трудное положение; передать что-то связанное, сшитое; поделиться с кем-то тем, что было из еды принесено ей. Книги у Юлии Николаевны никогда не лежали без чтения, она организовывала их передачу из рук в руки.

Нелли Абрамовна Портнова – ныне доктор филологии, с 1990 года живет в Израиле. Дружила с Ю. Рейтлингер; в последние месяцы жизни Юлии Николаевны вела записи ее «Последних воспоминаний»¹⁵.

Любовь Юрьевна Васильева (1951 года рождения) — крестница сестры Иоанны. Ее родители эвакуировались из Ленинграда в Ташкент, здесь и остались. Любовь Юрьевна – художница, окончила Ташкентское художественное училище. В начале 1970-х подружилась с Юлией Николаевной, помогала ей по хозяйству, училась у нее иконописи. Под влиянием Ю. Рейтлингер обратилась в христианство. К моменту крещения Л. Васильевой Юлия Николаевна составила для нее сборник из высказываний Святых Отцов о молитве и первоначальный молитвослов. В 1990 году Любовь Юрьевна уехала из Ташкента и поселилась под Алапаевском возле мужского монастыря Новомучеников Российских.

Александр Алексеевич Кист (1937 года рождения) – племянник Юлии Николаевны, закончил химический факультет Ташкентского государственного университета. В 1970-е годы был заместителем директора Института ядерной физики РАН; доктор химических наук, профессор; академик РАЕН (1992). В его дом в академическом поселке Улугбек в пригороде Ташкента перевезли слепнущую Юлию Николаевну летом 1983 года.

Из письма Юлии Николаевны Э. Семенцовой-Лаевской от 2 июня 1985 года:

Знаете ли Вы, что наша Катюша [внучка сестры – Н.Б.] вышла замуж? Мужу ее, как и ей, осталось еще 2 года учиться в худ[ожественном] училище. Это всех немного беспокоит, но он всем нравится и даст Бог все будет хорошо.

У нас небывало свежее лето.

Андрюшиному [внук сестры – Н.Б.] сынку Алексею 5 месяцев (правнук моей сестры). Господи! Избавь нас от войны!!!!

Целую. Ю.Н.¹⁶

Из письма сестры Юлии Николаевны, Екатерины Николаевны Кист, от 7 июня 1987 года:

Мы сейчас находимся в нашем акад[емическом] стационаре (сын устроил), но сестра настолько сдала, что без слез смотреть на нее больно, хотя делает героические усилия преодолеть свою мученическую жизнь¹⁷.

Последние три года (1986–1988) Екатерина Николаевна жила у Юлии Николаевны на Юнус-Абаде (квартал 13, д. 12) и до последнего часа ухаживала за ней.

Отошла к Богу Юлия Николаевна в окончательной «схиме»: глухая и слепая, до последней секунды молясь и поминая всех близких. Хоронили ее в апостольнике; народу, по воспоминаниям, было много. Похоронили на старом русском кладбище села Троицкого в черте города Чирчика Ташкентской области.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1923 году в Праге Юлия Николаевна познакомилась с Мариной Цветаевой. Она дежурила вместе с сестрой возле нее, когда М.И. Цветаева родила сына Мура. Цветаева писала о ней в своем дневнике: «Юлия (воплощение чистейшего долга во всей его неприкрашенности) в черном платье с широченным ремнем, строгая до суровости, художница, сидела под окном и три часа подряд молча терла наждаком доску для иконы, чем окончательно сводила меня с ума» (*Цветаева М.И.* Неизданное. Сводные тетради / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко. – М.: Эллис Лак, 1997. С. 331–332). (Прим. ВС.)

² Булгаков С., прот. Из памяти сердца. – Орел: Изд-во Орловской гос. телерадиовещательной компании, 2001. С. 115.

³ Булгаков С., прот. Письма к Юлии Николаевне Рейтлингер (1922–1943) // Вестник РХД. 2001. № 182. С. 71.

⁴ В. В. [Вейдле В.] Роспись Медонской церкви // Числа. № 7–8. 1933. С. 257.

⁵ Как пишет о сестре Иоанне ее ташкентская подруга Галина Козловская: «...Во время немецкой оккупации, будучи другом матери Марии, много делала для спасения евреев и обреченных на казнь антифашистов» (Г. Козловская – Г. Абольянину, 29 мая 1991 г.) (*Козловская Г.Л.* Шахерезада. Тысяча и одно воспоминание. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 489).

⁶ Из письма автору от 21.05.2014 г. Архив автора. Публикуется впервые.

⁷ Виктор Николаевич Трусов родился в 1926 г. в г. Капысь Витебской обл. в семье священника. Окончил 7 классов средней школы. В 1942–1943 гг. работал грузчиком на пристани в Черкассах, в 1943–1945 гг. – разнорабочим в Германии, в 1945–1955 гг. – шофером в Марокко, в 1955–1956 гг. – рабочим в Париже. В

1956–1957 гг., по возвращении в СССР, работал грузчиком в Майкопе. В 1957 г. рукоположен во священника, до 1962 г. служил в Краснодарской епархии. В 1962 году переехал в Ташкент. С января по декабрь 1962 г. – священник Свято-Успенского кафедрального собора. Окончил Ленинградскую духовную семинарию. 1965–1986 гг. – настоятель Троицкого храма Ташкента. † 1986 г. (Прим. ВС.)

⁸ «Вступление в свет»: Из писем сестры Иоанны (Ю.Н. Рейтлингер) Элле Семенцовой // Альманах «Христианос». Рига, 2006. С. 241.

⁹ См.: Умное небо. Переписка прот. Александра Меня с монахиней Иоанной (Ю.Н. Рейтлингер). В приложение включены неопубликованные письма о. Сергия Булгакова. – М.: Фонд им. Александра Меня, 2002.

¹⁰ «Вступление в свет»... С. 240.

¹¹ В Ташкенте С.Ю. Завадовская первоначально жила со своей бабушкой.

¹² Из рассказа С.Ю. Завадовской автору.

¹³ См.: [Б.а.] Сегеди Евгений Петрович // Сайт «Кино СССР» (URL: <http://kino-ccsr.net/publ/17-1-0-3569>).

¹⁴ 22 июня 1984 года Г.Л. Козловская писала о сестре Иоанне в письме Т. Кузнецовой: «Юлия Николаевна, художница, глухая с 18 лет, к 82 годам еще и ослепла совершенно. Человек глубочайше религиозный (она монашенка в миру и вернейший друг отца Сергия Булгакова), она сохранила необыкновенно светлый дух и ясность многоохватной мысли» (*Козловская Г.Л.* Цит. соч. С. 198–199). (Прим. ВС.)

¹⁵ Рейтлингер Ю.Н. Последние воспоминания / Публ. и комментарии Н. Портновой // Вестник РХД. 1994. № 170.

¹⁶ «Вступление в свет»... С. 272–273.

¹⁷ Там же. С. 273.

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

*Письма архиепископа Михаила (Чуба) архимандриту Борису (Холчеву)
и монахине Маргарите (Лавровой)*

Публикация О. Илюшкиной и Е. Абдуллаева

...Самая примечательная из них – Мария Петровна Лаврова. Она хирург, но кроме того мастер по изготовлению скрипок, живописец. Потом занялась востоковедением, изучала языки, бросила медицину, работала в Русском музее заведующей восточным отделом. Потом бросила и это ради служения православной религии, уехала с семьей репрессированного священника в Ташкент, там приняла постриг. Вот у меня ее фотография с надписью ее почерком: «Инокиня Маргарита 92 года»*.

Этот небольшой мемуарный отрывок – одно из редких упоминаний о духовной дочери и многолетней помощнице выдающегося среднеазиатского исповедника архимандрита Бориса (Холчева) – матери Маргарите (1870–1967).

Мария Петровна Лаврова (в будущем монахиня Маргарита) родилась в 1870 году в семье орловского помещика**. Окончила Бестужевские курсы, а затем попала на учебу в первый набор женщин-врачей. Хирург с большим стажем, доктор медицинских наук, Мария Лаврова была всесторонне образованным человеком. Знала китайский язык, занималась описанием и исследованием коллекции китайских бронзовых зеркал и текстиля в этнографическом отделе Русского музея***. В 1930 году она подготовила к печати рукопись «Ткани и вышивки Хара-Хото», которая, видимо, осталась неопубликованной****.

* Конисская М. Старые фотографии // Новый мир. 1994. № 4 (URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/3/dnivosp01.html)

** Биография матери Маргариты изложена по: Булгакова Е. Жизнеописание архимандрита Бориса (Холчева), составленное его духовной дочерью // Соль земли. Сост. С. Фомин. – М.: Паломник, 1998. С. 108–142.

*** См. ее статью: Лаврова М.П. Китайские зеркала ханьского времени (Из собрания Русского музея) // Материалы по этнографии. – Л., 1927. Т. 4. Вып. 1. С. 1–14.

**** См. об этом: Кий Е.А. Н.А. Невский и Государственный Эрмитаж // Николай Невский: жизнь и наследие: сборник статей / Сост. и отв. ред. Е.С. Бакшеев и В.В. Щепкин. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 58.

Вероятно, в конце 1920-х годов в жизни Лавровой происходит духовный перелом. Знакомая, работавшая в свое время в Первом вспомогательном психологическом институте в Москве с отцом Борисом Холчевым, рассказала ей об этом незаурядном ученом, который накануне защиты диссертации все оставил и принял сан. Мария Петровна специально приехала из Ленинграда, чтобы познакомиться с о. Борисом. С этого момента жизнь ее изменилась, и впоследствии она стала духовной дочерью о. Бориса Холчева.

В 1931 году о. Бориса арестовали и сослали сначала в Красновишерск, а затем в Сибирь. Мария Лаврова последовала за о. Борисом и поселилась в деревне недалеко от лагеря. Когда отец Борис вышел из лагеря в 1935 году и вернулся в свой родной город Орел, туда же в Орел перебралась и Мария Лаврова, которой тогда было уже 65 лет. Однако оставаться в Орле было тоже опасно: о. Бориса дважды вызывали в ГПУ. По совету отца Сергия (Мечева) отец Борис вместе со своей духовной дочерью переехал в Рыбинск. Отец Борис получил инвалидность, так как у него снова открылся туберкулез и ослабло сердце, кроме того была сильная близорукость.

В 1948 году о. Борис по приглашению епископа Ташкентского Гурия (Егорова) перебрался в Среднюю Азию и стал служить в Фергане. В 1953 году Ташкентскую кафедру возглавил епископ Ермоген. В этом же году он перевел о. Бориса в Ташкент и назначил священником Успенского кафедрального собора. Мария Лаврова все это время сопровождала о. Бориса и заботилась о нем, хотя ей самой в это время было уже 82 года и у нее сильно падало зрение.

В ноябре 1955 года епископ Ермоген совершил постриг о. Бориса в сан архимандрита, а в Рождественский сочельник о. Борис постриг Марию Петровну в рясофор с именем Маргарита.

В 1967 году монахиня Маргарита оставила этот мир и была похоронена на ташкентском Боткинском кладбище рядом с часовней «Всех скорбящих Радость». Через четыре года, в 1971 году, рядом был похоронен ее духовный отец архимандрит Борис (Холчев).

В текущем архиве библиотеки Ташкентской и Узбекистанской епархии хранится небольшой личный архив монахини Маргариты, поступивший из личного архива духовного сына о. Бориса – московского художника Алексея Семеновича Россалья-Воронова (1921–2006)*.

Значительную часть этого архива составляют письма к матушке Маргарите (и одно письмо к архим. Борису) от архиепископа Михаила (Чуба), которые и публикуются ниже. К сожалению, письма самой матушки не сохранились, сейчас ведутся их поиски. Письма владыки охватывают более чем десятилетие: 1953–1964 годы, наиболее сложный в жизни ташкентской епархии период (послесталинской «оттепели» и новых гонений на Церковь при Хрущеве). Хотя жизнь среднеазиатской епархии отражена в них лишь косвенно, письма передают дух этого времени; упомянуты – кроме о. Бориса – и некоторые клирики епархии: архимандрит Серафим (Суторихин) и игумен Павел (Черемухин).

* Алексей Семенович Россаль-Воронов (1921–2006). В 1941 г. окончил Самаркандское художественное училище. Работы в области монументальной живописи, иконописи, графики. Участвовал в оформлении ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора. В 1960 г. перебрался в Москву.

Значительный интерес представляет и личность самого автора писем. Архиепископ Михаил (в миру Михаил Андреевич Чуб) родился 2 марта 1912 года в Царском Селе в семье диакона Андрея Трофимовича Чуба. С детства любил посещать храм, в котором служил его отец (храм Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в Царском Селе). У него рано проявилась любовь к молитве, уединению, чтению святоотеческих творений. Окончил гидрометеорологический институт, а в 1940 году – институт иностранных языков. В совершенстве владел французским, немецким и английским языками, знал и древнееврейский.

Во время войны преподавал в Рыбинске в Танковом училище. В Рыбинске, видимо, произошло его знакомство с Марией Лавровой, перешедшее в многолетнюю дружбу.

В 1950 году Михаил Чуб окончил Ленинградскую Духовную Академию и был оставлен преподавателем общей церковной истории. Особым признанием коллег и студентов пользовались его лекции по истории Древней Церкви.

11 июля 1950 года по благословению митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) Михаил Андреевич был рукоположен во диакона, а на следующий день – во пресвитера к академическому храму во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

В 1953 году о. Михаил принял иноческий постриг с именем Михаила, теперь уже в честь Архистратига Михаила. В конце этого же года состоялось его наречение во епископа Лужского. Исполняя епископское послушание по управлению Патриаршими приходами в Финляндии, епископ Михаил много сделал для престарелых иноков Валаамской обители.

С апреля 1955-го по 1965 год владыка Михаил назначался на разные архиерейские кафедры. Он был епископом Смоленским и Дорогобужским, одновременно управлял Берлинской епархией. С марта 1959 года – епископ Ижевский и Удмуртский. С начала 60-х годов владыка Михаил возглавлял Тамбовскую епархию, после чего назначен епископом Ставропольским и Бакинским.

В феврале 1965 года он рукоположен в сан архиепископа. В сане архиепископа служил на нескольких архиерейских кафедрах: Краснодарской, Воронежской и Липецкой, Вологодской и Великоустюжской. С сентября и до своей кончины архиепископ Михаил управлял Тамбовской епархией.

Одновременно с архипастырскими трудами высокопреосвященный Михаил проводил обширную научно-богословскую деятельность. Его работы, опубликованные в «Богословских трудах», «Журнале Московской Патриархии» и многих других изданиях, свидетельствуют о глубине его богословских исследований и широте интересов. Едва ли не первым из современных русских богословов он отождествлялся на археологические открытия, связанные с историей Кумранской общины.

9 марта 1974 года в Актовом зале Ленинградской Духовной Академии состоялась защита диссертации «Святой священномученик Мефодий и его богословие», представленной архиепископом Михаилом на соискание степени магистра богословия.

Архиепископ Михаил (Чуб) скончался 25 апреля 1985 года в Тамбове.

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

29 декабря 1953 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Мария Петровна!

Пользуюсь совершенно необычайной оказией, чтобы засвидетельствовать Вам мое всегдашнее к Вам уважение, поздравить с наступающим Праздником Рождества Христова и с Новым Годом и пожелать Вам доброго здоровья и всякого благополучия.

Спасибо Вам еще раз за поздравления и за добрые пожелания.

Жизнь я веду теперь, как Лесковская Домна Платоновна, «самую прекратительную» и «все отягчаюсь».

Подробности, полагаю, не откажется сообщить о. Петр¹, которого и уполномочиваю на это дело.

Да хранит Вас Господь.

Ваш епископ Михаил.

2 декабря 1954 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Мария Петровна,

Простите ради Бога столь неисправного корреспондента. Кругом виноват и даже не буду перечислять смягчающих обстоятельств, хотя их много. Я всегда рад Вашим весточкам и никогда не забываю Вашей ласки ко мне в Рыбинске.

Храни Вас Господь.

Чем дальше идет время, тем больше с разных сторон мне приходится слышать об о. Борисе, а потому беру на себя смелость просить Вас засвидетельствовать ему мое глубочайшее почтение и передать наилучшие пожелания.

Прошу также передать привет глубокоуважаемой Елене Петровне².

Искренне Вас уважающий и всегда помнящий епископ Михаил.

О перипетиях моей многопечительной суеты пока не пишу, ибо для меня в данный момент не совсем ясен курс моего корабля: получил иной титул – вместо Лужского Старорусский, но дел финляндских у меня еще не приняли.

Адрес: Ленинград, Обводной канал, 17, кв. 1.

Е[пископ] М[ихаил].

3 марта 1955 г.

Дорогая и милая Мария Петровна,

Корреспондент Ваш по-прежнему крайне неисправен, но заслуживает, м.б., даже большего, чем прежде, снисхождения и сострадания. Финляндские поручения кончились во время моего пребывания в Крыму (это была некая имитация отдыха и лечения) и заменились Новгородскими и Ленинградскими. Это пища тоже довольно твердая. Но уже следующая по порядку сессия Синода решила еще раз изменить «профиль» моей работы. И вот я в Смоленске (в качестве Вяземского) – временно управляющего Епархией. Церковные дела тут в таком положении, что невольно припоминается Пушкинская сказка, один из ведущих персонажей кото-

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

рой осуществлял свои функции «лежа на боку». Золотого петушка тут нет. А потому положение дел грустное.

Как долго и сложно писать, и как бы много можно было наговорить – ну хоть за один часик... Я бы Вам так много рассказал. Мне очень жалко Академии, и приходится уходить оттуда с весьма тяжелым чувством. Дело портится и разваливается в руках лиц, не имеющих понятия о педагогике. И диссертацию все не могу закончить. И в Ленинградской Епархии – по крайней мере, для меня – создалась невероятно трудная обстановка.

М[итрополит] Гр[игорий]³ заставил меня принять участие (в качестве председателя комиссии) в расследовании грязнейших дел, а когда я назвал вещи своим именами, взял под покровительство того, кого сам же хотел было гнать. Гнусно и скверно. Что получится здесь, трудно сказать, но уже сейчас ситуация более чем оригинальна: народ за меня, как говорится, стоит горой, а Епископа Сергия⁴, который получил сейчас отпуск по болезни, прослужившего тут вышеописанным способом более 10 лет, мечтают «выкурить». Таковы времена и нравы. Причем, народ хороший, благочестивый – настолько, что и для «выкуривания» хотят получить санкцию свыше – т.е. в данном случае от меня. Я им этого удовольствия не доставляю, чем, видимо, огорчаю...

Но жить тут все-таки негде. И неоткуда управлять: у меня (вдвоем с келейником) малюсенькая комната, отгороженная фанерой от кухни, на которой все время народ. Ожидают, что дальше будет лучше. Твердо верю в это.

Храни Вас Господь.

Прошу передать мой привет глубокоуважаемому о. Борису. Прошу его молитв. Ваш еп[ископ] Михаил.

В суетлоке от всех дел, я не поблагодарил Вас за поздравления к Рождеству – простите и строго не судите.

21 октября 1955 г.

Дорогая и глубокоуважаемая Мария Петровна,

Вы, я знаю, так милостивы, что не рассердились, наверное, на меня. Столько уж дней прошло, а я не удосужился Вам ответить и поблагодарить за поздравление и ласку. И письмо Ваше от 15 авг. лежит у меня тоже без ответа. Простите ради Бога. Тут вот что получилось: переезд в новое, только что отремонтированное жилище, множество сложных дел и поездка в другой город епархии – вот и завертелся. И это я за собой замечаю уже весьма многократно и по разным поводам: чего только не сделал сразу и отложил «немножко», то и застревает. А дни неумолимо мелькают.

Я очень, очень посочувствовал Вам, что так Вам пришлось страдать от жары: я и здесь-то подчас мучился, т.к. тоже было жарковато, но ведь здесь не Ташкент. В общем, лето было хорошее, а в Ленинграде даже исключительно хорошее. Тот минор, который звучит в Вашем августовском письме, иллюстрируется и здесь многими и яркими примерами; знаете даже, что хочется сказать: такие грустные факты приходится наблюдать в нашем ведомстве, что только приходится дивиться Божиему долготерпению. Мне еще очень немного удалось сделать в смысле упо-

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

рядочения дел в епархии. И опыта у меня нет, и опереться не на кого. Очень мудро. Хотел поехать побольше сам по епархии – не тут-то было: очень хлипкое у меня здоровье и поездка утомляет до невозможности. Так и получилось, что из 53 приходов области я побывал за эти месяцы только в девяти (забыл, что 2 в Смоленске) – все-таки в девяти. Для Ж[урнала] М[осковской] Патр[иархии] умудряюсь урывками писать, а диссертация все на месте. Звали меня нынче в Оксфорд на Патрологическую конференцию, но Патриархия не пустила. Ездили Парийский и еще один из преподавателей Ленинградской Духовной Академии.

А что сделали с о. Петром!⁵ Это прямо-таки возмутительно, говоря по-человечески. Однако, видимо, так должно быть. Чуть не забыл объяснить: св. князь Михаил – мой покровитель от колыбели, но с момента пострига я наречен в честь Архистратига.

Храни Вас Господь. Еп[ископ] Михаил. Пишите.

Всегда помню Вашу ко мне ласку и внимание и всегда рад получить от Вас весточку.

Пожалуйста, напишите мне, когда день Ангела о. Бориса: в мае или в июле. Как его здоровье?

22 октября 1955 г.

Глубокоуважаемый отец Борис,

Примите самую сердечную благодарность за внимание. Меня при постриге переименовали в честь Архангела, но я, как и раньше, свято чту моего небесного заступника, которому меня поручили родители в младенчестве.

Искренне желаю Вам всякого блага душевного и телесного.

Епископ Михаил.

Простите, что, за множеством дел, так задержался с ответом.

17 декабря [1955 г.]

Глубокоуважаемая Мария Петровна,

Примите мою запоздалую, но самую искреннюю благодарность за поздравление и добрые, ласковые пожелания.

Прошу поздравить высокочтимого отца Бориса. Вы совершенно правы, что постриг имеет именно *потрясающее* действие. Про себя скажу, что я его пережил больше и сильнее (и в значительной степени), чем даже архиерейскую хиротонию. Кто же Ангел о. Бориса?⁶ Буду очень благодарен за новую весточку: меня живо интересует – как и что.

Я изнемогаю от множества дел, плохо организую порядок дня, везде «хвосты» и недоделки – и большие и маленькие.

Неохота ссориться с Редакцией: все подбавляют работы, но это, конечно, тоже сильно тормозит мою бедную диссертацию.

Какая у вас зима: тут сильно морозит и крепко дует.

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

Будьте здоровы и хранимы Богом. Самый сердечный привет о. Борису.
Епископ Михаил.

24 января 1956 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Мария Петровна,

Сердечное спасибо Вам за поздравление, за ласку. Как всегда, опаздываю с ответом. Но Вас не забываю. Нового у меня ничего нет: ставшая хронической нехватка времени иногда наводит грусть. И дела-то все не интересные – в большинстве своем. «Заказов» из редакции «Ж[урнала] М[осковской] П[атриархии]» много. И ссориться с ними не приходится, и, вместе с тем, это еще больше меня перегружает. Про о. Петра [Черемухина] действительно подумать больно. И новый митрополит все хворает⁷.

Храни Вас Господь. Епископ Михаил.

Прошу засвидетельствовать мое глубокое уважение о. Борису.

Всегда рад весточке от Вас.

1 сентября 1956 г.

Дорогая и глубокоуважаемая Мария Петровна,

Спасибо Вам за письмо. Пишу очень кратенько: помолитесь за путешествующего. Опять я въехал в полосу путешествий.

Началось с англичан, которые к нам приехали в июле, – делегаты Английской Церкви для переговоров о возможности воссоединения. Мне пришлось и в конференции участвовать, и везде с ними бывать⁸. А теперь посылают в Германию на неск[олько] дней⁹, после чего надо лететь в США, якобы не надолго. Все это, сами понимаете, очень сильно перегружает. И по епархии дел хватает. Диссертация моя плачет.

Глубоко сочувствую Вам по поводу жары: сам с большим трудом ее переносу. Теперь-то хотя бы полегчало!?. А здесь июнь был жаркий – и тем и кончилось: дождей больше, чем солнца.

Помоги Господь о. Борису в его хлопотах. Кто это у вас там игумен Серафим Бушуев? Он прислал мне письмо – очень хорошее – в связи с опубликованными в Ж[урнале] М[осковской] П[атриархии] выдержками из писаний Старца Силуана¹⁰.

Призываю на Вас Божие благословение.

Епископ Михаил.

2 января 1957 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Мария Петровна,

Примите мое поздравление с приближающимся Великим Праздником Рождества Христова, с Новым Годом, и лучшие пожелания.

Теперь у меня все так завертелось, что сами видите, с каким невероятным опозданием собрался ответить Вам, поблагодарить Вас за поздравления, за молитвы,

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

за ласку. Простите ради Бога. Письмо Ваше, к сожалению, пришло в Смоленск 22/ XI и уже не застало меня дома. Я тут все разъезжаю. И, действительно, чуть было не уехал в Америку. Но, по Вашим молитвам, это пренеприятнейшее путешествие, надо полагать, отменено совсем. Зато хватает всего другого. С 1957 г. должен, наконец, начать свое существование научно-богословский сборник (2 раза в год по 20 печ. листов)¹¹. Меня к этому делу уже пристегнули. Вот и хлопочу. Осуетился совсем. Сейчас возвращаюсь из «кругосветной» поездки: Смоленск–Москва–Ленинград–Смоленск. Побывал и у Папы¹². Очень редко теперь приходится бывать в Толмачеве.

Да хранит Вас милость Господня.
Ваш Еп[ископ] Михаил.

О. Борису прошу передать сердечный привет. Перечитал Ваше письмо и снова совестно стало: не поздравил Вас, хотя бы с опозданием, с вступлением в новое годичное поприще Вашей жизни.

Господь да укрепит Ваши силы.
Е[пископ] М[ихаил].

Забыл объяснить, что, накопив за время предыдущей поездки целую гору неотвеченных писем, вожу их с собой и пишу ответы в поезде. За что и прошу простить.

7 февраля 1957 г.

Всечестная Матушка Маргарита,

Примите мое приветствие с великим даром благодати Божией, воспринятым Вами. Да благословит Вас Господь и да укрепит на молитву.

Напишите, есть ли у вас небольшая Валаамская книжечка «Аскетизм и монашество», изданная в 1943 г.? Если нет, с удовольствием пришлю.

Как сейчас себя чувствуете? И что представляет собой нынешняя ташкентская зима? Здесь сплошные оттепели и зимы в собственном смысле слова нет.

Спрашиваете про сборник¹³. Было у нас учредительное собрание (общее руководство принадлежит м[итрополиту] Николаю, но председателем редколлегии назначили меня). Программу сейчас довольно мудро установить. Основная задача сейчас – привлечь к делу авторов, способных давать ценный материал. О. Петра опять обидели: предполагалось, что он будет в составе редколлегии, а потом вычеркнули. Самое возмутительное, что, не дождавшись окончательного решения, один из москвичей поспел «брякнуть» о. Петру, что его назначили в состав коллегии... Он все это, конечно, тяжело переживает. Но писать ему не возбраняется.

Суэта моя продолжается. Виноват здесь, конечно, больше всего я сам: не умею планировать по-настоящему свое время и бросаюсь с одного на другое, часто не доведя до конца начатое. Вот и получается суэта – и наружная и внутренняя. И, главное, очень мало внимания уделяю молитве.

Прошу молиться о моем достоинстве.

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

О. Бориса благодарю за привет и взаимно шлю ему свой с просьбой о молитвах.

Да благословит Вас Господь.

Еп[ископ] Михаил.

Не поблагодарил за поздравление там, где следовало – в начале письма: благодарю в конце.

[10-е числа января 1960 г.¹⁴]

Всечестная Матушка Маргарита,

С большим опозданием отвечаю на Ваше письмо. За опоздание простите меня великодушно и примите мой самый сердечный Рождественский и Новогодний привет с лучшими молитвенными благожеланиями.

С о. Серафимом я был знаком до настоящего времени только заочно, а теперь узрел его и воочию. Мне он пришелся по душе. Но я так и не знаю, увенчались ли каким-нибудь успехом его поиски¹⁵. Полагаю, он Вам расскажет о моем здесь бытии. Краткое резюме всего, бывшего здесь со времени моего переезда и до настоящего момента, сводится к продолжению уже знакомой Вам по моим прежним письмам темы – суэта бесконечная. Совсем осуетился. В этом плане меня постигло большое разочарование: перебираясь сюда, я думал было, что еду в благоустроенную «устоявшуюся» Епархию (по сравнению с разоренной войною Смоленщиной, которой Паустовский дал очень меткую характеристику: «буйная»). К сожалению, мои мечты о благоустройении здешних церковных дел и обстоятельств быстро разлетелись, яко дым; пришлось и тут запрягаться и приниматься за исключительно неблагоприятную работу церковного администрирования. Правда, я здесь избавился от невероятной суеты прежних лет, когда меня Патриархия использовала для всяких поручений по лицу чуть ли не всей земли. Но переутомление минувших лет сказывается – нет уже прежней работоспособности, глаза часто болят и надолго выводят из строя, а полечиться толком некогда. Даже по Епархии очень мало ездил. И ужасно грустно, что и здесь пока не имею возможности заняться любимым делом – взяться за перо.

Вот так много я написал о себе. А Вас очень прошу, когда у Вас будет хотя небольшая к тому возможность, давать о себе хотя краткую весточку.

Да хранит Вас и в 10-ом десятилетии Божия неоскудевающая благодать.

Ваш Епископ Михаил.

Сердечный привет глубокоуважаемым о. Борису и о. Серафиму.

10 декабря 1960 г.

Всечестная Матушка Маргарита,

Примите мою самую сердечную благодарность за память и внимание. Вы очень, очень растрогали меня Вашим поздравлением.

Прошу Вас передать мою благодарность за поздравление глубокоуважаемому о. Борису. Усердно желаю Вам, крепостию и силою Божией благодати, возмочь и

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

впредь о Господе – и в следующем десятилетии Вашей жизни. А с исполнившейся уже знаменательной датой сердечно поздравляю и шлю лучшие пожелания.

О переменах в Ташкентской епархии я узнал один из первых, т.к. в те дни, когда решался этот вопрос, был в Москве по делам своей Епархии¹⁶.

Я ни здоровьем, ни успехами в епархиальных делах хвастаться не могу. Суе-чусь много, а толку не видно. В мае почувствовал себя нехорошо, ездил лечиться в Крым, а затем был в Одессе (в Филатовском институте). И теперь продолжаю похварывать. А в октябре меня постигло горе – скончался мой папа, прослуживший Церкви Божией 70 лет – пришел на клирос церковный 10-летним мальчиком и так и остался в Церкви. Я отпевал папу в Толмачеве (быв. ст. Преображенская), где он прослужил последние 12 лет, а похоронил в Ленинграде на Шуваловском кладбище, рядом с мамой. В эту поездку впервые встретился с Владыкой Гурием¹⁷. Он принял меня, как близкий родной. А в Москве я познакомился с Владыкою Стефаном¹⁸.

Вот мои новости.

Дай Вам Господь в мире и здравии встретить грядущие святые и спасительные дни. Прошу передать лучшие пожелания о. Борису.

Божие благословение да пребывает с Вами.

Еп[ископ] Михаил.

Сборник вышел, по-видимому, в очень ограниченном числе экземпляров¹⁹. Я, например, на Епархию получил два. Там есть статья о. Павла Черемухина. Второй том готовится. А о моих «трудах» даже и говорить не хочется – проектов достаточно, толку почти никакого. (Правда, есть смягчающие обстоятельства – в первую очередь непорядок с глазами).

Все же мечтаю что-нибудь сделать.

7 февраля 1961 г.

Всечестная и дорогая Матушка Маргарита,

Уже не первое письмо мне приходится начинать с крайне шаблонной просьбы извинить меня за опоздание. Даже еще хуже: не только опаздываю с ответом на Ваше письмо, но и не удосужился вовремя Вас приветствовать с праздником (сначала «думал» написать, потом спохватился, что, вероятно, будет от Вас письмо и на него отвечу – и вот – отвечаю...).

Словом – простите.

Самый сердечный взаимный молитвенный привет соединяю с моей благодарностью Вам и глубокочтимому о. Борису.

Очень тронут Вашей заботой обо мне и вниманием к моим переживаниям.

Сейчас пишу с дороги: мне нужно было съездить на очередную консультацию к окулисту (в Одессу) еще в октябре или ноябре. Но кончина папы и мой случившийся тогда грипп помешали.

Выбрался только после Крещения, а сейчас неск[олько] дней нахожусь в Москве с тем, чтобы к Празднику 3-х Святителей уже быть дома.

Консультации в Одессе шли очень удачно, без задержек, но результат не из уте-

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

шительных: проф[ессор] В. Шевелев, изучив все наличные материалы и сам осмотрев меня, пришел к выводу, что положение превосходное, т.к. началась атрофия зрительного нерва. Он предложил сейчас курс лечения, а ближе к лету придется ехать в Одессу и лечь в клинику; он обещал заняться мною сам.

Хотя я и очень неисправный корреспондент, но всегда радуюсь Вашей весточке. Пишите о себе и будьте здоровы и Богом хранимы. Дай Господь хорошо встретить грядущее поприще В[еликого] Поста и воспринять обильно льющуюся в эти святые дни Христову благодать.

Божие благословение да будет неотступно с Вами.

Ваш епископ Михаил.

О. Борису сердечный мой привет.

Второй выпуск подготавливается. Что касается меня, то я, как говорится, стараюсь, но не знаю, что получится. Где сейчас служит о. П. Черемухин? Я давно-давно ничего о нем не слышу (кроме прекрасной работы, напечатанной в Сборнике)²⁰.

Е[пископ] М[ихаил]

27 апреля [1961 г.]

Воистину воскрес!

Всечестная и глубокочтимая матушка Маргарита,

Примите мою сердечную благодарность за поздравление и взаимный молитвенный Пасхальный привет с лучшими пожеланиями.

Прошу передать мою благодарность и праздничный привет о. Борису.

Про дела и обстоятельства в Ваших краях подробностей я вовсе не знаю, и буду очень признателен Вам, если вкратце сообщите мне об этом²¹. У меня последние недели оказались перенасыщенными непредвиденными делами, которые переплелись в довольно причудливый клубок вместе с моими немощами и привели в общем результате к тому, что Страсти и Светлую Пасху я встретил в келье, затем – весьма недостаточно подлечившись – сдал дела по Иж[евской] Епархии соседу (Епископу Поликарпу Кировскому) и поехал к указанному мне новому месту, где мне поручено временное правление (ввиду длительной болезни архиепископа Иоасафа)²². Я уже принял там дела и послужил, а сейчас надлежит переселяться с книгами, с архикотом и архипсом... Задача не из легких. Все усложняется нездоровьем. В дополнение ко всему прочему имел еще «удовольствие» последнюю поездку проделать с медленно назревавшим нарывом в левом ухе. Теперь он к счастью прорвался (наружу!) и я начинаю чувствовать себя человеком.

Всещедрый Всемиловитый Господь наш да сохранит Вас своею благодатию.

Еп[ископ] Михаил.

Я всегда очень рад Вашей весточке. Где же будет сейчас совершать свое плавание о. Серафим?²³ При случае прошу передать ему мой сердечный привет.

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

29 июля 1962 г.

Всечестная и глубокоуважаемая Матушка Маргарита, шлю Вам самый сердечный Тамбовский привет и все самые лучшие пожелания. Часто Вас вспоминаю, и с величайшим удовольствием побеседовал бы с Вами.

Приходится обходиться в обычных условиях бумагою и чернилами, а при данной оказии – представившейся возможностью, которую и использую по возможности.

Искренний привет о. Борису.

Господь да благословит Вас и да хранит Своею Милостию.

Еп[ископ] Михаил.

[20-е числа марта 1963 г.²⁴]

Дорогая Матушка Маргарита,

Отвечаю на Ваше письмо от 18/II с ужасной задержкой – простите.

На Сретение я был в Баку; оттуда, не заезжая в Ставрополь, проследовал в Москву, где меня загрузили срочной работой для редакции. И я так был занят выполнением этого «задания», что ни дня, ни ночи не видел и потерял счет чисел. Начало Поста ставропольцы должны были обходиться сами, и вот только теперь добрался до них. В промежутках между неотложными делами отвечаю на письма. Погода и здесь нестандартная – даже снег есть; днем тает, ночью мерзнет. Как у Вас? Особенности климата пока не дали себя знать, но лето должно будет сказать решающее слово: могу ли вообще здесь быть. Анекдотическая сторона дела заключается в том, что я, если бы даже сильно хотел, не могу сюда переехать, ибо то, что здесь есть, скоро перестанет быть (имею в виду помещение), а будет иное.

Да будет всегда в душе Вашей «крепкое утешение» от Господа. И да сподобимся все мы в мире встретить Его спасительную страсть и Воскресение.

Молитвенно с Вами Еп[ископ] Михаил.

Благодарю о. Бориса за привет и шлю ему взаимный.

Получил ли о. Борис 2-ой выпуск «Богословских трудов»?

В ближайшие недели буду в Ставрополе (ул. Голенева, 67).

23 апреля [1963 г.²⁵]

Воистину воскрес Господь наш!

Дорогая Матушка Маргарита, сердечно благодарю Вас за поздравление и шлю взаимный Пасхальный привет.

Глубокоуважаемого о. Бориса также благодарю за память и, в свою очередь, приветствую с Пасхальной радостью. Из всех полученных мною Пасхальных поздравлений, Ваше самое трогательное. Да будет с Вами благодатная помощь Божия.

Есть ли у Вас «обслуживающий персонал»? Это ведь очень серьезный вопрос.

Я довольно много служил (надо бы было еще чаще, но у меня из-за лени и привычки давать себе поблажки по любому поводу и даже без поводов, это не выходит). Вот Страстную провел в Ставрополе и первые три дня Святой, чередуя служ-

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

бы в здешних храмах. Затем денек отдыхал, а потом отправился в поездку, из которой только что вернулся; служил в Пятигорске, в храме Св. Праведного Лазаря, который стоит у подножия (вернее, уже на самом подножии) горы Машук, где была дуэль Лермонтова (не очень далеко от храма). Место дуэли прекрасно оформлено (слово это мне не нравится, но употребляю его для краткости), и там трудно быть без душевного смятения. Первоначальное погребение поэта было на Лазаревском кладбище. Затем служил в Железноводском молитвенном доме. Там мне особенно понравилось. И природа в Железноводске особенно хороша. Зелени на деревьях еще нет (только кусты зеленеют), но в лесу под ногами дивный ковер цветов.

В Фомино воскресенье служил в Кисловодске. Это – почти что фешенебельный курорт. Местами город напоминает любимую мною Ялту.

Зима на Сев[ерном] Кавказе была более суровой, чем обычно. И весна задержалась. Сейчас шли отчаянные дожди; только к вечеру субботы разъяснело. Праздник Светлый прошел в спокойной обстановке. И я, конечно, очень доволен. Как было у Вас?

Вот я как много Вам написал, в надежде на то, что Вам кто-нибудь прочтет мои каракули, которые, по-моему, нисколько не лучше Ваших (убеждаюсь, что из меня ни при каких обстоятельствах не выработается каллиграф).

Божие благословение да будет с Вами.

Ваш Еп[ископ] Михаил.

Буду стараться не пропустить Ваше имя в моих недостойных молитвах – а Вас прошу о себе. М[ожет] б[ыть,] достану и пришлю Богословские труды № 2.

Относительно литературной работы: хорошо бы, но...

7 октября 1963 г.

Всечестная и дорогая матушка Маргарита,

Получил Ваше письмо от 2/Х и сразу же отвечаю (пока не отправился в очередную поездку).

Знаете ли, какое совпадение получилось. Сегодня же пишу ответ на запрос, очень сходный с теми стонами, которые издает Ваша душа. Пишет мне старец – пенсионер из Тамбовской епархии, находящийся, примерно, в Вашем положении, и просит совета, чем ему заняться. Очень трудно давать советы в такой обстановке.

Я только всегда, как зайдет речь на эту тему, с благоговением вспоминаю несокрушимое мужество моего великого друга (как он сам изволил обозначить наши отношения), а по духовным дарам и по возрасту – отца: покойного уже Владыки Луки²⁶. Абсолютно слепой – служил (конечно, с помощью окружающих), проповедовал (или готовил проповедь, и ее читали, если он не мог быть за службой) и управлял Епархией, не сдаваясь до самого конца. И утверждал (и «истинно есть свидетельство его»), что внутреннее зрение его в этот последний период жизни обострилось.

Но это, конечно, явление совершенно уникальное. Между прочим, по складу своего характера и по заряду всей жизни, он был далек от всего, что входит в область мистики.

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

М[ожет] б[ыть] и у Вас внутренние предпосылки такие, что Иисусова молитва «не дается» Вам. Если бы удалось овладеть этим искусством из искусств, безусловно, было бы легче. Но это не всем дано. И нужен опытный руководитель.

Если бы Вы знали, как мне хочется присоветовать Вам что-нибудь дельное. Но меня на это буквально не хватает. Иметь какую-либо «лектрису»²⁷, вероятно затруднительно. Хотя бы на часик-другой? Чтобы потом можно было переживать прослушанное?

А насколько Вы хорошо помните Евангелие, чтобы самой себе рассказывать (в уединении – в обстановке, которую опытные старцы рекомендуют для занятия Иисусовой молитвой) – со всеми подробностями, главу за главой, останавливаясь мыслью на каждой фразе и каждом даже слове, может быть, пытаюсь иногда представить себе вспоминаемое... И все надо себе толковать – не торопясь.

Чувствую, что впадаю в грех присвоения себе прав на то, чего у меня нет ни капли: духовного опыта. Но это все из самых добрых побуждений.

Всегда рад Вашей весточке – хотя бы из 2-3 строк.

Божия благодать да пребывает с Вами.

Сердечный привет о. Борису. Еп[ископ] Михаил.

3 декабря 1963 г.

Всечестная Матушка Маргарита, сердечное Вам спасибо за поздравление.

Часто молитвенно Вас вспоминаю и чем дальше живу, тем больше убеждаюсь в значительности, силе и действенности взаимных молитв. А потому и Вас усердно прошу о молитвах за мое недостойнство. Часто впадаю в большую рассеянность и подолгу пребываю в ней.

В Епархии дел как всегда много. В течение последних недель никуда из Ставрополя не ездил. Последняя поездка была в Пятигорск на престольный праздник в храме Св. Праведного Лазаря (17 окт. ст[арого] стиля). Праздник, проникнутый светом Воскресения, был чудесный и торжественный. Я, вообще, очень люблю такие праздники, хотя и утомительно бывает.

Напишите мне, надо ли писать Вам такими буквицами? Или Вам читают, а потому можно писать и мельче?

Прошу передать мою благодарность за приветствие о. Борису.

Божие благословение да хранит Вас.

Епископ Михаил.

Всегда рад Вашей весточке.

Адрес: Ставрополь, улица Мира, 126.

12 января 1964 г.

Всечестная Матушка Маргарита,

сердечное спасибо Вам и о. Борису за поздравление. Взаимно поздравляю Вифлеемской радостью и Иорданской благодатью. Шлю наилучшие пожелания.

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

Р[ожество] Х[ристово], по милости Божией, встретил хорошо, в молитвенном торжестве. Сейчас пока никуда не путешествую – служу в Ставрополе.

Божие благословение да пребывает с Вами.

Епископ Михаил.

Спрашиваете о моих впечатлениях от нового места пребывания.

Я ведь уроженец Севера и люблю Север, а потому привык воспринимать южные особенности лишь в порядке временной смены впечатлений. И по этой причине чувствую себя здесь «не совсем дома»: летом очень жарко, а зимой – не зима. Правда, сейчас есть чуточку снежку, бывает хороший иней, но – того и гляди – пойдет дождь с туманом и слякотью.

Зрение пока стабилизировалось: прошел курс лечения летом в Тамбове. Сейчас принялся лечить зубы, с которыми катастрофическая неурядица.

Примите сердечный молитвенный привет.

Е[пископ] М[ихаил].

31 мая 1964 г.

Дорогая и глубокоуважаемая Матушка Маргарита,

19 мая я ответил Вам очень кратко, т.к. совсем не было времени для более подробного письма. И сейчас, правда, избытка времени нет, – но я хочу немного добавить к уже написанному.

От всей души желаю Вам облегчения в обуревающих напастях. Как сейчас состояние здоровья Елены Петровны? Наверное, у Вас уже очень тепло, а м[ожет] б[ыть] уже и жарко. Здесь тоже начинает «подогревать», но, слава Богу, с чудесными прохладными антрактами по ночам. Дожди, довольно обильно промочившие землю в минувшие недели, радуют и землю и земледельцев.

Кратенко о себе: объежусь суетою со всех сторон и так погружаюсь в ее волны, что временами даже не сознаю этого. В текущем году расписание моих Пасхальных служб было несколько иное, чем в прошлом: тогда я задался целью послужить как можно больше (на Святой Неделе) за пределами кафедр[ального] города. Нынче этого не делал, т.к. изрядно утомился. Съездил только в близлежащий город Невинномысск, а все остальные дни был в Ставрополе. Но затем (уже на Мироносицкой неделе) предпринял большое путешествие и совершал богослужения в Нальчике и в Прохладном (это города Кабардино-Балкарии. Нальчик – столица Республики, очень красивый и зеленый); затем поехал в столицу Дагестана – гор. Махачкала. Здесь я побывал впервые. Службы были очень торжественные, с множеством народа. Утомление большое, но и удовольствие духовное огромное. Всегда проповедую, только чувствую, что остаюсь сам неключимым²⁸.

Молитвенно желаю Вам бодрости духа и Божией помощи.

Ваш Епископ Михаил.

Прошу передать мой привет о. Борису. Сегодня в Одессе должна быть хиротония архимандрита Антония Мельникова²⁹.

Всегда рад Вашей весточке.

3 октября 1964 г.

Всечестная и дорогая о Господе Матушка Маргарита,

Простите меня, что так долго не отвечаю. Передо мной лежат оба Ваши письма: от 13/VIII и второе от 19/IX. Терзаюсь угрызениями совести, но все же пишу. Был, правда, сильно занят, но все-таки мог, конечно, ответить и раньше. Сердечно благодарю Вас за внимание к моим немощам и за интерес к моим движениям. На месте я, в самом деле, сижу мало. В отпуск уезжал как раз в то время, когда, по моему расчету, здесь должна была начаться сильная жара, которой не переношу. Но, как оказалось, в этом году здесь особой жары не было, а было много дождей. После отпуска я побыл в Ставрополе очень немного – и опять путешествовал: был, как Вы уже знаете, не только в Москве и в Лавре, но и в Ленинграде. На этот раз к дорогим могилкам собрались небольшой группой те немногие, которые еще хорошо помнят Папу, а некоторые – и Маму. И мы вместе помолились. Мне довелось, в первый раз в жизни, послужить в Троицком соборе Александро-Невской Лавры (он сейчас имеет status приходского храма). И я испытал здесь совершенно особенные чувства: ведь в этом храме хиротонисан был и во диакона и во иерея мой отец, бывший до того певцом в Лаврском хоре. А я, мальчиком и юношей, очень любил бывать в этом соборе (до его закрытия). Праздник св. благоверного князя Александра был нынче отпразднован с особым торжеством: нас было 6 архиереев. Сейчас служу пока только в Ставрополе, но, конечно, надо думать о новых поездках по Епархии для служения. Я еще во многих городах (не говоря о селах и станицах) ни разу не был.

Зато побывал недавно в самом сердце гор (Архыз, который по праву называют жемчужиной Кавказа). Это такая красота, которую описывать трудно – «яко возвеличишися дела Твои Господи».

Там сохранились, между прочим, руины древних христианских храмов и целого города, бывшего, по всей видимости, столицей Аланской митрополии, основанной византийскими миссионерами еще в 10-м веке. Таким образом, в пределах Ставропольской Епархии хранятся вещественные памятники христианства 1000-летней давности. Там ведутся соответствующие научные археологические раскопки, а один из храмов (самый древний и не тронутый ни одной из позднейших реставраций) даже восстанавливается (как памятник архитектуры). Я пробыл там около 3-х суток и все время чувствовал себя как бы в другом мире. А какие там деревья! Причем сейчас все расцвечено красками осени, сочетающимися с хвоей елей, сосен и пихт.

Словом, «один восторг»...

Господь да благословит Вас Своею милостию, да укрепит и да сохранит Вас в мире и в благодати.

Глубокопочтимоу о. Борису шлю сердечный привет и лучшие молитвенные пожелания.

Ваш Епископ Михаил.

Еще раз прошу простить за задержку. Я всегда очень рад Вашей весточке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду упоминающийся далее в переписке игумен (в те годы – иеромонах) Павел (в миру – Петр Александрович Черемухин, 1905–1991), служивший с 1957 года в ташкентском Александро-Невском храме.

² Елена Петровна Башкирова, бывшая сослуживица Марии Петровны, врач, жившая вместе с ней в Ташкенте.

³ Митрополит Григорий (Чуков, 1870–1955), бывший в то время председателем Учебного комитета при Священном Синоде (1946–1955).

⁴ Епископ Сергей (Смирнов, 1883–1957), возглавлявший Смоленскую кафедру с 1944 по 1955 годы. По описываемым в письме событиям – назначению 5 апреля 1955 г. владыки Михаила на Смоленскую кафедру – определен и год, к которому относится это письмо.

⁵ В эти годы (1953–1957) о. Павел (Петр Черемухин) учился в Ленинградской Духовной Академии. Какой случай имеет в виду владыка Михаил, неизвестно.

⁶ В 1955 г. отец Борис Холчев был пострижен епископом Ташкентским и Среднеазиатским Ермогеном (Голубевым) в монашество, 26 ноября 1955 г. им же возведен в сан архимандрита. Об этом, вероятно, сообщалось в не сохранившемся письме сестры Маргариты владыке Михаилу. О том, что при пострижении о. Борису было сохранено его прежнее имя, она, вероятно, не сообщила, – отсюда и вопрос владыки о новом, монашеском, имени («Кто же Ангел о. Бориса?»). По дате пострига определен и год, к которому относится это письмо.

⁷ Какой «новый митрополит» имеется в виду, выяснить не удалось.

⁸ С 16 по 23 июля 1956 г. в Москве проходило Собеседование богословов Англиканской и Русской Православной Церквей. Пленарное заседание открывал обширный доклад епископа Михаила, обозревающий историю взаимоотношений двух Церквей. См. об этом подробнее: *Уваров Сергей, диак.* Роль епископа Михаила (Чуба) во внешних церковных связях Русской Православной Церкви в 1955–1960 годах // Сайт Храма Воздвижения Креста Господня на Чистом Вражке. 22 июня 2016 г. (<http://www.hramkresta.ru/?p=5339>)

⁹ Речь идет о посещении епископом Михаилом 8-го Съезда Христианско-демократического Союза (ХДС) Германии с 11 по 15 сентября 1956 г.

¹⁰ Игумен Серафим (Бушуев Сергей Петрович). Род. в 1902 г. в г. Добрянский завод Пермской губ.; окончил 5 классов Екатеринбургской мужской гимназии. В 1938 г. рукоположен во иеродиакона, в 1939 г. – во иеромонаха. В 1937–1954 гг. служил священником в церквях Харбина. В 1955–1957 гг. – священник Св.-Троицкого храма Ташкента; в 1957–1961 гг. – ташкентского Свято-Успенского собора. В 1961 г. вышел за штат. † 1974 г. (Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии, Л/Д № 52). Речь идет о статье: *Михаил (Чуб), еп.* Из поучений старца Силуана // ЖМП. 1956.

№ 2. С. 54–58; № 3. С. 42–49. *Старец Силуан* – преп. Силуан Афонский (1866–1938).

¹¹ Имеется в виду альманах «Богословские труды», который был создан только в 1959 г. и стал выходить не два раза, а раз в год (первый выпуск – 1960 г.). Владыка Михаил внес значительный вклад в становление этого издания. В нем был также напечатан ряд статей владыки о сщмч. Мефодии («Святой священномученик Мефодий и его богословие», №№ 10, 11; «К вопросу об источниках богословия св. священномученика Мефодия», № 13; «Предание Церкви в богословии св. Мефодия» и «Греческая философия и литература в творениях св. Мефодия», № 14).

¹² Отец владыки Михаила, о. Андрей Трофимович Чуб (†12 октября 1960 г.).

¹³ Альманах «Богословские труды».

¹⁴ Дата определена по штемпелю на конверте.

¹⁵ Речь идет об одном из самых известных и авторитетных клириков Ташкентской епархии тех лет, о. Серафиме (Суторихине, 1901–1979). С 1948 по 1978 гг. он служил в самаркандском Свято-Георгиевском храме (с 1958 года – настоятелем). 31 мая 1959 года был возведен архиепископом Ермогеном в сан архимандрита. Вероятно, имеется в виду неблагоприятная ситуация, сложившаяся в 1960-м в Самарканде вокруг о. Серафима (на пике антирелигиозной кампании), в результате которой 11 марта 1961 г. о. Серафим был снят с регистрации, т.е. лишен права совершать богослужение и заниматься пастырской деятельностью.

¹⁶ Имеется в виду произошедшее в сентябре 1960 г. удаление с Ташкентской кафедры епископа Ермогена (Голубева) и назначение на нее епископа Гавриила (Огородникова).

¹⁷ Митрополит Гурий (Егоров; 1891–1965) – епископ Ташкентский и Среднеазиатский (1946–1953), архиепископ Саратовский и Сталинградский (1953–1954), Черниговский и Нежинский (1954–1955), Днепрпетровский и Запорожский (1955–1959), митрополит Минский и Белорусский (1959–1960). На момент встречи с ним владыка Михаил – митрополит Ленинградский и Ладужский (сентябрь 1960 – ноябрь 1961).

¹⁸ Вероятно, речь идет о епископе Стефане (Никитине, 1895–1963), на тот момент епископе Можайском, викарии Московской епархии. Матушка Маргарита могла его хорошо знать, т.к. еп. Стефан, так же, как и о. Борис, относился к «маросейскому братству», а в первой половине 1950-х служил в Средней Азии, в том числе и в Ташкенте.

¹⁹ Первый выпуск «Богословских трудов» (1960). Сборник вышел довольно скудным по тем временам тиражом 5 тыс. экземпляров.

²⁰ Павел (Черемухин), иером. Константинопольский Собор 1157 года и Николай, епископ Мефонский // Богословские труды. № 1. – М., 1960.

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..»

²¹ Имеется в виду, вероятно, усилившийся натиск на Церковь и сокращение числа приходов после удаления с Ташкентской кафедры епископа Ермогена (Голубева) в сентябре 1960 г. Это коснулось и о. Бориса, которому было строго запрещено вести какие-либо огласительные беседы.

²² *Епископ Поликарп (Приймак)* в 1957–1962 гг. был епископом Кировским и Слободским. Архиепископ Иоасаф (Журманов) был предшественником владыки Михаила по Тамбовской кафедре. По дате назначения владыки Михаила на Тамбовскую кафедру (1961) определен и год, к которому относится это письмо.

²³ По всей видимости, владыка Михаил интересуется, как отразится смена правящего архиерея епархии на о. Серафиме.

²⁴ Дата определена по штемпелю на конверте.

²⁵ Год определен по времени назначения владыки

Михаила епископом Ставропольским и Бакинским (в письме описываются первые впечатления от объезда городов епархии) и дате празднования Пасхи в 1963 году – 12 апреля (по н.с.). В следующем, 1964 г., Пасха праздновалась 3 мая по н.с., а в 1965 г. – 25 апреля по н.с. – все это позже указанного в письме числа – 23 апреля, – в котором владыка Михаил благодарит матушку Маргариту за Пасхальные поздравления.

²⁶ *Архиепископ Лука* (Войно-Ясенецкий, 1877–1961), прославлен в 2000 году как исповедник в сонме новомучеников и исповедников Российских. В июне 1961 г. епископ Михаил был командирован в Симферополь совершить погребение архиепископа Луки.

²⁷ *Лектриса* (устар.) – женщина, в обязанности которой входило чтение вслух кому-либо; чтница.

²⁸ *Неключимый* (церк.-слав.) – бесполезный, негодный.

²⁹ *Митрополит Антоний* (Мельников, 1924–1988).

Светлана ЖУКОВА

Самаркандские портреты

Из архивных фондов Самаркандского краеведческого музея

Дмитрий Леонтьев – зарафшанский арык-аксакал

В 1980-е годы, когда в Самарканде создавался Областной краеведческий музей, его сотрудники занялись сбором экспонатов. Выезжали в экспедиции по районам, собирали материал у старожилов города. Люди охотно делились воспоминаниями и передавали в фонд музея свои документы, фотографии, личные вещи.

Среди таких людей была и Валентина Николаевна Скорбачёва. В конце XIX века ее семья переехала в Самарканд из Нижегородской губернии, приобрела участок земли, и построили на нем большой дом с флигелем в Офицерском переулке (ныне – улица Юсуф-хос-Ходжиб). Семья была большой, были в ней и педагоги, и врачи. Их документы, среди прочих, хранятся в фондах Государственного музея-заповедника. Среди этих бумаг оказалась тонкая папка, где были аккуратно сложены документы Д.С. Леонтьева, приходившегося Скорбачёвой родственником. По документам можно проследить, как складывался жизненный путь этого незаурядного человека.

Дмитрий Сергеевич Леонтьев родился в Ташкенте в 1866 году в семье землемера. Уже в 15 лет он стал помогать своему отцу: работал с ним в поле, проводил топосъемку участков, с удовольствием выполнял работу чертежника. Он любил рисовать и зачитывался книгами по истории Туркестана, писал стихи.

В 1889 году он переезжает из Ташкента в Самарканд и работает объездчиком на таможне, что позволило ему хорошо изучить Самарканд и его окрестности. В 1896 году он переходит на работу в областную службу ирригации. В том же году вместе со своим начальником, заведующим ирригацией Самаркандской области инженером Н. Петровским выезжал на Зарафшанский ледник для установки репера при выходе Зарафшана из грота. В 1902 году они измеряли глубины озера Искандеркуль. Вскоре Леонтьев был назначен Ак-Дарьинским, а затем, в 1911 году, и Зарафшанским арык-аксакалом.

Что же это была за должность – арык-аксакал? На местном уровне водным хозяйством ведал «мираб» – должностное лицо водного управления, которое выбиралось сельским сходом и заведовало побочными арыками. Следующей, более высокой ступенью в «водной» иерархии был арык-аксакал, который назначался на эту должность и увольнялся с нее с согласия военного губернатора. На арык-аксакала возлагалась обязанность заведования главными арыками, и в отличие от «мираба» он обязан был вести канцелярскую работу. Арык-аксакал подавал сведения начальнику о числе рабочих, количестве материалов, необходимых для производства работ, а также составлял описание каналов и рек, находившихся в его ведении; вел специальный журнал-дневник, в который вписывались данные о работах, замерах уровня воды, о замечаниях и указаниях начальника уезда и заведующего ирригацией*.

В течение 1910 года Д.С. Леонтьев руководил работами по очистке старинного канала Иски Тюя-Тартар, протяженностью в 82 версты, который был прорыт еще в 16 веке при правителе Абдуллахане. Леонтьев был произведен в титулярные советники, а затем стал коллежским асессором, имел награды, среди которых орден Св. Анны III степени. В 1909 году ему было выдано удостоверение, в котором указывалось, что «За свою безупречную и полезную службу Леонтьев заслужил благодарность, он всегда добросовестно исполнял все возложенные на него обязанности, аккуратен и безукоризненно честен. За время своей службы он ознакомился с производством каменных, бетонных и железных работ, при постройке многих водозаборов и вододелителей, наблюдение за которыми поручалось ему, он также приобрел умение изготовлять планы и копии чертежей».

Выполняя свою основную работу арык-аксакала, Дмитрий Сергеевич собирал и записывал местные легенды и предания, рисовал с натуры.

В 20–30-е годы Д.С. Леонтьев продолжает активно трудиться. Его знания и опыт оказались востребованы. Он участвует в работе комиссии при облстате по районированию Самаркандского округа, составляя районные карты.

Все эти годы рядом с ним была любимая жена и верная спутница – Татьяна Цыпленкова. Ей было всего 18, когда она познакомилась с Дмитрием Сергеевичем. Он был старше ее на 18 лет. Брак оказался счастливым.

Обо всем этом и рассказала мне когда-то дочь племянницы Татьяны Цыпленковой – В.Н. Скорбачёва. Она родилась и выросла в Самарканде, много лет проработала врачом во 2-й городской поликлинике. В их доме сохранилось много старинной мебели, одежды и документов, которые Валентина Николаевна в 1981–1982 годах передала в Областной краеведческий музей. В фондах музея, наряду с документами, хранятся также и картины Леонтьева, написанные им со знаменитых памятников города Самарканда, и среди них – мечеть Биби-Ханым.

В дневнике, который сохранился в семье Цыпленковых, есть стихи и легенды, записанные Леонтьевым. Вот одна из легенд – известное предание об Искандере Двурогом. Д.С. Леонтьев записал его в 1911 году и сохранил в своем дневнике.

* См.: Черданцев Г.Н. Водное право Туркестана в его настоящем и проектах ближайшего будущего. – Ташкент: Типография Туркестанского Товарищества печатного дела, 1911. С. 27.

Легенда об Искандере

Александр Македонский... Историческая личность, о которой на Востоке сложено столько преданий и легенд...

Одна из них, малоизвестная, записанная много лет назад человеком, беспредельно влюбленным в Туркестанский край и его древнюю историю, предлагается вашему вниманию.

«Говорят, царь Александр Македонский, а в наших краях его звали Искандером, якобы родился с одним рогом на голове. И предсказано было ему, что рог этот волшебный и дает силу, бесстрашие, непобедимость и бессмертие...

И чтобы никто не видел рог этот, носил полководец шлем особый, с двумя рогами (потому и прозвали его «Искандер двурогий»), и только цирюльник, что стриг царя, мог видеть этот выступ. А чтобы тайну сию цирюльник никому не успел раскрыть, его убивали сразу, как только тот заканчивал свою работу.

Однажды, когда очередной цирюльник завершил работу, подозвал его Александр Великий и спрашивает: «Что, видел рог на голове царя?» Трижды спросил он так, и трижды цирюльник отвечал: «Нет, о государь!». Так ответил потому, что слышал он от людей о загадочных исчезновениях каждого из его собратьев по ремеслу после того, как тех приглашали во дворец к царю. Усмехнулся Александр и отпустил цирюльника с миром, а тот долго тайну эту хранил, да однажды не выдержал...

Вот пошел он ночью в степь безмолвную, нашел колодец глубокий и шепнул в тот колодец: «У Александра Македонского на голове есть рог». А слова его выскочили из колодца, легкий ветерок их подхватил, понес по камышу да в степь, а в степи той кто-то из завистников царя услышал. И вот однажды, когда Александр отдыхал, подкрался к нему незаметно тот завистник да и срубил рог с головы царя...

Сделался царь после этого слабым, как дитя малое, не мог воевать. А тут еще беда с ним случилась. Решил он отправиться в поход за далекие горы, так как знал, что течет в тех горах ручей с живой водой, да только, обессилев, не доехал он до ручья того, а послал к нему воинов своих. Набрали воины два бурдюка живой воды и возвращались к месту, где царя оставили отдыхать. Вдруг налетела на них стая птиц хищных, и разорвали они бурдюки с водой; пролилась та вода на землю, и в ту же минуту царь скончался, никто не смог ему помочь. А испей он хоть глоток той воды – выжил бы, ибо каждая капля волшебной воды силу огромную имела...»

Здесь же, в дневниках, есть и стихотворение Леонтьева, посвященное Туркестану:

Люблю тебя, родной, чудесный Туркестан,
жемчужина ленивого и знойного Востока.
Люблю толпу твоих покорных мусульман,
в мечетях славящих любимого пророка.
Люблю шатры листвы развесистых чинар,
печальный звон рыдающих дутар
и в золоте лучей руины Самарканда.
Люблю красивых зорь агатовый рассвет,
мистерии ночной, прекрасной уразы.
Люблю тебя, родной мой край,
где небо в знойный день синее бирюзы!

Краевед Владимир Кучерявых

Владимир Ильич Кучерявых (1940–1997) – целая веха в истории нашего краеведения. Выпускник Географического факультета СамГУ, действительный член Географического Общества СССР, мастер спорта СССР. Увлеченный, образованный, талантливый, он, кроме прочего, стоял у истоков развития массового туризма в Самарканде. В 1965 году в Самарканде образован Областной Совет по туризму и экскурсиям, и он становится первым его председателем. В следующем, 1966 году, создается экскурсионное бюро, где знания и опыт Кучерявых тоже оказались как нельзя кстати.

Ему принадлежало немало ценных и интересных научных разработок, посвященных исследованиям ландшафта и полезных ископаемых нашего края. Он прошел пешком по всей территории Самаркандской области, прокладывая новые маршруты для туристов, составляя карты и описания. Увлеченно работал Владимир Ильич и над исследованиями карстовых пещер; некоторые из этих исследований также были опубликованы. А как он, прекрасный знаток гор, мог увлечь слушателя рассказами о пещерах Кугитанга, о Фанских и Маргузорских озерах!..

Были в его жизни и интересные встречи с известными учеными, путешественниками, посещавшими наши края. Среди них – встреча и совместная работа с Юрием Сенкевичем, ведущим одной из самых популярных в те годы телепередач «Клуб путешественников».

Множество интересных публикаций вышло у В.И. Кучерявых в семидесятые-восьмидесятые годы в республиканской периодической печати.

Когда в 1981 году в Самарканде был создан Областной краеведческий музей, Владимир Ильич работает в нем научным сотрудником в разделе природы. Он с увлечением участвует в подготовке экспедиций, изготавливая схемы, карты и диаграммы.

В 1882 году В.И. Кучерявых и его сотрудник Ю.С. Давидян организуют большую исследовательскую работу и раскопки на перевале Тахта-Карача – именно там в древности проходила одна из троп Великого Шелкового пути. Изучая древние источники и подъемный археологический материал, они увлеклись задачей найти на горном перевале остатки загородного дворца Амира Тимура Тахта-Карача (Трон Карачи), построенного для родной сестры правителя – Карачи. Старожилы Аманкутана передавали из поколения в поколение слухи о существовании этого дворца. Подтверждение этому было найдено и в источниках: участник Индийского похода Гиясиддин Али сообщал, что Амир Тимур, возвращаясь из похода, останавливался в этом дворце. Здесь он бывал неоднократно, проезжая из Самарканда в Шахрисабз. Местонахождение этого дворца интересует не одно поколение ученых. Была мечта найти этот дворец и у сотрудников Самаркандского музея.

Но их ожидало другое открытие. На территории селения Кутир-Юрт, что находится на самом перевале Тахта-Карача в Аманкутане, они открыли местонахождение караван-сарая эпохи Тимуридов. Были найдены наконечники стрел, остатки упряжи, клад серебряных монет и многие другие предметы. В ходе работы В.И. Кучерявых вычертил карту участка этого пути, и она, вместе с находками, была

представлена в одной из витрин экспозиции Областного краеведческого музея.

Самаркандцы помнят небольшую, но очень интересную книжку «По дорогам Согдианы»: вышедшая в Ташкенте в 1969 году, она посвящена окрестностям города и близлежащим горным маршрутам. Ее автор – В.И. Кучерявых, он написал эту книгу для любителей туризма и походов.

В 1980–1990-е годы Владимир Ильич подготовил целый ряд статей по краеведению. Ниже републикуются две из них, вышедшие в «Самаркандском вестнике», а ныне хранящиеся в архивных фондах Самаркандского краеведческого музея: статья «Вечные огни Согда» (март 1985 г.) и «Как “заарканили” Зерафшан» (октябрь 1993 г.).

ВЕЧНЫЕ ОГНИ СОГДА

«Горящая» гора

В нижнем течении Ягноба, одного из притоков Зерафшана, напротив шахтерского поселка Рават, почти на трехкилометровую высь поднимаются разноцветные, крутые склоны лысой горы Кантаг. Слагают ее – серые, дымчатые, зеленые глинистые сланцы и песчаники. Иногда в этом наборе мелькнет красно-бурая кора окаменевших мезозойских деревьев и папоротников. Однообразна и пустынна местность. Вокруг выжженные склоны, осыпи, зной и белесое небо. Узкая тропа рвется вверх, где на самой макушке горы находятся естественные печи Ягноба.

Как и две тысячи лет назад, ученых и исследователей продолжают интересовать причины и характер пожара над горой Кантаг. Здесь издавна выгорают пласты коксующегося каменного угля.

Самое первое дошедшее до нас упоминание об этой горе встречается в сочинениях римского историка I века Плиния Старшего: «Ночами полыхает вихрь в Бактрийском Кефанте»... Не обходят своим вниманием это необычное природное явление и другие путешественники и ученые, в том числе китайские пилигримы, арабские географы. В частности, Ибн-Хаукаль и Макдиси упоминают горы Аль-Бутам в Согде, где находятся огни, которые видно за 100 фарсангов (60-70 км).

Древнее название «горящей горы» – Кухи-Малик (Гора принца) до сих пор сохранилось в топонимике Ягноба. Арабы именовали ее Аль-Боти. Но более всего она известна в тюркской этимологии под названием Кантаг, т.е. «рудничная гора», или «гора-рудник».

Как известно, до прихода арабов в Согде господствовала зороастрийская религия – поклонение огню. Огонь на земле считался прообразом бога Солнца – Аурамазды. И, поэтому естественный пожар в недрах гор как бы являл собой самый живой пример сверхмогущества бога. Чтобы поклониться ему, в верховья Зерафшана, по опасным тропам и карнизам, преодолевая заоблачные перевалы и глухие ущелья, стекались толпы особо ревнивых почитателей культа. «Горящие огни» стали известны далеко за пределами Согда, слухи о них доходили до Древнего Рима. На протяжении долгих веков (или даже тысячелетий?) горные дебри Кухистана начали обживаться людьми. Возникли населенные пункты, появились первые клочки обрабатываемой земли. Благоустраиваются основные тропы, в том числе строятся и овринги*. Возможно, к первым векам новой эры относится сооружение небольшой крепости Калаи-Сарводар в устье реки Пасруд, которая долгое время охраняла подходы к горе Кантаг.

* *Овринги* – висячие мостки, сделанные вручную на отвесных скалах плетением из ветвей кустарников или устроенные из деревянных бревен и жердей, обычно в тех местах, где тропа не могла быть проложена вдоль по берегу горной реки либо невозможно было обойти участок отвесных скал поверху. (Прим. ВС.)

Доходный промысел

В период исламизации населения Согда (VI–X века) «святые огни» зороастрийцев теряют свое магическое назначение и превращаются в доходное предприятие наместника халифа в Мавераннахре. На заоблачных высотах возникает рудник, где примитивным образом добываются ценные продукты самовозгорания угля: нашатырь, селитра, сера, квасцы и другие минеральные соединения. Все эти полезные ископаемые имели большой спрос на внутреннем и внешнем рынке.

Нашатырь – незаменимое средство средневековых фармацевтов – экспортировался во многие уголки мусульманского мира и в Европу. Вываренные в молоке кристаллы нашатыря и квасцов считались ценным лекарством и были широко известны в России и в Западной Европе под названием «татарская соль». И сейчас в ягнобской народной медицине это древнее средство, именуемое «зок» или «доги», используется от желудочных заболеваний. Сами же квасцы применялись для дубления и выделки кож. Селитра шла на изготовление взрывчатых веществ (позже – и пороха), а также в качестве удобрения на тяжелых почвах. Сера занимала важное место среди многих лекарств того времени и являлась первым ядохимикатом в садоводстве и земледелии.

Повышенный спрос на эти дефицитные минералы позволил расширить добычу и разведку новых месторождений. Местные рудознатцы уже имели ясное представление о геологическом прогнозировании.

На слиянии Ягноба и Искандердарьи расположено пустынное урочище Пули-Марказ. Здесь находятся двадцать полузасыпанных штолен и оплывших канав, где 400–500 лет назад (а может быть, и еще раньше) велась выработка серы и квасцов. И сейчас на стенках и потолке гrotтов блестят кристаллы самородных минералов.

Позднее рудник Кантаг становится собственностью бухарского эмира. Заново отстраивается крепость Калан-Сардаван (правильно Калаи-Сарвадан, что означает «начало перевала»). Раньше главный путь шел не по Фандарье, а по долине Пасруда к перевалу Куликалон и далее в Пенджикет. Здесь была резиденция официального представителя эмира, ведавшего всеми работами на руднике, заготовкой сырья и отправкой его в столицу.

Обнищавшие горцы за жалкие гроши всю долгую зиму трудились на огромной высоте. Они обкладывали многочисленные газодышащие отверстия камнями, а затем тщательно соскабливали с них тонкий налет нашатыря и серы. Поистине, адской работой была добыча квасцов. Всего на 1-2 минуты забирался с киркой в руке рудокоп, чтобы внутри огнедышащей пещеры выломать кусок породы. А если учесть, что температура в штольнях колеблется от 300 до 500 градусов...

Но, тем не менее, работа на руднике все-таки позволяла местным жителям сводить концы с концами до следующего урожая. За 15-20 копеек горцы получали разрешение на разработку месторождения. За зиму артель вываривала до 50 пудов квасцов, реализуемых казне по 16-20 рублей за пуд.

В дореволюционных статистических бюллетенях мы встречаем любопытные сведения о размерах добычи полезных ископаемых на горе Кантаг. Они указывают на то, что значение этого рудника для Туркестанского края оставалось большим. Так, в 1900 году жители «близлежащих кишлаков Пети, Пинион, Канте общим числом в 90 человек добыли квасцов в количестве 350 пудов, реализовав их по 2 рубля 10 копеек за пуд». В 1903 году уже добыто 11,6 тонны квасцов и 0,41 тонны нашатыря. Спустя пять лет добыча серы увеличилась до 19,6 тонны.

Еще совсем недавно – в тридцатых-сороковых годах – здесь работала горная артель, объединившая 10 семей кишлака Рават. За зимний сезон она заготавливала до 500 кг нашатыря и серы и 800 кг квасцов. В тяжелые годы Великой Отечественной войны естественные печи горы Кантаг обеспечивали квасцами все кожевенные заводы Средней Азии.

С тех пор всякие работы на руднике прекращены из-за нерентабельности и тяжелых усло-

вий труда. Знаменитая Кухи-Малик является одним из замечательных экскурсионных объектов. Но из-за того, что трудно добраться до ее вершины, где зияют 203 жерла, изрыгающих почти прозрачный горящий газ, сюда редко поднимаются туристы.

КАК «ЗААРКАНИЛИ» ЗЕРАФШАН

Чуть ниже таджикского кишлака Соразм Зерафшан разбивается на протоки, между которыми более сотни сложенных галечником и покрытых тугаем островков. Ширина разбоя реки здесь достигает почти трех километров. Затем русло резко сбивается в упругий поток и устремляется в горловину. Это место называется соразмским, или раватходжинским створом. Здесь же поперек реки проходит государственная граница между Узбекистаном и Таджикистаном. Ранее соразмский створ являлся рубежом между пенджикентским и самаркандским Согдом...

В этом месте исстари находилось сложное и дорогостоящее ирригационное сооружение для забора воды из Зерафшана. Выведенная арыками влага орошала земли по обеим сторонам реки, неся жизнь обширному оазису и Самарканду.

К наиболее древним «арыкам» можно отнести каналы Даргом, на левобережье реки, и Булунгур.

Соразмский створ на Зерафшане сформировался не менее 300 тысяч лет назад. В это время в Зерафшанской долине происходят большие изменения: возникает Чупанатинская возвышенность, появляются горы Гобдунтау и обособленный массив Маржантаг. Горы справа и слева от соразмского створа быстро «растут», и между ними возникла, поперек Зерафшана, гряда, сложенная неогеновыми конгломератами. Она стала трудноодолимым препятствием для реки. Здесь Зерафшан приостанавливает свой стремительный бег, начинает метаться по широкой пойме, образуя большую русловую миндалину. А затем, сконцентрировав свои силы, «вгрызается» в естественную перемычку, образуя теснину.

Со временем узкий проход расширился и достиг сегодняшних размеров.

Предположительно, первые водозаборные сооружения в урочище Раватходжа появились не позже VI–V веков до нашей эры. Эти дамбы строились из хвороста, соломы и гравия, кольматировались дерном. Ежегодно они смывались паводками, и каждой весной их отстраивали заново. Со временем люди научились сооружать речные шпоры так, что они могли прослужить несколько лет подряд. Но у древних ирригаторов еще не было опыта строительства полной плотины – от берега к берегу. Впервые такая перемычка была возведена в раватходжинском створе только в начале нынешнего века.

Однако первые серьезные инженерные водозаборные сооружения здесь возводятся, по всей вероятности, в первых веках нашей эры. В левом, сложенном крепкой породой, «борту» Зерафшана прорубается тоннель, тянувшийся параллельно реке, который сообщается с ней посредством боковых окон. Весной, при повышении речного уровня, вода через эти отверстия проникает в своеобразный кяриз и далее самотеком следует в арык для орошения. При падении уровня воды в реке (а это осенью) подземный канал перестает действовать, да и нет необходимости в воде. Следы такого сооружения и сейчас видны в обрывах берега выше плотины. Но позднее ирригаторы отказались от такой системы водозахвата и снова вернулись к сооружению водозаборных дамб. Однако они уже строились с учетом разрушительной силы паводков.

Примерно с V века местность, где находился водозабор, стала называться Варагсар, что в переводе с согдийского означает «головная плотина», но возможно и другое толкование этого топонима.

Водозабор Варагсар имел исключительное значение в жизни древнего и средневекового Согда. Ключи от ворот Самарканда всегда были именно здесь: разрушив плотину, враг лишал

согдийцев воды. Поэтому уже с незапамятных времен при плотине существовало укрепление, а впоследствии была даже основана крепость с двойным рядом стен. Она имела в длину 600 метров при ширине 300 метров и вмещала 12 тысяч пеших и 4 тысячи конных защитников.

Арабоязычные авторы X–XII веков, неоднократно упоминающие в своих трудах плотину Варагсар, сообщают о многочисленных попытках арабских военачальников захватить и разрушить ее. Так, в 721 и 736 годах их войска терпели поражения при нападении на плотину.

Начиная с X века, жителям Варагсара и окрестных кишлаков вместо уплаты налогов была вменена обязанность содержать ирригационные сооружения на Зерафшане в надлежащем порядке. Позднее, в XV веке, в крепости при плотине находился даруга – военачальник Шавдарского тюменя с большим охранным отрядом. С тех пор поселок и крепость стали называться Раватходжа – то есть «крепость господина». Даруга одновременно отвечал и за ремонтно-строительные работы. Для подготовки водозабора к лету сюда собирались до 1500 человек со своими харчами, инструментом, необходимыми строительными материалами и гужевым транспортом.

В то время дамба-шпора имела внушительные размеры, представляя собою фашинный барьер длиной 5-6 километров, вытянутый вдоль берега и незаметно уходивший почти к середине реки. Она сооружалась из тонких бревен, соломы, хвороста, камней, булыжника, гравия, дерна, обставляясь по выступам и углам сипаями – треугольными бревенчатыми пирамидами. Ремонт и восстановление шпоры велись очень быстро – 15-20 дней, пока уровень воды в реке был незначительным.

В 1914 году впервые русло Зерафшана в раватходжинском створе было перекрыто плотинной инженерного типа протяженностью 178 метров. К ней примыкали слева и справа две струенаправляющие дамбы длиной до 1800 метров. Сама система имела 5 водосливов, рассчитанных на пропуск паводковых вод в объеме 600 кубометров в секунду. Но довести строительство до проектной мощности не удалось из-за [Первой] мировой войны и начавшейся Октябрьской революции. Кое-как восстановленный к 1921 году водозабор, способный выдержать удар в 900 кубометров воды в секунду, тут же был смыт катастрофическим паводком. Спустя два года новая перемычка снова перекрывает бурную реку, но угроза ее сноса остается очевидной. Поэтому в 1927 году принимается решение о строительстве совершенно новой плотины. К 1 мая 1931 года все работы по строительству гидроузла были завершены. Плотина с тремя водовыпусками, 600-метровый Янгидаргомский тоннель, бетонированный исток Правобережного канала, внешние водоотбойники – все это составило Верхнезерафшанский гидроузел, плотина которого стала называться Первомайской. Тогда она считалась самой совершенной и крупнейшей в Средней Азии. Ее пропускная способность составляет 1300 кубометров воды в секунду. Когда в 1964 году в верховьях Зерафшана был взорван Айнийский оползень-запруда и массы воды угрожающе прокатились по долине, плотина выдержала экзамен на прочность.

Верхнезерафшанский гидроузел в настоящее время контролирует более 200 тысяч га орошаемой территории восточной части Самаркандского оазиса. От его шлюзов начинается один из крупнейших каналов Зерафшанской долины – Даргом, несущий живительную влагу на левобережье долины и даже в соседнюю Кашкадарьинскую область. Вправо от Зерафшана уходит разветвленная сеть арыков Правобережного канала. От него же по старому каналу Тютяртартар вода поступает в Джизакскую область.

Кстати, канал Тютяртартар, по преданию, был прорыт во второй половине XVI века по приказу Абдуллахана. Ему также принадлежат и другие добрые деяния – строительство плотин в Нуратау (Акчоб и Фариш), уникальный кирпичный мост в местечке Дупули близ кишлака Гусар, а также благоустройство «Царской дороги» через Аманкутанский перевал и многое другое.

Наталья СЕЛУЯНОВА

Семейная хроника Селуяновых

Публикация О. Илюшкиной*

Аот Милочки писем все не было. Так как характер у меня горячий, но отходчивый, то перед выходом из больницы я писала ей:

(I) «24.I.44 г. Дорогая Милушенька, что ты, моя родная, редко пишешь? Или уж очень занята? И мне писать не хочется, так как нет ответа на мои письма... Я выпишусь из больницы числа 29 января, но еще не вполне здорова: порок сердца, очень сильный ревматизм, боль в спине, воспаление печени (холецистит), но чувствую себя хорошо. Здесь лежала Раечка, чудная девочка (все ее родные погибли), которую мне очень жаль. Ее перевели в другую больницу – вырезать железы, а потом я ее возьму к себе...

Таня собирается уезжать из Коканда. Она встретила того гражданина, который не передал вам посылку, и при всех его отругала. Таня просила тебя написать, но твоих писем не получала. Куда поедет Миша и возьмет ли Марину?

Теперь твоя мечта приехать в Ленинград скоро исполнится. Кончай только спокойно десятый класс, забирай Марину и бабушку и приезжайте. А я буду вас ждать с нетерпением. А бабушка пусть напишет заявление в ИКДТ, что она была вынуждена уехать с внуками.

На площади Московского вокзала построили приспособление для салютов, и теперь Ленинград будет салютовать свои победы. Сердце сжимается от радости и гордости за Ленинград. Как быстро взяли Новгород! Папа расскажет вам все подробно. Если он снова поедет в Москву, пришлите мне хоть немного муки, луку. Ездит знакомый проводник, и мне привезет. Я буду всему рада, конечно, не в ущерб вам. Пусть Миша мне напишет свое впечатление об отце и благополучно ли добрался, ничего не растерял ли, не разбил ли водку (вещей было много). Я теперь не хочу идти в общежитие. Пойду жить домой и буду ждать тебя. Мне уже не под силу

* Продолжение. Начало в №№ 3 (XXVII), 2012; 1–3 (XXIX–XXXI), 2013; 1–3 (XXXIII–XXXIV), 2014; № 2–4 (XXXVII–XXXIX), 2015; 1–2 (XL), 2016. (Все примечания – ВС.)

одной и очень надоело. Зато отчасти хорошо тем, что никто не раздражает. Я стала толстая (от каш). Я не нервничаю и не плачу. Но, надеюсь, что ты стала умница и не будешь меня раздражать, и мы заживем душа в душу. Как ты думаешь, неряха ты или нет? Крепко целую мою Милушеньку, бабушку и Марину».

Я упустила из вида, что моя Милочка уже не ребенок, а взрослый человек, и человек с характером. Через месяц я получила ее ответ на свое прошлогоднее письмо:

(2) От Милочки: «16.I.44 г. ...С тех пор, как мы получили посылку в ноябре месяце, от тебя не было ни одного письма. Мы с бабушкой очень беспокоились, но приехал папа и сказал, что тебя тетя Лиза устроила в больницу на одну-две недели, и мы успокоились. Хотела написать длинное письмо на каникулах, но не пришлось, так как мы уезжали за летним заработком в колхоз, где пришлось пробыть все каникулы. Сегодня я приехала оттуда, получила твое письмо и возмутилась им. Я никогда не думала, что у тебя такие странные взгляды. И в войне надо уметь жить и не реветь. Мне даже смешно, что ты объясняешь такие истины, что переживали ленинградцы. Ты думаешь, я не понимаю ничего и не знаю ничего, а Ленинград представляю, как раньше. Я ведь не маленькая дурочка, чтобы так наивно представлять. Я знаю, что такое город-герой, город-фронт... А тянет меня в Ленинград не то, что пишешь, а хочется жить с мамой. Я, конечно, вполне понимаю, что ты выжила только потому, что осталась одна, об этом мы с бабушкой все время говорим. Очень глупо с твоей стороны сравнивать мои письма с другими. Неужели все должны писать такие подлизульские письма... "Дорогая, золотая, мамуленька, золотуленькая"... А насчет эгоизма тоже неверно. Ты ведь читала у Чернышевского, что эгоизм бывает разумный и неразумный... В кино я хожу не только, чтобы получать удовольствие, а и для приобретения каких-то знаний по литературным произведениям («Дело Артамоновых», «Маскарад», «Иудушка Головлев» и т.д.). В театре почти не бываю, ходила только на «Горе от ума». На танцы хожу только по праздникам, после вечера в школе. В Ленинграде, сама писала, работает Музкомедия и кино, сама часто ходишь, а до войны в кино ходила очень редко.

О модельных туфлях я тоже не мечтаю, так как на каблуках носить не буду, а мне туфли нужны в боты, так как мои туфли рваные. Стоят они 2.500–3.000 р[ублей]. Мне бабушка купила новые валенки за 2.000 р[ублей].

Ты еще пишешь, что я пишу письма про себя. А как же мне писать, я иначе не умею. А то, что я хочу учиться в институте, – все равно буду, хотя ни на кого не надеюсь, как ты думаешь. Ведь можно учиться и работать. А особенно теперь, чтобы заработать муки, так как на деньги ничего не купишь. Так мы и сделали в этом году.

Я все еще не знаю, где буду учиться. Хотелось бы в техническом, например, в Технологическом, но я точно не знаю, что там. Напиши, что такое инженер-технолог, что он делает.

Ты все спрашиваешь про Маришу. Я в ее классе пионервожатая. Она растет маленькая, лицо тоже очень маленькое. В классе ведет себя хорошо, хулиганит

только дома. Совсем не читает, плачет, если получит плохие отметки, так как дома очень ругают. Умная она или нет, я не знаю, но не развитая, так как не читает.

Пиши чаще, и не такие письма. Целую крепко, крепко. Мила».

Не в моих правилах оставаться в долгу, и полетело в Курью письмо Милочке:

«4.II.1944 г. ...Твое письмо меня настолько ошеломило, что ни есть, ни спать не могу. Вышла я из больницы совсем больная, и только потому, что не захотела переходить в другую, а эта больница закрылась. Да и надоело очень. У нас так много раненых, что ни одного лишнего дня не оставят лежать зря. Хотели перевести меня на инвалидность, но я не согласилась.

Больше всего меня огорчило, что я не сумела дать тебе ни воспитания, ни развития. Я тебе писала как взрослой девушке, а ты мне ответила как самоуверенная девчонка. Самоуверенность присуща глупым и ограниченным людям, а чем человек умнее, тем лучше он понимает, как много ему еще надо успеть достигнуть в жизни.

Я не знаю ни одной, самой наглой девчонки, которая рискнула бы написать матери следующие фразы: “я возмутилась твоим письмом”, “как это ты додумалась”, “очень глупо с твоей стороны” и пр. Не ожидала! Я хоть и прекрасно видела твои недостатки, но все же надеялась, что ты выросла и поумнела. А оказалось, что чуть мать погладила против шерсти, как ты окрысилась, да еще зная, что мать больная, лежит в больнице... Мать голову ломает, как бы тебя принарядить, ничего не продавая, все старалась сохранить до твоего приезда (в то время, как другие матери все проели). Не имея гроша в кармане, никогда не отказала тебе в удовольствии сходить в кино, сама водила тебя в театр <...>, и рада, что ты имеешь возможность хоть иногда сходить в театр и потанцевать, а ты пишешь чушь; чужие люди обращаются ко мне за советом и помощью, так как я никогда не теряла присутствия духа. Ну, да что с тобой толковать. Я ошиблась, считая тебя взрослой. Ты сохранила и даже развила свои недостатки, а еще спрашиваешь, как работать над собой? Ты пишешь, что не нуждаешься в моей помощи. Многие бы хотели учиться, но очень трудно учиться и работать одновременно. Могу только тебе пожелать, чтобы мать твоя осталась жива, тогда мы и так проживем, без твоей работы. Программы Технологического я узнаю.

Маришу очень жалко, если бы ты была помягче, то сумела бы заставить себя полюбить – ты же старшая. Марина – очень несчастный ребенок, ее то балуют, то ругают. Научи ее интересоваться чтением. Какие книжки ей послать?

Твой отец был очень груб, даже не спросил, почему я в больнице, и не пожелал здоровья; если бы он был воспитанным, он бы так не поступил... Я не зря раздражалась против тебя, больше никто меня не раздражал, но когда собственная дочка такая – это ужасно, и я никак не могу тебя исправить, и не умею к тебе подойти. Мы совсем разные по характеру. Твоя самоуверенность меня всегда бесила, но я не могла с тобой заниматься, так как ты всегда делала вид, что ты умнее и все лучше сама знаешь, а я сразу начинала злиться. Всю жизнь старалась и ничего не добила... и к довершению всего, дочь не любит ни матери, ни сестры. Хотела бы

и была бы рада, если я в тебе ошиблась. Плохо, что ты никаких своих недостатков не замечаешь и не работаешь над собой, а думаешь, что я придираюсь...»

Страницы из дневника:

«22.I.44 г. (в больнице). ...Места себе не нахожу. Обычное ровное и спокойное состояние меня покинуло. Очень страшно и долго нет ни от кого писем, хотя я и написала всем по два-три письма, и все нет ответа. Знаю, что в штабе валяется письмо от моего дорогого Левы, а девчонки не соблаговолит его принести. Никогда я так о нем не думала и не скучала, как именно теперь, когда война идет уже к развязке.

Целых два месяца торчу в больнице, и нет настроения писать дневник. Я вышивала, писала письма, прочитала много книг, сделала большой перевод с немецкого для главного врача больницы, а дневник писать все не хочется. Сообщения о победах волнуют, но как-то не верится, что когда-нибудь и мы вздохнем полной грудью и нас не будут обстреливать. Ночью, просыпаясь и слыша выстрелы, я думала: «Какой ужас, снова обстрел», а говорят, что это стреляли с наших кораблей. Уже наши Мга, Стрельна, Дудергоф*, Красное Село (откуда осенью 1941 года я едва успела унести ноги).

Думаю, что в больнице пробуду уже недолго, хотя врач сказала, что мне еще осталось промыть печень магниезией, но ее не было.

Один раз уже промывали – удовольствие не из приятных. Два часа лежала, проглотив тонкую резиновую трубку и считала минуты, пока выпускали сначала весь желудочный сок, а затем желчь и влили бутылку соды и еще бутылку какой-то дряни.

24 января 1944 г. Необыкновенно счастливый день! Письма, трогательные – от Насти, папы, Левы, Танечки, М.Б. – всего девять писем. Как трогательно пишет Лева! Только почему-то моя Милочка не пишет. Еще огромная радость – взяты Пушкин, Павловск, и как скоро! Какое счастье! У меня температура 37,2°, а я как на крыльях. На площади перед Московским вокзалом будет фейерверк. Все ночи наши корабли стреляют с Невы из дальнобойных орудий по вражеским гнездам, и так приятно, и впервые отдается в сознании, что это не в нас стреляют, а мы приканчиваем проклятое зверье.

29 января 1944 г. 27 января в 8 часов вечера по радио было передано, что враг отогнан от Ленинграда на 65–100 км и что блокада Ленинграда снята. А до меня это еще не доходит. Трудно себе представить, как это – не лететь как сумасшедшей, чтобы поспеть в штаб или на вышку по тревоге. Был салют, который я не видела.

На соседку напротив противно смотреть, она все время плачет, так как ей ее жизнь кажется ужасной, что же тогда делать мне? Моя жизнь во всех отношениях хуже, да и здоровье.

* Дудергоф – с 1950 г. Можайский, исторический район Красного Села.

Все время идет снег, но тут же тает. В полном смысле «сиротская зима». Снесла тете Лизе хлеб, мне многие отдают свою кашу и булку, и я все съедаю: утром тарелки три каши и 400 гр. хлеба, еще до обеда гр. 200 хлеба, затем в обед – густой суп картофельный, обычно две каши с каплей масла и хлеба 100 гр. и вечером еще тарелки три каши и гр. 200-300 хлеба. Аппетит не пропадает, несмотря на однообразие пищи и два месяца без воздуха. Другим больным все же приносят из дома то немного кисленького или вкусенького, мне же никто, никогда, ничего. Сегодня сильные цинготные боли в пояснице, в руках и ногах острые боли. Я еще отекаю, но чувствую себя хорошо, весело! Да, блокада снята! Наша армия идет гигантскими шагами. Уже взяты Любань, Бабино. Перерезана дорога Батецкая-Дно.

12 февраля 1944 г. Пятого февраля вышла на работу, померзла два дня (адский холод), и уже грипп. Сегодня выходной – весь день сплю дома. Как здесь кажется хорошо, чисто и уютно. После больницы очень тяжело, все невкусное, рацион отвратительный, без масла, булка – хина. Работа спокойная, бездумная, лишь бы выполнить план. Получила один ком[плект] дров для себя и два для теток, повозилась и вот теперь страшно отекаю. Мои дрова пришлось еще втащить на четвертый этаж, чтобы не украли, и я совсем выбилась из сил, несмотря на то, что самые тяжелые бревна мне помогла поднять соседка. На следующий день пилила дрова для Библиотеки и очень боялась, что не смогу этого сделать, но, благодаря хорошей пиле, напилила больше других. Вечером еще пришлось затащить со двора на кухню тетчины дрова – тут уж совсем язык высунула. Тетки меня последнее время подкормили. И сегодня там обедала. Пришла домой только в 11 час. вечера.

Еще раз смотрела «Кремлевские куранты» и опять переживала: не за тех буржуев, которые сидели в кабинете (точная копия кабинета Н.М. Махина, моего дяди), а за интеллигентного труженика инженера, которому трудно было перебороть себя и примкнуть к новому обществу. С простыми людьми можно ладить, с них требовать нельзя, их не учил никто, а вот с так называемыми образованными людьми, но хамами, я совершенно нетерпима.

(Окончание следует.)

Метафрастово Житие святой великомученицы Варвары

Перевод с греческого, предисловие и комментарии Алексея Пернбаума

Преподобный Симеон Метафраст, память которого совершается 9 ноября, византийский писатель, государственный деятель, жил во второй половине IX века. Наиболее известен по составлению собраний «Житий Святых», которые пользовались величайшим уважением не только у его соотечественников, но и во многих других странах. По словам преосвящ. Филарета Черниговского:

...Прозвание Метафраста (греч. «перелагатель» – А.П.) выражает свойство самого труда Симеонова над жизнеописаниями. Блаж. Симеон, имея в руках древние повествования, старался перелагать их (μεταφραζειν) в лучший вид по слогу и содержанию. Жизнеописания, написанные им, написаны слогом изящным, какой только может допускать благочестивое одушевление*.

«Жития» Метафраста составляют три тома «Греческой патрологии». Кроме дополнений, внесенных Метафрастом от себя, ради «полноты и силы» повествования и красоты речи, Михаил Пселл находит в метафразах его и элемент исторической критики: он устранял из древних сказаний то, что было написано в них «несправедливого», а также «ошибки в словах», вообще все, что могло вызывать «насмешки и даже презрение» читателей**.

Число жизнеописаний, составленных Симеоном, доселе с точностью не определено. Алляций, сличавший их с древними подлинниками житий по рукописям Ватиканской библиотеки, насчитывает их 122. Из числа остальных, встречающихся с именем Метафраста, 444 жизнеописания и похвальных слова принадлежат

* Филарет (Гумилевский), архиеп. Историческое учение об отцах церкви. В 3-х тт. Т. 3. – М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1996. С. 298.

** Михаил Пселл (1018 – ок. 1078 или позже) – ученый византийский монах. Пселл написал *enkomion* и *akolouthia* на прп. Симеона Метафраста около половины столетия после его смерти. См. F. Kurtz and F. Drexel (eds.). *Michaelis Pselli Scripta Minora*, Vol. I, Milano: Società editrice «Vita e pensiero», 1936, P. 94–119.

другим известным лицам, а 95 – лицам неизвестным. Преосвященный Филарет думает, что многие из последних были «исправляемы» Симеоном Метафрастом.

Среди, к сожалению, немногочисленных трудов, посвященных изучению творчества Метафраста, не потеряло своей значимости исследование выдающего русского византиста В.Г. Васильевского*; среди зарубежных монографий можно отметить сочинение Х. Хёгеля «Переписывание и канонизация Симеона Метафраста»**.

Житие святой великомученицы Варвары Илиопольской († 306 г.) – один из самых распространенных в Древней Руси переводных памятников византийской агиографии. Без преувеличения можно сказать, что святая великомученица Варвара вообще принадлежит к числу наиболее известных и чтимых в Православной церкви святых. Она считается защитницей от внезапной и насильственной («наглыя») смерти, без покаяния и причастия. Святая Варвара-мученица была почитаема как в восточноправославной, так и в римско-католической церкви.

Согласно М.А.Федотовой, «Житие святой Варвары было распространено на Руси в большом количестве списков***. Кроме проложной редакции («Страсти святой мученицы Варвары»), оно было известно еще в двух редакциях: переводное «Житие» одного анонимного греческого автора и редакция Димитрия Ростовского. Отметим, что среди просмотренных списков исследовательнице ни разу не встретилось «Житие Варвары» в редакции, приписываемой Симеону Метафрасту. По всей видимости, Метафрастово «Житие» стало известно не ранее конца XVII века, когда оно было использовано позднее Димитрием Ростовским, но опосредованно, через латинский перевод Моисея Липомана.

Ниже публикуется полный перевод с древнегреческого языка Жития вмч. Варвары по собранию Метафраста (ВНГ, N 216) по патрологии Миня (PG. 116. Col. 301-316).

* Васильевский В.Г. О жизни и трудах Симеона Метафраста // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 212. Декабрь 1879 г. С. 379–437.

** *Høgel Ch. Symeon Metaphrastes Rewriting and Canonization.* – Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2002.

*** См.: Федотова М.А. Житие святой Варвары в древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 53. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Страдание святой славной и победоносной великомученицы Христовой Варвары

1. Для нечестивого царя Максимиана, который прилагал много стараний в идольском заблуждении, самым насущным и достойным постоянной заботы было дело почитания демонов и утверждения, всеми силами, нечестия. Если же кто почитал Божественное Имя Христово, он повелевал, чтобы они или с клятвой отрекались от благочестивой веры, или предавал [их] на различные наказания, чтобы, с лишением всего имущества, они насильственно лишались и самой жизни¹.

В некоей же земле, в то время называемой Илиополь², был муж знатный, вероисповедания эллинского, весьма богатый и по мирской известности славнейший. Сей [муж] назывался Диоскором и был известен как отец единственной дочери, имя которой было Варвара. И была она ему как возделенный предмет любви, поскольку в ней одной положил он всю свою надежду. Сию, как весьма прекрасную лицом и небывалой красоты, он восхотел сохранять чистой, и по этой причине, не позволяя взирать на нее извне, он соорудил высокий столп и в нем искусно устроенное жилище. Туда он вселил Варвару, чтобы [туда] никто не имел возможности входа, и чтобы никакой мужской взор не мог бы коснуться ее.

Все это, однако, было делом Божественного домостроительства, которое свыше прозирает будущее. Ибо в ней благодать Утешителя, тайно касаясь сокровенных ее глаз, осветила ее светом Боговедения и известила удивительно об истинном Боге. Таким образом башня имела [в себе] деву, [душа] которой созидалась на основаниях веры и сохранялась для этого, чтобы быть спасением многих..

2. Когда же достигла она брачного возраста, то многая была забота отцу, кому бы можно было отдать ее в жены. Многие собрались из благородных, богатых и знатных женихов, чтобы просить его сочетаться с ней. Ибо ее красота, хотя и незримая, однако слухом слышимая, производила то, что они домогались ее брака со многими усилиями. Однако отцу казалось бесславным и совершенно недостойным, что в то время когда он сам прилагал великое старание [выдать дочь замуж], дочь не обнаруживала желаний ко знакомству и совершенно не соглашалась с его целью.

В один из дней он поднимается к ней и говорит с ней о браке, и объявляет, сколько усилия и труда он положил, чтобы иметь попечение о ней. Она же не только сердцем, но даже и краем уха не желает слышать это, и, отвергнув как нечто неблагозвучное и неуместное, с гневом отвергает и самого отца. «Ибо, – сказала она, – если ты еще станешь говорить мне об этом, то больше уже не будешь называться отцом, ибо я наложу на себя руки».

Тогда отец принимает решение, полагая, что в этом случае более прилично убеждать, чем понуждать, и думая, что ее твердость не есть упрямство или непослушание, но сильное ее желание чистоты. Кроме того, [Диоскор] предоставляет ей [достаточное] время для размышления, чтобы она могла обратиться и стать послушной ему. Больше [отец] не стал о том говорить, но тотчас сходит с башни. Придя же к бане, которую начал сооружать недавно и которую был весь поглощен,

он привлекает большое число искусных строителей, усердно подгоняет строительство и, распорядившись как можно быстрее возвести строение и предоставив [строителям] полное вознаграждение, удаляется в отдаленную страну.

3. Когда же путешествие [Диоскора] надолго затянулось, раба Божия Варвара сошла с башни, намереваясь увидеть, как будет устроена баня, и осматривая полуденную южную часть строения, которая освещается двумя окнами, порицает строителей, говоря: «Зачем к двум окнам вы не присоединили и третье, чтобы вместе мог восприниматься и больший свет, и [строение] в то же время вышло бы более красивым?» Они же ей отвечали: «Так приказал отец». Однако Варвара [настаивала], чтобы они присоединили к тем и другое окно. Боясь ей привести иные доводы, они указывают ей, как на некую благовидную их причину, на свой страх перед ее отцом. Но блаженная Варвара изобразила им перстами Троицу: «По числу Трех три окна вам должно установить. А если вызовет недовольство моего отца, я сама дам ему ответ».

Тогда уступают строители и исполняют приказанное. Когда же было завершено все украшение бани, святая стала все чаще предаваться [благочестивому] размышлению, поскольку сердце ее охватывалось благодатию Святого Духа и было исполнено верою и надеждою на Христа. Так она, стоя к купальне и зря на восток, на мраморе, которым та была обложена, перстом изобразила образ Божественного креста.

И чтобы потомкам впоследствии также было бы известно бывшее и возвещалась сила Христова, [этот] образ креста, напечатленный ее перстом, остался выбитым на купели словно железом. И вплоть до сего дня он видится ясно на мраморе, не затем, чтобы только удивлять, но чтобы к большей вере возводить смотрящих. Ведь поистине и до сего дня также спасает купель, всякое исцеление соделывает тем страждущим, кто любит Христа. Ведь если бы кто захотел сравнить этот источник с течениями Иордана, или с Силомским источником, или с Овчей купелью, тот не прегрешил бы много против истины³. Ибо посредством нее подобным же образом обнаруживается сила Христова, которая производит много чудес.

Когда же однажды мученица проходила эту баню, она обратила свой взор на идолов, которые почитались отцом и богами дурно назывались; их зрелище едва снесла она, вздохнула тяжело о тех, кто почитает их, несколько не наделенных душою. Затем и оплевала их лица, говоря: «Подобны вам да будут поклоняющиеся вам и все, надеющиеся на вас»⁴. Сказав это, она тотчас взошла на башню, где предавалась молитвам и посту, всю себя соединив с небесными благами.

4. Не прошло много времени, и когда отец ее вернулся, он осмотрел все в доме. Когда, затем, обратил взор на баню, то увидел к двум окнам добавленное и третье. И стал вопрошать, каким образом могло произойти это вопреки его распоряжению. Когда же строители доложили, что это новшество есть дело его дочери, то он послал за ней и спросил [, так ли это было].

Она же несколько не отрицала [это], но отвечала, что [именно] таким образом должно было соделать [окна], и заверила отца, что соделанное прекрасно.

Отец тотчас же был приведен в гнев. «Скажи мне, – сказал [Диоскор], – каким образом и почему это лучше?»

Варвара же сказала: «Поскольку три существенно отличаются от двух. Ведь Три окна, говорит, *просвещают всякого человека грядущего в мир*»⁵. Так она ответила, показывая, конечно, величие Святой Троицы. Отец, смущенный странностью и новизною [ее] слов, размышлял над ними, и, придя к своей бане и купальне, спросил [ее]: «Каким образом свет трех окон просвещает всего человека?» – «Внимай, говорит, отец, и познаешь сказанное. И одновременно обрати внимание на знак Креста». После и перстами указала: «Смотри, [это –] Отец, Сын и Святой Дух: от этого Света все создание мысленное освещается».

Однако это истинное слово едва вынесли склоненные ко злу и лжи уши, и отец исполнился гневом. И забыл отец, что был отцом, но поспешил стать тираном и убийцей, он извлек меч, висящий на плече, чтобы своими руками Варвару тут же убить. Она же воздела руки и глаза и ум возвела к небу, и призвала на помощь Того, Кто может дать спасение. Ибо не пренебрегла она обратиться в помощи к Тому, к Кому уже имела обыкновение всегда обращаться. Но подобно тому, как первомученица Фекла пощадила преследовавших [ее], и скале, которую встретила, повелела, чтобы та отверзлась и ее в свои недра приняла, так и эту также прославленную мученицу спасает подобное и равное чудо. Ибо когда этот палач (ибо детоубийца недостойн называться отцом), подняв меч, намеревался пронзить дочь, [находившаяся рядом] скала разделилась на две части и по всемогущему божественному мановению приняла ее. Так от рук, жаждущих крови, она была сохранена неуловимой, переправляясь в более гористые места.

Но он поистине не был ее отцом, ибо так и не смог уразуметь случившееся чудо, и самих камней был более бесчувственным, и наделенным меньшим, чем у тех, разумом; ибо он продолжал испытывать ярость и желал схватить дочь. Поступая так не как настоящий отец, но более как сын *человекоубийцы, который был таковым от начала*⁶, который, согласно с гласом Божественного Писания, находит с тем, чтобы *убить и погубить*⁷.

5. Когда же Диоскор повстречался с двумя пастухами, то спросил, не знают ли они что-нибудь об этом. При этом один из них, кто был милостив душой, и кому претило предать ту, которую столь преследовал отец, тотчас отрекся, и сделал вид, что не знает, и предпочел вместо нарушенной правды ложь во спасение. Впрочем, здесь откровенно да постыдится Ирод, который не во благо помнил свою клятву, пусть я вспомню иную историю, и чтобы защитить свое распутство, остался верен лукавой клятве⁸. Другой же пастух, более нечестивый, не столько языком, но указывая перстом, показал дорогу, которая вела к ней.

Но поскольку его поступок был лишен справедливости, то тотчас навлек за преступление наказание: его овцы были прокляты мученицей, и уже не были овцами, но были превращены в скарабеев, к вечному обвинению в преступлении [их пастыря], чтобы вечно кружиться вокруг гробницы святой Варвары.

Итак, безумный Диоскор последовал указаниям лукавого пастуха и настиг святую в горé. Сперва, возбужденный гневом, он стал избивать ее. Затем, схватив ее за волосы и влача силою, [отец] заключает ее в небольшую хижину, ставит охрану, запирает вход и утверждает [на двери] печать. Затем с великой поспешностью он приходит к Мартиану, который исполнял должность наместника, и передает

ему всю историю. Суть же его обвинения состояла в следующем. «Дочь, – говорил [он], – отрицается богов, избрала же дела христиан и, вопреки нашей надежде, их почитает». Так он сказал, и передал приведенную Варвару в руки тому, с которым раньше заключил соглашение, чтобы нисколько не щадил его дочь (о милосердие отца, о отец!), но чтобы самым жестоким образом она была бы истязаемая и казнена мучительнейшей казнью.

6. Потому когда воссел Мартиан [на судейском месте], тотчас начал суд, и святую распорядился поставить [перед ним]. Однако, зря ее красоту и честность нрава, забыл обещание, которое дал ее отцу, и готов был ей более удивляться, чем наказывать. И так, обратившись к ней любезно, говорил: «Пожалей себя, о Варвара, и будь готова с нами принести жертву богам. Ибо я забочусь о тебе и не желаю такую красоту предавать пыткам. Но если ты не послушаешься, то [сама] принудишь, наконец, меня поступить с тобой так, как я не хочу».

Мученица же говорила: «Я жертву хвалы Богу моему приношу, Который сотворил небо и землю, и вся яже в них. О твоих же пустых богах прежде было сказано в Божественном Духе Давидом: *идоли язык сребро и золото, дела рук человеческих. И вси бози язык бесове, Господь же небеса сотвори*⁹. И я так же признаю, что напрасна на них надежда, и суетность их почитания открыто исповедую».

Когда мученица сказала это, судья воспламенился гневом и приказал ее обнажить и жестоко сечь грубыми воловьими жилами. Затем он, восхотев усилить ей жестокое страдание, повелел растирать раны власяницею. И когда она была подвергнута столь бесчеловечному наказанию, открылись страшные язвы на теле, так, что вся земля напиталась кровью девы. Затем после побоев ее приемлет темница, в то время как правитель был занят размышлением, какому еще наказанию после предать мученицу.

7. Когда уже была полночь, ее ярко осиял блистающий свыше свет, и явился Христос, ободливший ее душу, и повелевший, чтобы она нисколько не боялась злых людей. «Ибо Я, – сказал [Он], – Есмь с тобою, и под сенью Моих крыльев спасешься»¹⁰. Лишь только прозвучали обращенные к мученице слова Христовы, как исполнилось с ней то, что было сказано Исайей¹¹. Ибо быстро возсияло над ней исцеление, и следы ударов, как если бы их не было вовсе, исчезли с тела. И это исцеление наполнило святую радостью и ликованием, и веселием вечным над главой ее, как я еще раз повторю то, что говорил Исайя.

Жена же некая благочестивая и боящаяся Господа по имени Иулиания, которая в то время пребывала с мученицей, с изумлением обдумывала те поразительные чудеса, которые с той произошли, и взирая на то, как раны ее тотчас же исцелились, воздала славу Богу, и словно сестра, согласная с мученицей, стала уготовлять и саму себя к ранам и бичеванию.

Затем правитель воссел для второго истязания, и святая была приведена к нему, и всем открылось приводящее в трепет зрелище, что на ее теле не осталось ни малейшего разрыва, и не было видно никакого кровоподтека. Тогда судья, слепотствуя (о горе!) без стеснения об истине, отвергая как великую Божию силу, так и покаяние [в своей] прежней жизни и своих заблуждениях, вместо того, чтобы приписать произошедшее ее исцеление истинному Богу, отбросив более всякий

стыд, приписывает это своим богам. «Видишь, – сказал [он], – Варвара, как тебя боги защищают, и о тебе заботу проявляют, кто твои раны исцелил».

Христова мученица отвечала ему: «Те, которые слепотствуют подобно тебе, и требуют рук человеческих, чтобы [самим] прийти в бытие, как они в самом деле могли произвести такое? Но если хочешь знать, кто есть Тот, Кто меня исцелил, – Он есть Иисус Христос, Сын Божий, Которого ты не можешь видеть при глубокой тьме нечестия, как лишенный глаз души».

8. Этими словами правитель воспламеняется к большому гневу, и, не в силах сдержаться себя, приказывает железными когтями рассекать ребра мученицы, и горящими факелами опалять сокрушенные уже члены, затем и молотом ударять в честную ее главу. Его распоряжение было поспешно осуществлено, и благочестивая Иулиания с трудом переносила душой, взирая на истязания мученицы. Поскольку она не могла оказать ей помощь, то делала то, что могла, и открыто обнаруживала свою к ней любовь, не обращая внимания ни на присутствующих, ни на правителя, но обильные слезы изливала из глаз. Тогда ее заметил Мартиан, и, разузнав о ней, после того, как услышал, что она также является Христианкой, и что она охвачена к Варваре жалостью и волнуется душой, приказал схватить также и ее и повесить на древе, и подобным образом и мученицу [Варвару], и железными гребнями строгать им ребра.

И вот многострадальная Варвара, нещадно терзаясь, возвела очи на небо. «Ты знаешь, – сказала она, – Боже, знающий сердца, что Тебя жажду, и Твои законы любя, саму себя Тебе всю принесла, и нахожусь во власти Твоей десницы. Ты же, Господи, не оставь нас, но заступи Твоим милосердием, и укрепи нас вместе завершить настоящее течение [жизни]».

Так мученица Христова молила Господа, ради Которого это терпела, чтобы Его помощью была бы укреплена природная их слабость. Ибо знал Тот, Кто говорит правду, когда сказал: *Дух бодр, плоть же немощна*¹².

9. Тиран же совершенно противостал во всем как их противник, [и,] чтобы преодолеть множеством зла мужество их душ, обращается к другому наказанию, и приказывает отрезать ножом сосцы их. Знаю, что вы только от одного слуха [об этом] лишитесь чувств. Да и для чего он намеревался причинить такое страдание, и это – женщинам? Разве не за непреодолимую их любовь Христову, разве не за веру, которая укрепляла их души? Но Христова раба Варвара нисколько не скрывала, что им служило облегчением против боли столь мучительной. Потому она снова обратилась за помощью свыше: «*Не отвергни нас, говоря, от лица Твоего, Христе, и Всесвятого Духа Твоего не отними. Возврати нам, Господи, радость спасения Твоего, и Духом владычественным утверди нас во страхе Твоем*»¹³.

Когда же к такому истязанию у обеих была одна душа и одна и та же стойкость и мужество, правитель не придумывает ничего более изобретательного или, пожалуй, более злобного, разве как отделить их друг от друга. Иулианию велит доставить в темницу, Варвару же нагою водить при всем народе по стране, и, кроме того, избивать ее плетью. И вот мученица столь позорно и непристойно была обводима кругом, опять, творила то, что привыкла делать, и на небо устремила глаза: «Одевающий небо, – сказала она, – облаками, и землю мглой, как пеленами,

повивающий¹⁴, Ты Сам, Царю, и мою наготу покрой, и сотвори, чтобы мои члены не были видны глазам нечестивых; и чтобы не до конца раба Твоя, о Христе, была глумима и осмеиваема окружающими нас».

*Услыша от храма святого Своего*¹⁵ Бог, скорый к защищению, и, тотчас явившись, поистине исполняет сердце ее радости, и одевает невидимой одеждой. Когда же мученица таким образом позорное шествие совершила, снова ее приводят к нечестивому Мартиану.

10. После же того, как мучитель убедился, что как Варвара, так же мыслила и прекрасная Иулиания, и когда он уразумел, что ни славными обещаниями, ни злыми угрозами они нисколько не были им убеждаемы, впрочем, заботясь, чтобы не большее навлеклось бы на него бесчестие, и он сам при этом не выглядел бы явно безумным, пытаясь осуществить то, что они [вместе с Диоскором] не в состоянии были осуществить, выносит решение, и повелевает и той, и другой отсечь головы.

И вот, [Диоскору мало было того, что] предстояла его дочь, что он был зрителем многих слез; убийца-отец этим не ограничился, ни довольствовался столь большим бедствием, что глаза отца видят дочь и ее красоту, руками ликторов убиваемую. Он, однако, счел бы очевидным для себя стыдом, и полагал бы [проявлением] слабости и мягкости души, и все происходящее не считал бы злом, если бы при этом сам не нанес своей собственной рукой [последний] удар. Поэтому, когда уже был вынесен приговор, он принимает мученицу, намереваясь осуществить убийство своими руками. Когда же она отводилась [к месту смертной казни] на гору, а следом за ней и Иулиания, то, намереваясь воспринять уже исход жизни, озаботилась принести (Богу) дорогую молитву¹⁶, и преклонив колени говорила: «Безначальный Боже, простерший небо как покров, землю на водах основавший; повелевающий солнцу сиять на благих и злых и изливающий дождь на праведных и неправедных¹⁷, для общей их пользы совместно подавая, Сам также ныне и услышь мою молитву, о Царю, и кто воспомянет Твое Имя и мое страдание, да не нападет зловерная болезнь на его дом, ни другое что из того, что могут принести ущерб и скорбь. Ты знаешь, Господи, что мы – плоть и кровь, дела нескверных Твоих рук, почтенные образом Твоим и подобием».

Когда это она произнесла, то послышался некий удивительный глас свыше, призывающий ее и Иулианию, сообщницу [ее] страданий, на небо и обещающий исполнения просимого. Услышав сей сладостный глас, Варвара отправилась в путь и была отведена к месту своей кончины.

11. Придя туда, она склоняет главу под руки отца, и от отцова меча принимает кончину, являя наглядно добрый плод от плохого древа. Также и Иулиания была умерщвлена одновременно с ней одним из тех воинов, которые присутствовали там. В том же месте, где это произошло, и нечестивого отца покарал Божественный суд, который не потерпел даже кратко таковую «доброту» отца, из-за высшей его порочности и отсутствия надежды на [его духовное] исцеление. Возвращаясь с гор, он поражается молнией, и лишается совершенно жизни, не этой только мимолетной, но и той [, вечно] пребывающей, [ибо,] поистине жалкий, он не был достоин ни той, ни другой. Потом молния также переходит на правителя Мартиана, стремительностью этого божественного ниспосланного огня поистине являя на-

чало и определенный знак того невещественного огня, который его будет мучить вечно.

Некий же муж благочестивый и боголюбивый Валентин, взяв святые тела мучениц и, как подобало, почтив [их] священными песнями, благочестно и почтительно поместил в месте, которое называется Гелассия, отстоящее двенадцать миль от Евхаитов. [Ибо поистине сии тела] – болезней исцеление, душ радование, набожных благочестивых мужей любезное увеселение. Во славу Христа истинного Бога нашего, Которому подобает честь, сила, величие и великолепие, ныне и при-сно, и во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уже в начале речи Метафраст подражает стилю Григория Богослова, который часто любил пользоваться анастрофой – повторением последнего слова одного колона (kolon) в начале следующего. «Чтобы создать акцент, как в следующих примерах: И как главное в празднике – памятование о Боге, / то воспомянем Бога Ἐπεὶ δὲ κεφάλαιον ἑορτῆς μνήμη Θεοῦ, / Θεοῦ μνημονεύσωμεν». Свт. Григорий Богослов. Слово 39, На Святые Светы Явлений Господних. Собрание творений: в 2 т. Т. 1. – М.: Сибирская благовонница, 2007. С. 455. Or. 39. 10: PG. 36. 345 B; Ruether R.R. Gregory of Nazianzus: Rhetor and Philosopher. Oxford: Oxford Univ. Press, 1969. P. 62.

² Илиополь (Гелиополь, Гелиополис) – один из древнейших и важнейших городов в Древнем Египте, расположенный к северо-востоку от современного Каира. (Прим. ВС.)

³ «И баня с тремя окнами, строенными в образ Святой Троицы, и мраморный камень при источнике с изображением креста, и след ноги святой Варвары – все это сохранилось в целости до времен Симеона Метафраста, который, после Иоанна Дамаскина, описал страдания сей святой мученицы. В своей истории он говорит об этом так: «До сего дня существует сей источник, исцеляющий всякие болезни у христолюбивых людей; если бы кто захотел сравнить его со струями Иордана, или источником Силоамским, или с Вифездою, тот не погрешил бы против истины, ибо и в этом источнике одинаково много чудес совершает сила Христова». Жития свт. Димитрия Ростовского. Книга четвертая (Декабрь). – М.: Златоуст, 1997. С.80.

⁴ А их идолы – серебро и золото, дело рук человеческих... Подобны им да будут делающие их, и все, надеющиеся на них (Пс. 113, 12, 16).

⁵ Ин. 1, 9.

⁶ Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала (Ин. 8, 44).

⁷ Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить (Ин. 10, 10).

⁸ Имеется в виду клятва, данная Иродом Агриппой своей приемной дочери, что привело к казни св. пророка и предтечи Иоанна Крестителя. (Прим. ВС.)

⁹ Пс. 113, 12; 95, 5.

¹⁰ Перьями Своими осенит тебя, и под крылами Его будешь безопасен (Пс. 90, 4).

¹¹ И собрании Господем обратятся, и приидут в Сион с радостию, и радость вечная над главою их: над главою бо их похвала и веселие, и радость примет я, отбеже болезнь и печаль и въздыхание (Ис. 35, 10).

¹² Мф. 26, 41.

¹³ Не отвергни мене от лица Твоего, и Духа Твоего Святого не отними от меня. Возврати мне радость спасения Твоего, и Духом владычественным утверди меня (Пс. 50, 13-14).

¹⁴ Ср.: Пс. 146, 9. Кн. Иова, гл. 38, 10.

¹⁵ Пс. 17, 7.

¹⁶ Ср.: «И в этом руководил ею великий наставник – страх. Она, желая видеть в доме своем рождение дитяти мужского пола, что, конечно, вождленно для многих, открыла желание свое Богу и просила исполнить оное. И как сердце было неудержимо, предваря дарование усердием, отдает она Богу дар, который желала получить. А потому и дорогой обет не остался без исполнения (καὶ τοῦτον εὐχῆς οὐχ ἀμαρτάνει φιλῆς); благоприятным же началом сего послужило ей видение, показавшее тень желаемого, – ей ясно представились и мой образ, и мое имя. И этот дар ночи стал действительностью, потому что родился у них я». (Свт. Григорий Богослов. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою // Цит. соч. Т. 2. С. 197).

¹⁷ Ср.: Пс. 103, 2; Пс. 135, 6; Мф. 5, 45.

Об уме и учении. О Церкви и богослужении

Об уме и учении

Ум не есть высшая в нас способность. Его должность не больше, как полицейская: он может только привести в порядок и расставить по местам все то, что у нас уже есть. <...> Есть высшая еще способность; имя ей – мудрость, и ее может дать нам один Христос.

Николай Гоголь (1809–1852)

Ум – это только рабочая сила у сердца.

Св. правед. Алексей Московский (1859–1923)

Ученость, предоставленная самой себе, есть самообольщение, есть бесовский обман, есть знание, преисполненное лжи и поставляющее в ложное отношение ученого и к себе и ко всему.

Свят. Игнатий (Брянчанинов) (1807–1867)

Своначальный жадный ум, –
Как пламень, русский ум опасен...

Вячеслав Иванов (1866–1949)

Перестаньте думать, начинайте мыслить.

Старец Нектарий Оптинский (1858–1922)

Куда уходят мысли? В память Господа.

Жозеф Жубер (1754–1824)

Невозможно заслужить дар истинного знания тому, кто занимается чтением с намерением заслужить людскую похвалу. Ибо кто побежден этой страстью [стремлением к похвале], тот обязательно будет связан и другими страстями, особенно – гордостью.

Преп. Иоанн Кассиан Римлянин (ок. 360–435)

...Не всем предназначен дар и долг учительства, и Церковь не многих удостоила имени Богословов. Однако же никому не позволено в христианстве быть вовсе неученым и оставаться невеждою.

Свят. Филарет Московский (1782–1867)

Быть глупым по природе не составляет вины. А сделаться глупым от злоупотребления ума – неизвинительно и влечет за собою большое наказание. <...> Ибо ничего не делает столь глупым, как высокоумие.

Свят. Иоанн Златоуст (ок. 347–407)

Двусмысленность ума («надмение») и его главной функции – анализа. В этом умном анализе обычно все верно, в целом же он почти неизбежно темный, разрушительный и плоский. Ум знает только одно измерение. И потому его анализ в конечном итоге, и как это ни страшно, совпадает с анализом дьявола. Все верно и все ложь. По отношению к этому уму не только поэзия, но и богословие, и все остальное должны быть глуповаты, ибо ум и есть носитель и рассадник гордыни в человеке, то есть того, что привело к падению...

Означает ли написанное выше «апологию глупости»? Нет, ибо глупость в нашем падшем мире тоже от дьявола и тоже – гордыня. Больше того – в пределе своем она как бы совпадает с умом. Не случайно в нашем мире глупые преуспевают ничуть не хуже умных, а часто и лучше. И это так потому, что то, что мы называем глупостью, есть на самом деле разновидность того же самого падшего ума. На деле ум только кажется «умным». Его глупость замазана, замаскирована «анализом», то есть умением приводить, так сказать, в порядок мысли, идеи, факты, представлять глупое как умное. Что, Маркс, Фрейд, Гитлер, Сталин – были людьми «умными» или «глупыми»? А также – Набоков, Гарнак, Валери, Андре Жид, Хемингуэй и т.д.? В пределе, по отношению к главному – очевидно глупыми. По отношению к неглавному – умными. В падшем мире ум – это грандиозная и, повторю, демоническая операция по маскированию основной и «существенной» глупости, то есть гордыни, сущность которой в том, что, будучи глупостью – слепотой, самообманом, низостью, она «хитроумно» выдает себя за ум.

Это значит, что в мире противостоят друг другу не ум и глупость (они «вместе», предполагают друг друга, укоренены друг в друге), а ум-глупость – то есть гордыня – смирению. Смирение – Божественно и потому одно преодолевает и побеждает ум-гордыню и глупость-гордыню.

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт – ум глупцов!

Николай Некрасов (1821–1877)

О Церкви и богослужении

Может ли человек спастись без Церкви? Нет, не может, <...> как не может жить рука, отсеченная от тела.

Свят. Николай Сербский (1880–1956)

Удивительная логика, явленная христианством: сумма грешных людей «дает» Церковь, Тело Христово, а в «миру» наоборот: сумма индивидуально и скромных, и жертвенных, и во всех смыслах, возможно, «порядочных» людей «дает» дьявольскую гордыню, коллектив, живущий самоутверждением.

Прот. Александр Шмеман

Если критерием истинности и процветания Церкви взять критерий праведности и нравственности ее членов, то окажется, что и при жизни Христа не было Церкви. <...> При критерии нравственного совершенства, прилагаемого к современной Церкви, во дни Христовы праведным оказался бы, вероятно, один фарисей. Который ведь и в действительности ни от кого не отрекался, подобно Петру, не распутничал, подобно Марии Магдалине, не грабил, как благоразумный разбойник, не требовал дерзостно лицезреть Отца, как Филипп, не верил своему осязанию больше, чем самому Богу, как Фома, не засыпал в бессилии, как *все* ученики в саду Гефсиманском...

Свящ. Сергей Дурьлин (1886–1954)

...Если хочешь возгреть молитву в своем сердце, чаще ходи в храм Божий. Дома так не помолишься, как в храме.

Свят. Феофан Затворник (1815–1894)

И как пристань, защищенная от ветров и волн, дает полную безопасность входящим в нее судам, так и дом Божий, как бы исторгая входящих в него из бури мирских дел, дает им стоять спокойно и безопасно слушать слово Божие. <...> Войди в преддверие – и как бы ветерок духовный повеет на твою душу. Эта тишина внушает страх и учит любомудрию, возбуждает ум и не дает помнить о настоящем, переносит тебя с земли на небо.

Свят. Иоанн Златоуст

Об уме и учении. О Церкви и богослужении

Церковь – не земля, это кусочек неба.

Игумен Никон (Воробьев) (1894–1963)

Храм... есть единственное на земле место, где жизнь природная, существование человеческое и Бытие божественное составляют живое единство, образцом коего является высочайшее Троическое Единство Божества.

Свящ. Сергей Дурьлин

Не нужно ждать или искать чудес. У нас одно чудо: Божественная Литургия.

Старец Нектарий Оптинский

Не укоряй ближнего, стоящего в церкви не на положенном месте; церковь составляют не столбы, а люди.

Преп. Ефрем Сириин (ок. 306–373)

«Был мой собственный путь...»

На вопросы ВС отвечает поэт Марина БИРЮКОВА

– Марина, как у вас произошло обращение к тому, что можно условно назвать духовной лирикой? Эти темы были в ваших стихах изначально – или был какой-то путь к этому, сознательный, а возможно – и неосознанный вначале?

– Никакого обращения к духовной лирике, собственно, не было. Был мой собственный путь – я надеюсь, что его можно назвать путем духовным. Я росла, изменялась, вместе со мной росли и изменялись стихи. И к сегодняшнему дню стали – вот такими.

– В предисловии к вашей книге «Щегол» (2012) филолог Екатерина Иванова пишет: «Марина Бирюкова произносит святые имена с предельной осторожностью, как будто у нее есть некий лимит неповторимых слов и она боится растратить его раньше времени». Действительно есть чувство такого лимита – или же это страх «поминания всуе», сродни мандельштамовскому: «“Господи!” – сказал я по ошибке, Сам того не думая сказать...»?

– Это идет от самой поэзии, от природы поэтического творчества. Оно не приемлет не только упоминания всуе святых имен, но и суесловия вообще. Ведь для него слово – это всё: только благодаря слову оно возможно. Безответственно растрачивать слова, использовать их не по назначению, обесценивать, «забывать гвозди микроскопом» – этого профессиональный (состоявшийся) поэт не может себе позволить. И здесь даже нет никакого «а уж тем более...». Если в каждой второй строчке некоего опуса стоит святое имя – это не только грех поминания всуе, это еще и не стихи. Нестихи.

– В рубрике «Мой важный поэт» в одном из последних номеров журнала «Арион» о вас написала Ирина Роднянская. А кого бы вы могли назвать – из современников – «своим важным поэтом»?

– Алексея Решетова. Его уже нет на этом свете. Удивительный, в истинном смысле слова духовный поэт. Очень огорчило, когда на каком-то литературном мероприятии его назвали «уральским Есениным». Решетов абсолютно самобытен и нисколько на Есенина не похож, это совершенно иная природа поэтического духа. Называть одного поэта именем другого, использовать имя Есенина как некий ярлык, который можно надевать на «удостоенных» – по-моему, это граничит с пошлостью. Так и Николая Рубцова кому-то непременно нужно было назвать «Есениным второй половины XX века», хотя Рубцов тоже совершенно иноприроден Есенину.

Итак, еще одного важного поэта – Рубцова – я назвала, хотя он не совсем уже современник. Старший современник по отношению ко мне, так скажем. Из таких старших, уже ушедших, назову еще Бориса Слуцкого – он имеет для меня отдельное и огромное значение. Не менее значим Анатолий Жигулин – человек тяжелой судьбы, один из самых сильных и чистых голосов русской лирики XX века. Не могу не назвать здесь Веронику Тушнову (изумительного поэта – хотя многие относятся к ней как-то снобистски) и Марию Петровых. Из ныне живущих очень люблю Ларису Миллер, Ефима Бершина, Михаила Иверова, Ирину Евсу. Из недавно ушедших – Игоря Меламеда и Владимира Яковлева.

– В одном интервью вы сказали: «Я бы не стала использовать словосочетания “православная журналистика” и “православный журналист”. Так же, как и “православный поэт” – это для меня вообще исключено, и очень неприятно было, когда меня пытались так назвать. Православный – это определение вероисповедания человека, но никак уж не его профессии». Мне было радостно это прочесть – прибавление «православный» ко всему, что только можно, ведет к выхолащиванию, обесмысливанию этого понятия... И все же, можно ли, на ваш взгляд, говорить о православной, христианской поэзии? Или же поэзия не делится «по конфессиональному признаку»?

– Плохо, когда «православность» подменяет поэзию как таковую. Увы, плохие «православные» стихи можно видеть сегодня во многих церковных изданиях, слышать на всевозможных мероприятиях... Что делать – слишком многих подводит литературный вкус.

Но вот пример поэзии истинной и в истинном смысле этого слова православной – уже упомянутый мною здесь Михаил Иверов. То же можно сказать и о Светлане Кековой, о Елене Лапшиной, Станиславе Минакове. И здесь нет на самом деле особых сложностей: когда человек приходит к Церкви, когда он сам становится не поверхностно, а глубоко православным, он преображается, и если он поэт – возможно ли, чтобы вместе с ним не преобразались его стихи? Творчество христианина – не то же, что творчество неверующего или человека иной веры, разница эта очевидна и неотрицаема. Таким образом, ответ на ваш вопрос – «Можно ли, на ваш взгляд, говорить о православной, христианской поэзии?» – тоже очевиден: о ней *нельзя не говорить*. Она есть – как явление в литературе; явление четко обозначенное, не размытое, значимое. Хотя – не исключено, что оно только начинается.

– Вы работаете заместителем главного редактора журнала «Православие и современность» (гл. редактор – игумен Нектарий (Морозов)), издаваемого в Саратовской митрополии. Не могли бы рассказать немного о вашем журнале? Какие в нем рубрики?..

– Мы придумали для журнала в свое время девиз: журнал для верующих, думающих и любящих. Наша любимая рубрика в журнале – «Человек». Это всегда рассказ нашего современника о собственном его духовном пути. Среди наших собеседников – и ученый-физик, и поэт, и государственный чиновник, и священник, и музыкант, и историк-краевед, и журналист, и монахиня... Пути многих из них не были прямыми и короткими, не были идеальными...

В разделе «Церковь» мы рассказываем о сегодняшнем дне Церкви, о жизни приходов (часто отдаленных – есть постоянная рубрика «Глубинка»), о труде людей церковных профессий: иконописца, регента... Благодаря нашим коллегам, имеющим возможность работать за рубежом, рядом с репортажем из старинного русского села оказывается репортаж из Сан-Диего, рассказ о жизни православных американцев. Многим запомнился очерк Аллы Кисиной о судьбе вьетнамского православного священника Иосифа Бьен Мэя; о женском православном монастыре в Аризонской пустыне...

Кроме того, раздел «Церковь» всегда содержит интервью (мы предпочитаем слово «беседа») с одним из действующих архиереев Церкви.

Раздел «Школа церковной жизни» – это всегда беседа о тех духовных проблемах, которые могут встать перед любым верующим. Как научиться принимать решения? Почему послушание называют дорогой к свободе? Что значит – любить Бога, как ответить самому себе на вопрос, люблю ли я Господа? Как справиться с унынием и отчаянием? Что такое смирение, почему это понятие невозможно определить до конца? Как быть, если слова молитв из молитвослова никак не становятся своими, остаются чуждыми, и в результате вместо молитвы – вычитывание правила?

И, конечно, – Священное Писание. Ветхий Завет, который, к сожалению, мало известен нашим прихожанам... Бытует ведь даже такое мнение: «Ветхий Завет – это для протестантов, а нам его не обязательно читать, у нас есть Новый»... С нами сотрудничают такие библеисты, как протоиерей Геннадий Фаст, протоиерей Леонид Грилихес, диакон Владимир Василик, преподаватель Саратовской семинарии Алексей Кашкин. Вместе с ними мы, не спеша, переворачивали страницы Моисеева Пятикнижия, пророческих книг, Псалтири, Экклезиаста...

Благодаря и профессиональным историкам, и энтузиастам-краеведам, и потомкам репрессированных христиан, у нас в епархии создано историческое общество «Возрождение», мы узнаем все новые и новые имена мучеников XX века, и публикуем это в историческом разделе нашего журнала. У нас есть и рубрика «Вернисаж», и литературная рубрика... Пожалуй, хватит, потому что о журнале я могу говорить долго.

– А не мешает ли журнальная работа стихам?

– Мешает, и очень сильно. Очень мало оставляет времени и сил на поэтический труд. Но что делать?..

– *А как, вообще, сегодня живется русскому поэту в Саратове?*

– Если говорить о проблемах – то они не Саратова только, а всего русскоговорящего пространства. Колоссальная проблема – как поэту и читателю найти друг друга. Правда, последние годы нас выручает интернет – социальные сети, Живой журнал. Но это все же виртуальная жизнь... Беда еще и в том, что в Саратове сегодня нет таких СМИ, таких изданий, которые следили бы за событиями – не только в литературе, но и в культуре вообще. Что-то пытается делать Саратовский литературный музей имени Федина – проводит творческие вечера, встречи, спасибо ему большое... Впрочем, сетовать бесполезно – никто за нас самих этого не сделает, не создаст культурного пространства...

*

Но, как нам ни худо бывало – теперь
на празднике мы; и зачем же я стану
теперь сомневаться? И ты мне поверь:
Не зря мы пришли в Галилейскую Кану.

Мы званы и выпьем – пусть корчится бес –
по доброму случаю выпьем такому
за лилию в поле, за птицу небес,
за блудного сына, идущего к дому,

за соль и за свет, за начало начал –
за Слово у Бога... Но что это с нами?
Петух закричал? Молоток застучал?
Что короток пир – мы заранее знали.

Окажется страшною наша вина,
и горе за горло ухватит и сдавит,
и радость от этого, друг мой, вина
уйдет. И воротится. И не оставит.

*

Я стою в полутьме придела,
за окном шелестит снежок,
раньше, нежели я хотела,
мальчик свечку мою зажжёт.

Мне ль мой собственный путь неведом,
я ль не знаю, чего хочу?
Но дитя за своею следом
зажигает мою свечу.

Это знак: не решай за Бога,
Богу ведомы одному
ты сама и твоя дорога...
Понимаю; но как приму?

*

Утро первого января,
над котельною – свечка дыма,
за ветвями садов – заря.
Ни души. Я шагаю мимо

тёмных окон, пустых дворов:
снег изрыт. Меж бутылок прочий
мусор праздника. Треск сорочий,
кот на штабеле свежих дров...

Как непросто мне! Я иду,
чтоб идти, чтоб сейчас поверить,
что смогу за спиной беду...
Сколько времени – восемь, девять?

От шагов моих снег поёт,
изменяется дым с восходом
солнца позднего... Бог даёт
время новое. С Новым годом!

*

Шарик ёлочный старше меня –
облупившийся розовый шарик.
На закате морозного дня –
наряжали, пекли, приглашали,

были радостны, возбуждены,
шара кроткого не замечали...
Он свидетель фамильной вины,
он от жалости к нам и печали

стал таким – и средь новых шаров
на ровеснице-нитке суровой
розовеет, совсем не суров...
Мы виновны виною не новой –

нелюбовью, и нас не спасут
ни салаты, ни водка, ни гости...
Видеть в ёлочном шарике суд
или в новом кресте на погосте

видеть суд себе – лишь бы успеть...
Если б я увидеть не успела,
я бы тоже, наверное, пела,
раз уж гости затеяли петь.

*

Боярышник, боярышница, славка,
я не могу воспеть вас, почему?
Как будто я у сельского прилавка
и потрошу лоскутную суму:

за чудо платят, мне ль не знать об этом?
Но не застряло денежки во шву,
и вот, живу я в мире невоспетом...
В каком я мире, Господи, живу!

В нем дерево, и бабочка, и птица –
такие, что достойно их воспеть
возможно только чудом, и не медь
нужна была бы, чтобы расплатиться.

Спасибо, что по бедности моей
сказать о них дано мне нынче даром:
о дереве боярышника старом,
о бабочке и птице меж ветвей.

«Карамзинский проект» Бориса Акунина

Если оценивать российских писателей по критерию жанрового многообразия, то пальму первенства, безусловно, следует присудить Борису Акунину.

После серии увлекательных детективных «сериалов» об Эрасте Фандорине и сестре Пелагии писатель успел поэкспериментировать с приключенческим, шпионским, историческим романом, детской литературой... Каждую новую серию книг Акунин заявляет как «проект» – и затем добросовестно заполняет персонажами и сюжетными ходами уже очерченную рамку.

На этом фоне не выглядит большой неожиданностью новый «проект» автора – «История Российского государства»*. Хотя по масштабу и широте замысла он явно превосходит предыдущие.

Труд Акунина гораздо ближе к научно-популярному, чем к научно-историческому жанру. «История» написана легким, общедоступным языком; в книге отсутствуют примечания, ссылки на источники, алфавитные указатели.

Автор подчеркивает, что не выстраивает никакой концепции:

И самовосхвалительная, и самоуничижительная линии, обильно представленные в трудах отечественных историков, мне одинаково неинтересны. Я хочу узнать (или вычислить), как было на самом деле.

На протяжении всего повествования писатель действительно стремится соблюсти беспристрастность, и зачастую его отношение к описываемым фактам выдает лишь прорывающаяся между строк ирония.

Пока вышло в свет три тома «Истории»: «От истоков до монгольского нашествия (часть Европы)», «Ордынский период (часть Азии)» и «От Ивана III до Бориса Годунова (между Азией и Европой)».

Данная хронология выбрана не случайно. Азия и Европа в глазах Акунина –

* Акунин Б. История Российского государства. Т. 1–3. – М.: АСТ, 2014–2016.

не просто географические понятия, а образ жизни, мысли и государственного устройства.

Эпоха монгольского владычества вывела Русь из ряда европейских стран и во многом определила будущую историю России, вплоть до современности. «Российская форма абсолютной монархии возникла по ордынскому образцу»: нигде в Европе «авторитаризм не достиг такой совершенной степени». От европейских держав послеордынскую Русь отличал примат государственных интересов над правами отдельно взятой личности.

С другой стороны, именно эти «азиатскость» и «жесткая вертикальность», по убеждению автора, позволили стране впоследствии пройти через нелегкие испытания: наполеоновское нашествие, Вторую мировую войну... Другой позитивной особенностью стала «позаимствованная у Орды веротерпимость и – шире – просто терпимость к иному образу жизни».

Следуя карамзинской традиции, Акунин пишет не столько историю страны, сколько именно государства.

Это<...> политическая история: государственного строительства, механизмов управления, взаимоотношения народа и власти, общественной эволюции. Культуры, религии, экономики я касаюсь лишь в той мере, в какой они связаны с политикой.

При этом религия (читай: Русская православная церковь) достаточно часто оказывается связана с политикой в процессе становления русского государства. Одной из главных вех в его истории, безусловно, является Крещение Руси святым равноапостольным князем Владимиром в 988 году.

Трудно переоценить роль, которую введение христианства сыграло в русской истории. Это одна из самых важных вех в эволюции государства и культуры, в формировании нации; событие не столько религиозного, сколько цивилизационного значения. Благодаря новой вере<...> произошел качественный скачок в представлениях о правильности и неправильности, приемлемом и неприемлемом поведении, Добре и Зле <...> Идея о том, что убивать, воровать, изменять, обижать слабых нехорошо, сегодня кажется нам азбучной истиной. Для вчерашних язычников это, вероятно, было революцией сознания.

Наряду с исправлением нравов, не менее важно, с точки зрения Бориса Акунина, и то, что

...церковь очень скоро превратилась в одну из опор, на которых держалось все русское государство. Иногда – единственную опору. В самые тяжкие времена от России оставались только язык да церковь, причем последняя оказалась прочнее. Разделенный границами, русский язык через некоторое время начинал делиться (на великорусский, украинский, белорусский), церковь же неизменно тяготела к единству и в конце концов вновь собирала рассыпавшиеся осколки страны воедино. <...> Церковь раз за разом – парадоксальным образом – оказывалась сильной в годину слабости и слабой в эпоху силы.

Впрочем, ослабление влияния церкви в период правления наиболее авторитарных монархов и укрепления государственности как раз-таки легко объяснимо:

самодержцы не склонны были делиться властью и влиянием, если обстоятельства их к этому не принуждали.

Гораздо больший интерес вызывают страницы истории, где церковь в смутные времена выступает опорой строящегося государства. Например, вмешательство митрополита Феогноста в конфликт между Москвой и Псковом (1329 год), в результате чего московский князь Иван Калита одержал верх над Александром Михайловичем Тверским. Деятельность митрополита Алексия, который в 1370-х годах фактически правил Московским княжеством до совершеннолетия князя Дмитрия Донского. Посредничество Сергия Радонежского в примирении того же Дмитрия Донского и Олега Рязанского. Наставничество митрополита Макария, оказывавшего благотворное влияние на Ивана Грозного в ранние годы его правления...

Особенность пантеона русских святых заключается в том, что самые чтимые из них – те, кто считал своим долгом выходить из молитвенного уединения и даже покидать тихие «пустыни», если государство нуждалось в их помощи.

Были у русской церкви свои герои и подвижники и в периоды ее ослабления (и, соответственно, усиления центральной власти). Так, митрополит Филипп (Колычев) в годы опричнины не отказался от обличения санкционированных Грозным бесчинств и казней, продолжал, несмотря на угрозы, ходатайствовать за невинных жертв – и заплатил за это жизнью.

Отмечает автор «Истории Российского государства» и роль церкви в качестве просветительницы русского народа:

Церковь была главным двигателем культуры и искусства – в ту эпоху оно могло быть только религиозным. Еще важнее роль, которую духовенство играло в распространении книжности.

В целом, однако, Борис Акунин повествует о связанных с церковью и верой эпизодах русской истории достаточно холодно и отстраненно. История для него – это не поле для проявления Божьего промысла, а естественный ход событий, определяющийся стечением объективных и субъективных факторов.

Рассказывая о чудесном спасении Москвы от разорения Темуром в 1395 году, он пересказывает предание о переносе иконы Владимирской Богоматери из владимирского собора в московский Кремль и последующем Ее явлении великому полководцу во сне. Однако сам автор склонен объяснить внезапный уход Темура от стен Москвы более прозаичной причиной – активизацией разбитого незадолго до того, но не смирившегося с поражением Тохтамыша. Хотя фактических подтверждений этой версии у автора нет.

Таким же чудом выглядит успешная оборона Псково-Печерского монастыря во время Ливонской войны: горстка монахов и стрельцов на протяжении двух месяцев отражала натиск немецко-венгерской армии. Монастырь так и не был взят неприятелем. Акунин приводит записи участника войны – ксендза Станислава Пиотровского: «...Было два штурма и оба несчастны. Пробьют пролом в стене, пойдут

на приступ, а дальше ни с места. Это удивляет всех: одни говорят, что это святое место, другие – что заколдованное, но во всяком случае подвиги монахов достойны уважения и удивления...» В этом случае автор «Истории» воздерживается от комментариев.

Вопреки обещанию не придерживаться каких-либо концепций, а излагать только факты, Борис Акунин – вольно или невольно – выстраивает в своем сочинении достаточно жесткую и определенную концепцию. Вкратце ее можно сформулировать так: Русь (а позже Россия) в силу исторических обстоятельств сложилась как государство смешанного, восточно-западного типа, причем азиатских черт в нем едва ли не больше, чем европейских (предельная централизация, сакрализация фигуры правителя, приоритет государственных интересов над личными, система личных привилегий взамен личных прав). На протяжении веков, по причине несовершенства государственного устройства, это во многом нелепое с точки зрения остального мира образование несколько раз терпело крах и затем возрождалось практически с нуля.

Все это звучит достаточно стройно и убедительно. Вопрос по прочтении трех томов «Истории» остается один: что в течение тысячелетия позволяло этой странной стране не погибнуть окончательно, не кануть в Лету вслед за многими другими большими и малыми деспотиями? Что заставляло ее, подобно Фениксу, вновь и вновь возрождаться из пепла? И нет ли в ее существовании какого-то особого смысла, до сих пор не разгаданного нами до конца?

РЕЦЕНЗИИ

Иерей Александр КОЛОТОВКИН

«Горе мне, если не благовествую...»*

Ровинский К., прот. Беседы старого священника со своими духовными детьми. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2015. – 264 с.

Протоиерей Константин Ипполитович Ровинский – человек, жизненный путь которого сложился благодаря духовному окормлению знаменитого московского старца о. Алексия Мечёва, ныне прославленного в лике святых. Св. прав. Алексей Мечёв воспитал и таких московских духовников, как протоиерей Иоанн Кедров, протоиерей Николай Кузнецов, священномученик Сергей Мечёв...

Создавая и сохраняя на местах своего служения христианские общины, эти пастыри становились для многих людей теми самыми светильниками, которые тьма безбожия не смогла объять.

Сам о. Константин так говорит о причинах, которые побудили его написать эту книгу:

Мой <...> продолжительный религиозный опыт и личные переживания несколько раз побуждали меня поделиться ими со своими духовными детьми... Ныне две мои духовные дочери обратились ко мне с просьбой записать все, что я им передавал <...> для постоянного назидания и утешения... Это <...> обстоятельство, а также и то, что врачи признают <...> что дни мои сочтены, понуждают меня <...> исполнить их просьбу.

И действительно, весь литературный материал представляет собой изложение и вдумчивое осмысление жизненного опыта автора. Приняв иерейский сан в 59-летнем возрасте, о. Константин в течение двух десятков лет духовно окормлял вверенную ему паству. Многие случаи, произошедшие за эти годы и отмеченные умом зрелого священнослужителя, открываются ему не простым стечением обстоятельств, но являют собою действие Промысла Божия.

Бросая взгляд на собственное прошлое, автор приводит несколько случаев из собственной биографии, когда Господь чудом спасал его от неминуемой, казалось бы, смерти. А дальнейшее размышление о смысле и идеалах жизни христианина,

подкрепленное писаниями святых отцов Церкви, представляет собой настоящий учебник по нравственному богословию для мирян. «Истинный христианин познается только по своей жизни, как дерево познается по плодам».

От теоретического описания духовно-нравственной жизни христианина о. Константин переходит к практической ее части – молитвенное делание. «Христианин должен знать, что без молитвы никаких спасительных даров от Бога он не получит». Необходимые условия, без которых невозможна молитва, – горячая вера, любовь к Богу и к ближнему. Чтобы стяжать великий дар любви, нужно искоренить гнев в своем сердце, направив это чувство на врага человеческого рода – дьявола.

Христианин обязан установить правильное отношение к Богу. Во главу угла должно быть поставлено именно наше отношение к Нему, ибо отношение Бога к нам известно: Бог есть любовь.

Что же касается отношений с ближними, то и здесь находятся нужные слова из копилки пастырского опыта: «Истинно любящий ближнего ни на кого легко не гневается, кроме себя». «Мужественный дух не способен к хулению». Говоря о таком чувстве как месть, автор свидетельствует:

Самое великое и благородное мщение – скоро прощать <...> воздаяние добром за зло является не только самым благородным актом мести, но и смиряет противника. Человек, так поступающий, не сам себя возвышает, но его благородный образ действий <...> ставит его выше противника.

Мечь, рождаясь из горделивого превозношения одного человека над другим, исчезает вместе с искоренением первопричины ее – гордыни. О. Константин и тут способен дать ценное указание: в борьбе с гордостью

...человек должен иметь не только искренне доброе намерение и решение исправить свою жизнь, перестав грешить, но должен начать приводить в исполнение это решение, сделав самостоятельно первые шаги по пути спасения, начав работу со страстями и греховными привычками <...> в то же время, сознавая свою слабость и памятуя слова Спасителя: «Без Меня не можете ничего делать» (Ин. 15, 6).

Касаясь непосредственно молитвенной практики, о. Константин во многом повторяет слова святого праведного Иоанна Кронштадтского:

Молиться нужно дерзновенно, т.е. искренно и безбоязненно просить Бога о том, в чем мы чувствуем нужду, а сами себе [помочь] не можем <...> с полной надеждой, что всякая молитва наша, произносимая с верой, будет исполнена.

Предупреждает он и о трудностях, подстерегающих ставшего на молитву: о рассеянии ума, бесовских наваждениях, поспешности... Упоминает о. Константин и еще об одном виде духовной практики, которым пользовался кронштадтский праведник, – о молитве по соглашению:

Иерей Александр КОЛОТОВКИН. «Горе мне, если не благовествую...»

...В первые века христианства молитва по соглашению была довольно обычной и священнослужитель в тайной молитве [читаемой после 2-го антифона на Литургии] просит Христа, чтобы общие, всю Церковь [творимые] молитвы Господь так же благосклонно принял, как Он обещал исполнить прошения двух или трех, согласившихся <...> о чем-нибудь просить.

Автору довелось принять священный сан в годы великих испытаний для Церкви и всего народа. Он был свидетелем оскудения веры в сердцах людей, закрытий и разрушений храмов. Разрушили и Иверскую общину милосердия, которой было отдано столько сил... Поэтому немалое внимание уделяется им доказательству великой силы Таинств Церкви (Покаяния, Евхаристии, Елеосвящения), свидетельствам помощи Божией Матери, святителя Николая Чудотворца, преподобного Серафима Саровского и прочих угодников Божиих в самых сложных обстоятельствах жизни.

Готовые формулы, готовые выводы [материализма – А.К.], плоские, шаблонные мысли преподносятся <...> как продукт человеческого гения, простого рационализма, убивая в людях всякое побуждение к исследованию, любознательность и стремление к истине.

Для того, чтобы напомнить неверующим и сомневающимся о том, насколько тонка грань между миром людей и миром незримым, он приводит случаи прямого контакта людей с душами усопших, доказывает необходимость и значимость отпевания, размышляет о смерти и загробном бытии. Автор не обходит стороной и влияние темных сил на человека. Рассказывая о случаях воздействия бесов на людей, он учит и способам борьбы с ними: «...не нужно подавать повода темной силе, делать зло, мстить, а просто ее игнорировать, не замечать, как ничтожество, как существо беспомощное и вредное».

В книге немало попыток и провести параллели между христианством и достижениями современной автору науки. Размышляя о том, что: «Исповедуемая человеком христианская религия не должна быть каким-то придатком к его жизни...», о. Константин приводит в доказательство труд профессора В.Ф. Чижа «Психология наших праведников», в котором говорится, что святые, с точки зрения психиатрии, являются наиболее здоровыми людьми. Именно эти люди достигли максимально возможной степени различения добра и зла, а, следовательно, более нравственны и менее других подвержены психическим отклонениям.

Книга протоиерея Константина Ипполитовича Ровинского не оставит равнодушным читателя, искренне ищущего Истину и путь к Ней. Стиль речи, свойственный людям рубежа XIX–XX веков, заинтересует и позволит окунуться в атмосферу прошлого, а свидетельства о жизни знаменитых деятелей Церкви, многие из которых стали новомучениками и исповедниками, сделают чтение очень полезным и для воцерковленных христиан, и для всех интересующихся историей Русской Церкви.

АВТОРЫ НОМЕРА

БЕЛЕВЦЕВА Наталья – ведущий научный сотрудник отдела музейного и архивного хранения Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Научные интересы: эпистолярное и художественное наследие русского зарубежья. Живет в Москве.

Игумен Нектарий (БЛИНОВ) – наместник Свято-Троице-Георгиевского мужского монастыря города Чирчик (Узбекистан). Председатель Комиссии по канонизации святых Среднеазиатского митрополичьего округа Русской Православной Церкви; член Синодальной комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви. Живет в Чирчике.

ДЕЛАЛАНД Надя (Надежда Черных) – поэт, литературный критик. Автор нескольких сборников стихов. Публиковалась в журналах «Арион», «Дружба народов», «Нева», «Новая Юность» и др. Живет в Подмосковье.

ДОРОФЕЕВ Роман – религиовед, автор исследований по истории православия и других религий в Средней Азии. Проректор Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

ЖУКОВА Светлана – старший научный сотрудник отдела истории Самаркандского краеведческого музея. Живет в Самарканде.

Иерей Александр КОЛОТОВКИН – клирик Ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Автор пяти книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда Востока», «Октябрь» и др. Лауреат поэтической премии «Московский счет». Живет в Подмосковье.

ОЗМИТЕЛЬ Екатерина – религиовед, искусствовед. Доктор исторических наук, руководитель Церковно-археологического отдела Бишкекской и Кыргызстанской епархии, автор трудов по истории православия в Киргизии. Живет в Бишкеке.

ПЕРНБАУМ Алексей – кандидат физико-математических наук, переводчик святых отцов. Староста Вознесенского храма села Еремеева Истринского района Московской области. Живет в Москве.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

Иеродиакон Михаил (СТОЛЯРОВ) – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

Юрий ФЛЫГИН – историк, автор исследований по истории православия в Средней Азии. Руководитель Службы по научной работе Ташкентской и Узбекистанской епархии, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, размер в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал единичный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются закавыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.
Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск XI
2016, № 3, июль-сентябрь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Рег. № 02-15

Подписано в печать 04.10.2016 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № 72 (от 04.10.2016).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568